

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.
1865

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Октября 18 дня, 1865 г., а.

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ.

Цензоръ, архимандритъ *Миссимъ*.

КЪ АРМОНИЮ,

О ТОМЪ, ЧТО ЗНАЧИТЬ ИМЯ И НАЗВАНІЕ: ХРИСТІАНИНЪ.

Какъ поступають въ отношеніи къ правительству обязанные платить ежедневно подати, если не внесуть деньги за многіе дни, такъ поступлю и я по отношенію къ твоей святости. Они, какъ скоро представится кому удобный случай, выплачивають, что были должны по частямъ, вдругъ, соединивъ долгъ въ одну сумму: и я, будучи долженъ посылать тебѣ письма непрерывно (потому что у христіанъ обѣщаніе есть долгъ), невольное опущеніе переписки за прошедшее время хочу восполнить теперь, распространивъ мѣру посланія на столько, что если бы раздѣлить его на письма обыкновенной мѣры, оно могло считаться вмѣсто многихъ. Но, чтобы длиннота письма не была пустымъ препровожденіемъ времени, думаю, что хорошо будетъ въ этой письменной рѣчи подражать личному нашему собесѣдованію. Конечно помнишь, что предметомъ всегдашнихъ нашихъ взаимныхъ бесѣдъ были заботы о добродѣтели и упражненія въ богопочтеніи, при чемъ ты, настойчиво, всегда предлагалъ во-

просы касательно того, о чемъ шла рѣчь, и ничего изъ сказаннаго не принималъ безъ изслѣдованія; а я, какъ старшій возрастомъ, каждый возникающій по ходу рѣчи вопросъ разрѣшалъ. Если бы возможно было и теперь быть сему, такъ чтобы твое разумѣнiе давало направленiе слову, то это было бы всего лучше; ибо для обоихъ насъ была бы двойная польза, какъ отъ взаимнаго лицезрѣнiя (что прiятнѣе сего для меня въ жизни?), такъ и отъ того, что твое благоразумiе, на подобiе музыкальной палочки, привело бы въ движенiе нашу ветхую цитру. Поелику же обстоятельства жизни дѣлаютъ то, что мы разъединены потѣлу, хотя и соединены душами, то необходимо будетъ—говорить и отъ твоего лица, какъ скоро по ходу рѣчи возникнетъ у насъ возраженiе противъ сказаннаго. Хорошо также будетъ предложить сперва какой либо душеполезный предметъ, какъ цѣль письма, а затѣмъ уже заняться изслѣдованiемъ того, что предложено. Итакъ, предметомъ нашихъ изысканiй будетъ вопросъ: что значитъ названiе: христiанинъ?

Можетъ быть, не бесполезно будетъ изслѣдованiе о семъ. Ибо, если бы мы въ точности открыли, что значитъ это имя, то получили бы большое содѣйствiе къ добродѣтельной жизни, стараясь посредствомъ высокаго образа жизни по истинѣ и быть тѣмъ, чѣмъ именуемся.

Ибо, если кто пожелаетъ назваться врачомъ или риторомъ или геометромъ, тотъ не допуститъ, чтобы его невѣжествомъ обличилась лживость названія, если на дѣлѣ не окажется тѣмъ, кѣмъ именуется; но желающій назваться кѣмъ либо таковымъ, по истинѣ, постарается оправдать названіе знаніемъ самаго дѣла, чтобы наименованіе его не оказалось лжеименнымъ. Такимъ же точно образомъ и мы, если, изслѣдуя, найдемъ истинную цѣль названія: христіанинъ, не рѣшимся не быть тѣмъ, что возвѣщаетъ о насъ это имя, чтобы и къ намъ не могъ быть примѣненъ извѣстный у язычниковъ рассказъ объ обезьянѣ. Говорятъ, что въ городѣ Александріи, одинъ искусникъ выучилъ обезьяну съ извѣстною ловкостію принимать видъ танцовщицы, надѣвалъ на нее личину танцовщицы и одежду приличную сему занятію. Посѣтители театра хвалили обезьяну, плясавшую подъ тактъ музыки, и во всемъ, что ни дѣлала и представляла, скрывавшую свою природу. Когда же зрители были заняты новостію зрѣлища, одинъ находившійся тамъ остроумецъ, посредствомъ шутки, показалъ увлеченнымъ зрѣлищемъ, что обезьяна есть не болѣе, какъ обезьяна. Когда всѣ восклицали и рукоплескали ловкости обезьяны, стройно плясавшей подъ тактъ пѣнія и музыки, онъ, говорятъ, бросилъ на сцену тѣ лакомства, которыя привлекаютъ жадность этихъ животныхъ. Обезьяна, какъ

скоро увидѣла разбросанный впереди сцены миндаль, ни на что не обращая вниманія, забывъ и пляску и рукоплесканія и нарядную одежду, подбѣжала къ нему и горстями начала собирать то, что находила; а чтобы личина не мѣшала рту, старалась сбросить ее, разрывая своими когтями обманчиво принятый образъ, такъ что, вмѣсто похвалъ и удивленія, внезапно возбудила между зрителями смѣхъ, когда изъ-за обрывковъ личины показалась ея безобразная и смѣшная наружность. Итакъ, какъ обезьянѣ недостаточно было ложно принятаго вида, чтобы сочли ее за человѣка, какъ скоро жадность къ лакомствамъ изобличила ея природу: такъ и тѣ, кои не истинно образовали свое естество вѣрою, посредствомъ лакомствъ, предлагаемыхъ отъ діавола, легко изобличаются въ томъ, что они нѣчто иное, отличное отъ того, за что выдаютъ себя. Ибо, вмѣсто смоквъ и миндаля и тому подобнаго, тщеславіе, честолюбіе, любостыжаніе, страсть къ удовольствіямъ и другіе такого же рода злые припасы діавольскіе, будучи вмѣсто лакомствъ предложены жадности людей, легко изобличаютъ подобныя обезьянамъ души, которыя посредствомъ подражанія принимаютъ на себя лицемѣрный видъ христіанства, а въ пору страстей свергають съ себя личину цѣломудрія, кротости, или другой какой добродѣтели. Итакъ необходимо разсудить о значеніи названія: христіан-

ство. Можетъ быть мы станемъ тѣмъ, чего требуетъ это имя, дабы, имѣя видъ (христіанъ), по одному только исповѣданію и покрову имени не оказаться чѣмъ либо инымъ, а не тѣмъ, чѣмъ кажемся, предъ Видящимъ тайное (Матѳ. 6, 6.).

Итакъ, во-первыхъ рассмотримъ, какой смыслъ заключается въ самомъ названіи: христіанство. Болѣе мудрые конечно могутъ найти какой либо болѣе высокій и величественный смыслъ, соотвѣтствующій высотѣ сего имени; а что доступно нашему разумѣнію о семъ имени, таково. Имя Христось, если замѣнить оное болѣе яснымъ и понятнымъ реченіемъ, значить царь, такъ какъ священное Писаніе преимущественно употребляетъ это имя для обозначенія царскаго достоинства. Но поелику, какъ говоритъ Писаніе, Божество неизреченно и непостижимо и превышаетъ всякаго уразумѣнія мыслію, то движимые Святымъ Духомъ пророки и апостолы по необходимости руководятъ насъ къ уразумѣнію нетлѣннаго Естества многими именами и понятіями. Каждое изъ боголѣпныхъ понятій направляетъ насъ къ какой либо мысли, такъ что власть надъ всѣмъ означается именемъ царства, а чистота и свобода отъ всякой страсти и всякаго зла именуется именами добродѣтелей, изъ которыхъ каждая разумѣется въ Совершенномъ и изречается о Немъ, такъ что одно и тоже (Божество) есть и правда и мудрость и сила

и истина, благость и жизнь и спасеніе и нетлѣніе и непрелагаемость и неизмѣняемость; а все, что ни разумѣется высокаго чрезъ обозначеніе таковыми именами, все это и есть Христость и изрекается о Немъ. Итакъ, если въ имени Христость разумѣется совокупность всего высокаго (ибо въ высочайшемъ изъ значеній содержатся и прочія, такъ что каждое изъ нихъ умопредставляется въ понятіи царства), то, выводя отсюда слѣдствіе, мы можетъ быть уразумѣемъ, что значитъ христіанство. Ибо если именемъ, превосходящимъ (всѣ) имена служащія для изъясненія нетлѣннаго естества, именуемъ также и мы, соединившіеся съ Нимъ чрезъ вѣру въ Него, то вполне необходимо, чтобы вслѣдствіе сего мы имѣли общность именъ и относительно тѣхъ понятій, которыя вмѣстѣ съ симъ именемъ усматриваются въ ономъ нетлѣнномъ естествѣ. Ибо какъ по причастію ко Христу мы получили названіе: христіане, такъ въ слѣдствіе сего самаго необходимо, чтобы это (имя) влекло за собою общеніе насъ со всѣми высокими именами. И какъ въ сѣти, потянувшій за крайнюю петлю посредствомъ одной потянулъ бы и всѣ соединенныя одна съ другою; такъ, поелику съ именемъ Христость соединяются и прочія имена изъясняющія оное неизреченное и многовидное блаженство, то необходимо, воспріавъ одно (имя), вмѣстѣ съ однимъ привлечь и прочія.

Итакъ, если кто принимаетъ на себя имя Христово, а того, что умпредставляется съ симъ именемъ, не являетъ въ жизни, тотъ ложно носить сіе имя; по представленному нами примѣру, оно бездушная личина, съ чертами человѣческаго образа, наложенная на обезьяну. Ибо какъ Христось не можетъ быть Христомъ, если Онъ не есть правда и чистота и истина и отчужденіе отъ всякаго зла; такъ не можетъ быть и христіаниномъ (то есть истиннымъ христіаниномъ) тотъ, кто не обнаруживаетъ въ себѣ общенія и съ этими именами. Итакъ, если бы нужно было кому либо истолковать смыслъ слова: христіанство посредствомъ опредѣленія, то мы скажемъ такъ: христіанство есть подражаніе божескому естеству. И никто пусть не порицаетъ этого опредѣленія, какъ чрезмѣрнаго и превышающаго смиреніе нашего естества; ибо опредѣленіе это не выходитъ за предѣлы естества. Если кто размыслить о первомъ состояніи человѣка, тотъ изъ ученія Писаній найдетъ, что опредѣленіе не вышло изъ мѣры нашего естества. Ибо первое устроеніе человѣка было по подражанію подобія Божія (такъ любомудрствуетъ о человѣкѣ Моисей, когда говоритъ, что: *сотвори Богъ чловѣка, по образу Божію сотвори ео.* Быт. 1, 27.), а названіе: христіанство выражаетъ возведеніе человѣка въ древнее благополучіе.

Если же древле человекъ былъ подобіе Божіе, то можетъ быть мы сдѣлали не безцѣльное опредѣленіе, сказавъ, что христіанство есть подражаніе божескому естеству. Значеніе названія такимъ образомъ велико. Теперь время рассмотреть, безопасно ли тому, кто носитъ это имя, жить несоотвѣтственно ему? То, о чемъ мы спрашиваемъ, будетъ яснѣе посредствомъ примѣра. Предположимъ, что кто нибудь объявляетъ себя искуснымъ въ живописи, и что отъ начальника ему дается приказаніе начертать для далеко живущихъ образъ царя. Если теперь онъ, начертавъ на доскѣ какой либо неблаговидный и безобразный видъ, это непристойное изображеніе назоветъ образомъ царя, то не приведетъ ли онъ въ справедливое негодованіе начальство тѣмъ, что оное дурное изображеніе будетъ причиною оскорбительнаго мнѣнія о красотѣ первообраза, между незнающими его. Ибо какимъ представляется видъ на картинѣ, такимъ по необходимости будетъ почитаемъ и первоначальный образъ. Итакъ, если опредѣленіе говоритъ, что христіанство подражаніе Богу, то не пріявшій еще слова таинства, какою увидитъ у насъ жизнь проводимую, какъ онъ увѣренъ, по подражанію Богу, таковымъ будетъ почитать и наше Божество. Такъ что, если онъ увидитъ примѣры всего благаго, то увѣруеть, что Божество нами чтимое, благо. Если же кто будетъ пре-

данъ страстямъ и звѣрообразенъ, и въ своихъ нравахъ сообразно различнымъ страстямъ будетъ отображать виды различныхъ звѣрей (ибо въ извращеніяхъ нашего естества должно видѣть именно отображенія звѣрей), и за тѣмъ станетъ именовать себя христіаниномъ, тотъ, поелику его имя обѣщаетъ и возвѣщаетъ подражаніе Богу, своею жизнію подаетъ невѣрнымъ поводъ порицать Божество, въ которое мы вѣруемъ. Посему и Писаніе возвѣщаетъ таковымъ страшнѣйшую грозу, говоря: горе тѣмъ, ради кого *имя Мое хулится во языцехъ* (Ис. 32, 5.). И мнѣ кажется, что къ этой преимущественно мысли руководя насъ, Господь сказалъ могущимъ слышать: *будьте совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѣ. 5, 48.). Ибо, наименовавъ истиннаго Отца отцемъ вѣрующихъ, хочетъ, чтобы и рожденные отъ Него имѣли подобіе съ созерцаемымъ въ Немъ совершенствомъ благъ.

Скажешь мнѣ: но какъ для человѣческаго смиренія возможно простирать стремленіе къ блаженству усматриваемому въ Богѣ, когда въ семъ самомъ повелѣніи какъ будто выказывается неудобноисполнимость его? Ибо какъ возможно земному уподобиться Тому, Кто на небесахъ, когда самое различіе по естеству показываетъ недостижимость подражанія? Ибо, какъ невозможно лицомъ достать до величія небесъ и содержащихся въ нихъ красотъ, такъ

и земному человѣку равно невозможно уподобиться небесному Богу. Но слово (Писанія) о семъ ясно: не приравнивать естество человѣческое естеству Божескому повелѣваетъ оно, но (Его) благимъ дѣйствіямъ, сколько возможно, подражать въ жизни. Итакъ, какого рода наши дѣйствія могутъ быть подобны дѣйствіямъ Божиимъ? Отчуждаться всякаго зла, сколько возможно, дѣломъ, словомъ и помышленіемъ стараясь быть чистыми отъ оскверненія имъ. Въ этомъ состоитъ истинное подражаніе божескому и свойственному небесному Богу, совершенству.

Ибо не думаю, чтобы Евангеліе въ словахъ, которыми повелѣваетъ быть намъ совершенными какъ небесный Отецъ, говорило о стихіяхъ неба, какъ объ отдѣльномъ какомъ-то жилищѣ Божества, потому что Божество равно находится во всемъ и одинаково проникаетъ все твореніе; нѣтъ ничего, чтобы пребывало въ бытіи внѣ Сущаго, но божеское естество соприкасается каждому существу, все содержитъ въ себѣ всеобъемлющею силою, какъ и пророкъ поучаетъ сему, говоря, что перенесусь ли мыслію на небо, изслѣдую ли, нисходя мысленно, то, что подъ землею, простру ли разумную силу души къ предѣламъ существующаго,—во всемъ увижу всевластную Твою десницу. Подлинное же изреченіе его таково: *аще възду на небо, Ты тамо еси: аще*

спиду во адъ, тамо еси; аще возму криль мои рано, и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо бо рука Твоя наставитъ мя, и удержитъ мя десница Твоя (Пс. 137, 8—10.). Итакъ изъ сихъ словъ можно видѣть, что не отдѣлено для Бога, по преимуществу, небесное жилище. Но поелику горній удѣлъ признается чистымъ отъ зла (на это во многихъ мѣстахъ загадочно указываетъ намъ Писаніе), а въ сей дольней, болѣе вещественной жизни совершаются злыя страсти, такъ какъ здѣсь, въ земной жизни, извивается и ползаетъ изобрѣтатель зла,—змій, о которомъ приточно говоритъ Писаніе, что онъ на персѣхъ и чревѣ ходитъ и землю питается всегда (Быт. 3, 14.); а этотъ образъ движенія и видъ пищи указываетъ намъ на то, что земная именно и дольная жизнь допускаетъ въ себя поползновенія многообразнаго зла и дѣлается пищею ползающаго по ней звѣря: то повелѣвающій подражать небесному Отцу повелѣваетъ быть чистыми отъ земныхъ страстей, отдаленіе отъ которыхъ совершается не посредствомъ мѣстнаго переходенія, но однимъ движеніемъ воли. Итакъ, если отчужденіе отъ зла естественно совершается однимъ устремленіемъ разумѣнія, то евангельское слово не повелѣваетъ намъ ничего затруднительнаго. Ибо съ устремленіемъ разумѣнія не соединено даже и труда, но можно для насъ безъ усилія, посредствомъ желаній быть тамъ, гдѣ бы ни

пожелали. Такъ что, желающему, и на землѣ удобно вести небесный образъ жизни, какъ скоро, по руководству Евангелія, будемъ мудрствовать небесная и слагать въ тамошнихъ сокровищницахъ богатство добродѣтели; ибо, *не скрывайте, говоритъ, сокровищъ на земли, но скрывайте сокровище на небеси, и дѣше ни червь ни тля тлитъ и дѣше татіе не подкапываютъ ни крадутъ* (Матѣ. 6, 19. 20.). Сіи слова показываютъ, что въ горней жизни не обитаетъ никакой тлетворной для блаженства силы. Ибо многоразлично дѣйствующій своею разнообразною злобою на гибель сей жизни, то на подобіе моли проникаетъ въ разумъ, дѣлая непригодною ту часть (души), въ которую вѣдрится; то, если въ скорости не будетъ изгнанъ изъ одной части, посредствомъ поядающей и истребляющей силы, переползая къ близъ лежащимъ частямъ, какъ знакъ своего движенія, оставляетъ слѣдъ поврежденія вездѣ, куда ни приблизится. Если же внутреннее непоколебимо, строить ковы посредствомъ внѣшнихъ обстоятельствъ; онъ или посредствомъ удовольствія проламываетъ стѣну къ сокровищницѣ сердца или другою страстію опустошаетъ хранилище души, гнѣвомъ или печалію или иною подобною страстію окрадывая разумъ. И такъ поелику въ горнихъ сокровищницахъ, какъ говоритъ Господь, нѣтъ ни моли ни тли ни хищнической злобы, научающей тому, о чемъ мы упомянули; то туда должно

переносить наше дѣланіе, гдѣ собранныя сокровища, недоступныя хищенію и умаленію не только навсегда остаются, но и на подобіе сѣмянъ производятъ многообразное приращеніе. Ибо конечно необходимо, чтобы воздаяніе было велико, соотвѣтственно естеству пріятшаго сокровище на храненіе. И какъ мы, дѣйствуя сообразно своему естеству, приносимъ мало, потому что такова наша природа; такъ прилично, чтобы Тотъ, Кто во всемъ богатъ, за ввѣренное Ему малое воздалъ тѣмъ, что имѣеть по естеству. И такъ ни кто да не унываетъ, внося въ божественныя сокровищницы по своимъ силамъ, какъ будто онъ получить по мѣрѣ того, что онъ далъ; но пусть пребываетъ въ надеждѣ (исполненія) обѣщанія сказавшимъ, что Онъ малое замѣнитъ великимъ, воздавъ небеснымъ за земное, вѣчнымъ за временное; сіи же блага такого рода, что ихъ ни мыслию нельзя постичь, ни словомъ изъяснить; о нихъ учить богодухновенное Писаніе: *ниже око видѣ, ниже ухо слыша, ниже на сердце чловѣку въздоша, яже утובה Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9.). Написавъ сіе тебѣ, о честная глава, мы не только восполнили опущенныя нами письма, но и предварили могущія быть послѣ сего опущенія. Ты же трудись о Господѣ, по сердцу; по сердцу же да будетъ тебѣ всегда то, что и Господу благоугодно и намъ по сердцу.

О СОВЕРШЕНСТВѢ,

И О ТОМЪ, КАКИМЪ ДОЛЖНО БЫТЬ ХРИСТИАНИНУ.

КЪ ОЛИМПІО МОНАХУ.

Избранному тобою образу жизни вполне прилично стараніе узнать, какъ достигнуть совершенства путемъ добродѣтели, чтобы жизнь твоя во всѣхъ отношеніяхъ была безупречною. Я же, всего бы лучше сдѣлалъ, если бы въ собственной жизни могъ найти примѣры того, къ чему ты стремишься, такъ чтобы вмѣсто словъ, на дѣлѣ представить тебѣ ученіе, котораго ты ищешь. Ибо наставленіе въ добродѣтели тогда было бы достойнымъ вѣры, когда бы жизнь согласовалась съ словами. Поелику же я хотя желаю быть когда либо въ такомъ положеніи, но нынѣ еще не нахожу себя таковымъ, чтобы вмѣсто слова, указывать на жизнь, то, дабы не показаться тебѣ совершенно бесполезнымъ и непригоднымъ для твоей цѣли, я разсудилъ изложить, въ чемъ должна состоять строгая жизнь, положивъ сямъ начало слову.

Благій Владыка нашъ Иисусъ Христосъ, даровалъ намъ быть общниками Его поклоняемаго имени, такъ чтобъ намъ не именоваться ни по чему иному, что принадлежитъ намъ, богатымъ ли кому случится быть и благороднымъ или неблагороднымъ и бѣднымъ, или имѣть извѣстность по какимъ либо занятіямъ и достоинствамъ; но при отстраненіи всѣхъ таковыхъ именъ, даровано увѣровавшимъ въ Него одно главное названіе,—именованіе христианами. Если такая дарована намъ свыше благодать, то необходимо, во-первыхъ, размыслить о величій дара, чтобы по достоинству возблагодарить даровавшаго столько Бога; затѣмъ показать себя такими въ жизни, какими требуетъ, чтобы мы были, значеніе сего великаго имени. Величіе дара, котораго удостоились чрезъ именованіе однимъ со Владыкою нашей жизни именемъ, будетъ ясно для насъ, если узнаемъ самое значеніе имени, которое отъ Христа, такъ чтобы разумѣть, какое возникаетъ въ душахъ нашихъ понятіе, когда симъ реченіемъ призываемъ въ молитвахъ Господа всяческихъ, или что разумѣемъ подъ симъ именемъ, когда благочестиво, какъ вѣруемъ, призываемъ Его. Когда же уразумѣемъ это, тогда, пользуясь симъ именемъ, какъ учителемъ и руководителемъ для жизни, и выводя отсюда слѣдствія, ясно узнаемъ, какими должны стараться быть въ жизни и мы. Сдѣлавъ

же святаго Павла путеводителемъ въ сихъ двухъ изслѣдованіяхъ, будемъ имѣть самое вѣрное руководство къ уясненію искомаго. Ибо онъ гораздо точнѣ всѣхъ, и уразумѣлъ что есть Христосъ, и своими дѣлами указалъ, каковымъ долженъ быть именующійся Его именемъ. Онъ такъ живо подражалъ Ему, что въ себѣ самомъ показалъ отображеніе своего Владыки, посредствомъ самаго точнаго подражанія измѣнивъ видъ своей души на подобіе Первообразу, такъ что уже не Павелъ, казалось, жилъ и говорилъ, но жилъ въ немъ самъ Христосъ, какъ говоритъ самъ, хорошо чувствуя собственныя совершенства: *если искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа (2 Кор. 13, 3.), и: живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ (Гал. 2, 20.).*

Апостолъ Павелъ указалъ намъ значеніе имени: Христосъ, сказавъ, что Христосъ есть Божія сила и Божія премудрость; назвалъ онъ также Его и миромъ и неприступнымъ свѣтомъ, въ которомъ обитаетъ Богъ, освященіемъ и избавленіемъ, великимъ Архіереемъ и пасхою, очищеніемъ душъ, сіяніемъ славы, образомъ Упостаси и творцемъ вѣковъ, духовною пищею и питіемъ, камнемъ, водою, основаніемъ вѣры, главою угла, образомъ невидимаго Бога, великимъ Богомъ, главою тѣла церкви, первожденнымъ новой твари, начаткомъ

умершихъ, перворожденнымъ изъ мертвыхъ, первороднымъ во многихъ братіяхъ, посредникомъ Бога и людей, Единороднымъ Сыномъ вѣнчаннымъ славою и честію, Господомъ славы и начаткомъ сущаго (такъ говоря о Немъ: *ужесть есть начатокъ*. Колос. 1, 18.); сверхъ сего: царемъ правды, царемъ мира и царемъ всяческихъ, имѣющимъ неограниченную державу царства, и многими другими такими же именами, которыя по множеству ихъ исчислять неудобно. Взаимное сопоставленіе всѣхъ сихъ наименованій, изъ коихъ каждое привноситъ свою мысль для указанія обозначаемаго имъ, даетъ намъ нѣкоторое понятіе о значеніи имени Христось, на столько указывая намъ неизреченное величіе, на сколько въ состояніи уразумѣть наша душа. Поелику же достоинство царское превышаетъ всякое достоинство и власть и властительство, названіе же Христось собственно и первоначально означаетъ державу царскую (ибо какъ знаемъ изъ бытописанія, помазаніе предшествуетъ царству), а въ царствѣ заключается вся сила прочихъ наименованій; то посему, кто уразумѣлъ частныя, заключающіяся въ понятіи царства, имена, тотъ вмѣстѣ съ симъ уразумѣетъ и силу имени, объемлющаго прочія. А названіе: Христось, есть имя означающее царство. Итакъ поелику благимъ Владыкою дано намъ быть общниками величайшаго, самаго божественнаго и перваго

изъ именъ, такъ что будучи почтены именемъ Христа, мы называемся христіанами: то необходимо, чтобы усматривались въ насъ и всѣ прочія, изъясняющія это реченіе, имена, чтобы это названіе не было у насъ лжеименнымъ, но свидѣтельствовалося жизнью. Ибо не отъ названія что либо получаетъ бытіе, но подлежащее естество, какимъ оно есть, такимъ и признается посредствомъ обозначенія соотвѣственнымъ именемъ. Напримѣръ, если кто дереву или камню придастъ названіе: человѣкъ; станетъ ли отъ этого названія дерево или камень человѣкомъ? Не будетъ имъ; нужно прежде быть человѣкомъ, а за тѣмъ уже называться именемъ принадлежащимъ сему естеству. Потому что и при уподобленіяхъ, названія не имѣютъ собственнаго значенія, если, напримѣръ, кто статую называетъ человѣкомъ, или лошадью изображеніе ея. Если что либо именуется нами въ собственномъ и истинномъ смыслѣ, то конечно самое естество (предмета) должно показать истину названія; а служащее для подражательныхъ изображеній вещество, чѣмъ есть по природѣ, тѣмъ и именуется, — мѣдью, камнемъ и тому подобнымъ, чему искусство придало видъ, изобразивъ что ему угодно. Итакъ тѣмъ, кои именуютъ себя именемъ Христовымъ, прежде необходимо быть тѣмъ, чего требуетъ имя, а за симъ уже усвоивать себѣ сіе названіе. И какъ, если бы кто

захотѣлъ различить дѣйствительнаго человѣка, отъ называемаго также человѣкомъ изображенія его, тотъ сдѣлалъ бы различіе на основаніи свойства того и другаго; ибо первымъ назоветь живое существо, одаренное разсудкомъ и умомъ, а вторымъ—вещество бездушное, принявшее видъ человѣка при помощи подражанія: такъ и христіанина, истиннаго и кажущагося, разпознаемъ изъ открывающихся въ каждомъ характеристическихъ свойствъ. Свойства подлиннаго христіанина всѣ тѣ, какія мы нашли во Христѣ; изъ нихъ доступнымъ для насъ подражаемъ, а тѣ, подражаніе коимъ не доступно нашему естеству, чтимъ и покланяемся имъ.

Итакъ, если *Божій человекъ* долженъ быть совершенъ, по слову апостола (2 Тим. 2, 17.), безъ всякаго искаженія совершенства со стороны зла, то нужно, чтобы въ жизни христіанской одни чрезъ подражаніе, другія чрезъ поклоненіе просіявали всѣ имена, изъясняющія значеніе имени: Христось. И какъ создающіе словеснымъ или живописнымъ искусствомъ мифическія чудовища, напримѣръ, людей съ бычачьими или лошадиными или драконовыми ногами, или составляя иное что подобное изъ различныхъ животныхъ, подражаютъ не какому либо образцу въ природѣ, но посредствомъ такого чудовищнаго вымысла искажая природу, создаютъ нѣчто иное, а не человѣка,

изображая по своему произволу не существующее; и какъ никто не назоветъ человѣкомъ изображеніе составленное такъ чудовишно, хотя бы часть его и была подобна какой либо части человѣческаго тѣла: такъ не можетъ быть названъ и христіаниномъ въ точномъ смыслѣ слова ни тотъ, кто имѣетъ главу безъ разума (*ἄλογον*), то есть не имѣющій въ вѣрѣ главы всего, которая есть Слово (*ὁ Λόγος*), ни тотъ, кто имѣя главу вѣры не являетъ соотвѣтственнаго ей тѣла, — образа жизни, когда или при гнѣвливости свойственной драконамъ, по звѣрству подобится этимъ пресмыкающимся, или къ свойствамъ человѣческимъ присоединяетъ женонеистовство коней и становится какимъ-то иппокентавромъ, составленнымъ изъ двухъ природъ: разумной и неразумной. Много можно видѣть такихъ людей: одни, имѣя голову тельца, то есть признавая ученіе идолопоклонства, проводятъ благовидную жизнь (они изображаютъ какъ бы минотавра); другіе, имѣя христіанское лице, своею жизнію присоединяютъ къ нему звѣроподобное тѣло (они представляютъ собою какъ бы кентавровъ и чудовищъ съ драконовыми ногами). Итакъ, чтобы христіанина узнавать, какъ другаго узнаемъ по тѣлу, нужно, чтобы вѣрующій въ своей жизни являлъ черты всѣхъ совершенствъ, разумѣемыхъ во Христѣ. Ибо въ одномъ быть тѣмъ, чего требуетъ это имя, а въ другомъ скло-

няться къ противоположному, значить не что иное, какъ враждебно раздѣлять самаго себя, и возбуждая внутреннюю брань между добродѣтелью и порокомъ, производить въ своей жизни раздѣленіе и несогласіе съ самимъ собою; ибо *кое общеніе свѣту ко тмѣ*, говоритъ апостоль (2 Кор. 6, 14.).

Итакъ поелику мракъ противоположенъ свѣту, не смѣшивается съ нимъ и не допускаетъ посредства, то держащійся того и другаго и не удаляющійся отъ одного изъ нихъ, по необходимости и самъ раздѣляется при взаимной борьбѣ сихъ противоположныхъ началъ, становясь въ тоже время и свѣтомъ и тмою въ своей смѣшанной жизни; вѣра привноситъ озареніе, а темная жизнь помрачаетъ сіяніе отъ слова (вѣры). Итакъ поелику нѣтъ общенія, смѣшенія и согласія между свѣтомъ и тмою, то держащійся той и другой изъ противоположностей, дѣлается врагомъ самому себѣ, раздѣлившись на двое и противопоставивъ въ себѣ, подобно враждебному строю, добродѣтель и порокъ. И какъ при борьбѣ двухъ враговъ невозможно, чтобы оба были побѣдителями другъ друга, потому что побѣда одного конечно влечетъ смерть противника: такъ и въ этой междуусобной борьбѣ, происходящей въ смѣшанной жизни, не иначе можетъ побѣдить лучшій строй, какъ погубивъ совершенно и уничтоживъ другой. Ибо, какъ

благочестивая рать одолѣетъ зло, когда выступаетъ противъ нея лукавый строй противниковъ ея? Если должно побѣдить совершенное, то конечно будетъ умерщвлено противоположное. Такимъ образомъ и добродѣтель тогда будетъ торжествовать побѣду надъ зломъ, когда все враждебное ей, при содѣйствіи разума, обратится въ ничто. И тогда исполнится сказанное пророкомъ отъ лица Божія: *Азъ убью и жизни сотворю* (Втор. 32, 39.); ибо благое во мнѣ не иначе можетъ жить, какъ будучи оживотворено смертію противника. А пока будемъ держаться обоихъ, одною рукою придерживаясь одного, другою другаго противника, не возможно въ то же время быть на сторонѣ того и другаго; ибо кто объемлетъ зло, тотъ выпускаетъ изъ рукъ добро. Итакъ возвратимся опять къ сказанному сначала, что для любителей добродѣтели одинъ путь къ чистой и божественной жизни, — знаніе, что значить имя: Христось, съ коимъ должно сообразовать и нашу жизнь, по значенію прочихъ именъ, стройно направляя ее къ добродѣтели. Итакъ, предложивъ въ предстоящемъ намъ изслѣдованіи тѣ собранныя нами въ предисловіи реченія и имена, посредствомъ которыхъ святыми устами Павла изъясняется значеніе слова: Христось, мы дадимъ самое неизблемое руководство для добродѣтельной жизни, подражая, какъ сказано выше, однимъ, поклоняясь в

почитая другія. Будемъ говорить о нихъ по тому порядку, какъ они исчислены нами. Итакъ начнемъ съ первыхъ.

Христось, говоритъ апостоль, есть *Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24.). Сии слова указываютъ намъ, во-первыхъ, на означаемыя именемъ Христось боголѣпныя понятія, которыя дѣлають для насъ досточтимымъ сие имя. Поелику вся тварь, какъ познаваемая чувственно, такъ и превышающая чувственное уразумѣніе, чрезъ Него произошла, и въ Немъ получила бытіе, то для опредѣленія явленія Христа, какъ все сотворившаго, необходимо съ силою соединяется и премудрость. Сочетаніе сихъ реченій: премудрости и силы, даетъ намъ разумѣть, что великія и неизреченныя чудеса творенія не могли бы явиться, если бы премудрость не примыслила ихъ происхожденія, а сила, которая осуществляетъ мысли въ дѣлѣ, не сопровождала бы мудрость для совершенія примышленного ею. Итакъ значеніе имени: Христось, даетъ намъ два раздѣльныя понятія: премудрости и силы, дабы, когда мы обратимъ взоръ на величіе состава всего, уразумѣли, при помощи усматриваемаго нами, неизреченную Его силу, а когда размыслимъ о томъ, что въ бытіе явилось несуществовавшее прежде, что многообразное естество существъ осуществлено божескимъ мановеніемъ, то увѣровали бы, что Христось есть непости-

жимая мудрость. Ибо, что призываетъ молящійся и къ чему обращаетъ око души, то и привлекаетъ къ себѣ молитвою; и такимъ образомъ обращающій взоръ къ силѣ (а сила есть Христось) *силою* утверждается *во внутреннемъ человѣкѣ*, какъ говоритъ апостоль (Ефес. 3, 16.), а призывающій премудрость (подъ которою опять разумѣется Господь) содѣлывается премудрымъ, какъ говоритъ книга Притчей (Притч. 2, 3. 5.). Итакъ, именуемый по имени Христа, который есть сила и премудрость, долженъ также сообразно съ сими именами являть въ себѣ силу,—осиливъ грѣхъ,— и премудрость,— избирая лучшее. А чрезъ проявленіе въ насъ премудрости и силы, первой въ избраніи добродѣтели, а силы въ утвержденіи въ томъ, что разумно избрано, достигается совершенство жизни, слагаясь при помощи того и другаго.

Такъ и разумѣя, что Христось *есть миръ* (Еф. 2, 14.), тогда покажемъ, что истинно называемся именемъ Христовымъ, когда чрезъ нашъ внутренній миръ явимъ своею жизнію Христа. Онъ *вражду* убилъ, какъ говоритъ апостоль (ст. 16.). Итакъ и мы не станемъ оживлять въ себѣ сію вражду, но нашею жизнію покажемъ, что она мертва, дабы намъ ее, хорошо умерщвленную Богомъ при спасеніи нашемъ, уже не воскрешать въ себѣ, на гибель душъ нашихъ, гнѣвомъ и памятозлобіемъ,

совершая злое воскресеніе того, что вполнѣ умерло. Но если имѣемъ Христа, который есть миръ, то и мы должны умерщвлять въ себѣ вражду, дабы того, что, какъ вѣруемъ, находится въ Немъ, достигать и въ своей жизни. Ибо какъ Онъ, разоривъ *средостѣнныя ограды*, *обоя* создалъ *собою во единого новаго чловѣка, творя миръ* (Ефес. 2, 14. 15.), такъ и мы должны примирить (съ собою) не только внѣшнихъ враговъ нашихъ, но и тѣхъ, кои враждуютъ въ насъ самихъ, такъ чтобы плоть уже не желала противнаго духу, а духъ противнаго плоти, но чтобы подчинивъ плотяный образъ мыслей божественному закону, мы имѣли миръ сами съ собою, преобразовавшись *во единого новаго* и *мирнаго чловѣка*, и изъ обоихъ ставъ единымъ. Ибо миръ можно опредѣлить, какъ согласіе враждующихъ. Итакъ когда уничтожится междоусобная брань въ нашемъ естествѣ, тогда мы станемъ миромъ и покажемъ, что истинно и дѣйствительно носимъ на себѣ сіе имя Христово.

Разумѣя же, что Христосъ есть *свѣтъ истинный* (Іоан. 1, 9.) и недоступный лжи, научаемся тому, что и наша жизнь должна быть озаряема лучами истиннаго Отца. Лучи же солнца правды, истекающіе для освященія нашего, суть добродѣтели, посредствомъ которыхъ мы отлагаемъ дѣла тмы и *яко во дни, благообразно ходимъ* (Рим. 13, 13.) и отвергаемъ

потаенныя студныя дѣла и все совершаемъ во свѣтѣ и сами становимся свѣтомъ, такъ что и другихъ просвѣщаемъ дѣлами, какъ свойственно свѣту.

Разумѣя, что Христось есть *освященіе* (1 Кор. 1, 30.), мы должны исповѣдать силу освященія не словами, но жизнью, свободною отъ всякаго сквернаго и нечистаго дѣла и мысли.

Зная же, что Христось есть *избавленіе* (1 Кор. 1, 30.), что Онъ предалъ Себя для искупленія нашего, научаемся симъ реченіемъ тому, что поелику Онъ даровалъ намъ безсмертіе, какъ бы какую цѣну за каждую душу, то симъ Онъ всѣхъ искупленныхъ Имъ отъ смерти чрезъ жизнь, содѣлалъ собственнымъ стяжаніемъ. Итакъ, если мы стали рабами Искупившаго, то конечно должны обращать взоры къ Господствующему, чтобы намъ жить уже не для себя самихъ, но для стяжавшаго насъ цѣною жизни, ибо мы уже не господа самимъ себѣ, но купившій насъ Господь (1 Кор. 6, 20.), мы же Его стяжаніе; и такъ закономъ для нашей жизни да будетъ воля Господствующаго. Ибо, какъ при владычествѣ надъ нами смерти, дѣйствовалъ въ нашей жизни законъ грѣха; такъ, когда мы стали стяжаніемъ жизни, необходимо согласоваться съ закономъ Обладающаго нами, дабы отворотившись отъ подчиненія волѣ жизни, опять не попасть намъ чрезъ грѣхъ

подъ власть злаго мучителя душъ нашихъ, — говорю о смерти.

То же самое уподобленіе Христу даетъ разумѣть намъ Павелъ, когда говоритъ, что Онъ есть *пасха* (1 Кор. 5, 6.) и *Архіерей* (Евр. 7, 11.). Ибо по истинѣ за ны пожренъ бысть *пасха Христосъ*; священникъ же, приносящій Богу жертву, не иной кто есть, какъ тотъ же Христосъ. Ибо *себе*, говоритъ, принесъ *приношеніе и жертву* за насъ (Ефес. 5, 2.). Итакъ отсюда научаемся, что послѣдующій Оному, принесшему себя въ приношеніе и жертву, содѣлавшемуся пасхою, и самъ долженъ представить себя Богу въ *жертву живу, святу, богоугодну*, ставъ словеснымъ служеніемъ (Рим. 12, 1.). Образъ же служенія, — не сообразоваться *вѣку сему*, но преобразоваться *обновленіемъ ума своего, во еже искушати, что есть воля Божія, благая и угодная и совершенная* (ст. 2.). Ибо во плоти, пока она живеть, не можетъ проявляться благая воля Божія, если она не освятится по закону духовному, потому что *мудрованіе плотское вражда на Бога и закону Божію не покарется, ниже бо можетъ* (Рим. 8, 7.), пока жива плоть; если же чрезъ священнодѣйствіе животворной жертвы умертвятся *уды яже на земли*, чрезъ которыя дѣйствуютъ страсти, то благоугодная и совершенная воля Божія, безпрепятственно совершится въ жизни вѣрующихъ въ Него.

Такъ, и разумѣя о Христвѣ, что Онъ есть *очищеніе въ собственной крови* (Рим. 3, 25.), научаемся тому, что каждый долженъ самъ быть себѣ очищеніемъ, чрезъ умерщвленіе членовъ очищая душу.

Когда же Христосъ называется *сіяніемъ славы* и *образомъ гности* (Евр. 1, 3.), то эти реченія даютъ намъ мысль о достопоклоняемомъ Его величіи. Ибо по истинѣ богодухновенный и Богомъ наученный Павелъ, во глубинѣ богатства премудрости и разума Божія (Рим. 11, 33.) испытую недоступныя и сокровенныя божественныя тайны, бывшія ему отъ Бога озаренія относительно уразумѣнія недоступнаго испытанію и изслѣдованію, поелику языкъ у него былъ безсильнѣе мысли, сообразно тому, какъ вмѣщаль слухъ пріемлющихъ его таинственное разумѣніе, представилъ при помощи нѣкоторыхъ гаданій, говоря столько, сколько могло выразить слово, служащее мысли. Ибо уразумѣвъ (о Богѣ) все, сколько можетъ вмѣстить человѣческая сила, говорить, что понятіе о превысшей Сущности не доступно и не постижимо для человѣческой мысли. По сему хотя и говорить объ усматриваемыхъ въ ней свойствахъ, мирѣ, силѣ, жизни, свѣтѣ, истинѣ и тому подобныхъ, но понятіе о ней самой почитаетъ совершенно непостижимымъ, утверждая, что Бога никто и не видѣлъ никогда, и видѣть не можетъ; ибо *Егоже, говорить, никтоже видѣлъ есть, ниже*

видѣти можетъ (1 Тим. 6, 16.). По сему, когда ища, какъ наименовать то, что не можетъ быть понято мыслию, не нашелъ соотвѣтствующаго имени для изъясненія непостижимаго; то превышающаго всякое благо, ни мыслимаго, ни выражаемаго достойно, наименовалъ Славою и Упостасію. Итакъ, превышающую все сущее сущность оставилъ безъ наименованія; а изъясняя родственность и нераздѣльность Сына со Отцемъ, и то, что Онъ безпредѣльно и вѣчно созерцается вмѣстѣ съ безпредѣльнымъ и вѣчнымъ Отцемъ, называетъ Его сіяніемъ славы и образомъ упостаси,—сіяніемъ указывая на родственность, а образомъ на равенство. Ибо мысль не допускаетъ никакой среды между сіяющимъ и изсіяваемымъ, ни какого либо уменьшенія въ образѣ, въ сравненіи съ упостасію имъ отображаемою. Но кто разумѣетъ естество сіяющее, конечно разумѣетъ при немъ и сіяніе его, и представляющій въ умѣ величіе упостаси, конечно соразмѣряетъ упостась съ являющимъ оную образомъ. Посему и называетъ Господа образомъ Божиимъ не съ тѣмъ, чтобы понятіемъ образа умалить Господа, но чтобы показать тѣмъ величіе Сына, такъ какъ усматриваемое величіе Отца нигдѣ не выходитъ за предѣлы собственнаго образа и не обрѣтается внѣ своего образа. Ибо вѣтъ въ Отцѣ ничего безобразнаго (*ἄμορφον*) и непрекраснаго, чтобы не отражалось въ красотѣ

Сына; посему говорить Господь: *видьмый Мене, видь и Отца* (Иоан. 14, 9.), означая симъ, что нѣтъ ни уменьшенія какого либо, ни превосходства.

Говоря же, что Онъ носитъ *всяческая малоломъ силы* (Евр. 1, 3.), разрѣшаетъ симъ недоумѣніе тѣхъ многозаботливыхъ изслѣдователей непостижимаго, которые стараясь рѣшить вопросъ о веществѣ, нигдѣ не полагаютъ предѣла своему любопытству. Какъ, говорятъ они, у невещественнаго вещественность? Какъ изъ неколичественнаго количество, отъ неопишуемаго образъ, отъ невидимаго цвѣтъ, отъ безпредѣльнаго ограничиваемое своими мѣрами? И если въ простомъ и несложномъ нѣтъ никакого качества, то откуда вторгается вещество съ своими качествами? Всѣ эти и подобные вопросы разрѣшаетъ апостолъ говоря, что Слово *всяческая носитъ малоломъ силы своя*, (приводя) изъ небытія въ бытіе. Сіи слова научаютъ насъ обращать взоръ къ Тому, отъ Котораго происходитъ все сущее. Ибо если Имъ все приведено въ бытіе и въ Немъ существуетъ, то вполнѣ необходимо вѣровать, что ничто не сокрыто отъ знанія Того, въ Коемъ мы существуемъ, отъ Котораго произошли и къ Которому отходимъ. А эта мысль естественно требуетъ, чтобы жизнь наша была безгрѣшною. Ибо, кто вѣруя, что живетъ изъ Того и Тѣмъ и въ Немъ (Рим.

11, 36.), осмѣлится сдѣлать свидѣтелемъ непристойной жизни Того, кто содержитъ въ себѣ жизнь каждаго?

Именуя же Господа *духовнымъ брашномъ и питіемъ* (1 Кор. 10, 16—21.), божественный апостоль сказаннымъ даетъ разумѣть, что не единовидно человѣческое естество, но поелику (въ насъ) соединена разумность съ чувственностію, то для каждой изъ усматриваемыхъ въ насъ (сторонъ) есть особенная пища: чувственнымъ брашномъ поддерживается тѣло, а духовная пища даетъ намъ душевное здравіе. Но какъ въ тѣлѣ, твердая и жидкая пища взаимно смѣшанныя, сохраняютъ нашу природу, и та и другая растворившись вмѣстѣ, смѣшиваются съ каждою составленною изъ стихій частию тѣла; такимъ же образомъ, соотвѣтственно сему, раздѣляетъ Павелъ и разумную пищу, именуя брашномъ и питіемъ тотъ же самый предметъ, измѣняющійся соотвѣтственно нуждѣ пріемлющихъ. Ибо немощнымъ и слабымъ Онъ бываетъ хлѣбомъ, укрѣпляющимъ сердце человѣка; а истомленнымъ бѣдствіями сей жизни и отъ того содѣлавшимся жаждущими бываетъ виномъ веселящимъ сердце (Пс. 103, 15.). Подъ сказаннымъ же нужно разумѣть силу слова, которымъ питается душа соотвѣтственно потребности, пріемля (простекающую) отъ Него благодать, по загадочному изреченію пророка, который мѣстомъ значнымъ

и водою покойною (Пс. 22, 2.) означает утѣшеніе, словомъ подаваемое труждающимся. Если же кто, обращая вниманіе на таинство, скажетъ, что брашномъ и питіемъ собственно называется Господь, то и это не чуждо подлиннаго значенія; ибо *плоть Его истинно есть брашно и кровь Его истинно есть пиво* (Іоан. 6, 55.). Но при вышеизложенномъ разумѣніи, всѣмъ доступно приобщеніе Слову, которое, будучи приемлемо ищущими его, бываетъ брашномъ и питіемъ, предлагаемыми безразлично всѣмъ. А при другомъ разумѣніи, приобщеніе этой пищѣ и питію бываетъ не безъ испытанія и различенія, послѣку апостоль опредѣлилъ: *да искушаетъ каждый себе, и тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да пьетъ; ядый же и пійй недостойнъ, судъ себѣ ястъ и пьетъ* (1 Кор. 11, 28. 29.). Мнѣ кажется, что это именно имѣетъ въ виду евангелистъ, когда съ особеннымъ значеніемъ указываетъ на то, что во время таинственнаго страданія оный благообразный совѣтникъ, обвивъ тѣло Господа нескверною и чистою плащаницею, положилъ оное въ новомъ и чистомъ гробѣ (Лук. 23, 53.). Такимъ образомъ и повелѣніе апостола и замѣчаніе евангелиста служатъ для всѣхъ насъ закономъ, принимать святое тѣло чистою совѣстію; если же на насъ есть какое-либо пятно грѣха, то должно омыть его водою слезъ.

Христось именуется также *камнем* (1 Кор. 10, 4.); сіе имя требуетъ отъ насъ твердости и неуклонности въ добродѣтельной жизни, чтобы мы твердо переносили страданія и являли духъ крѣпкій и недоступный всякому прираженію грѣха. Чрезъ это и подобное и мы станемъ камнемъ, подражая сколько возможно, въ измѣнчивомъ естествѣ, неизмѣняемости и непрелагаемости Владыки.

Если же тотъ же Христось премудрымъ архитекторомъ (1 Кор. 3, 10.) именуется *основаніемъ въры и главою ула* (Еф. 2, 20. Лук. 20, 17.), то и это окажется не безцѣльнымъ для содѣйствія добродѣтельной жизни. Отсюда научаемся, что всякаго благаго рода жизни, всякой доброй науки и занятія, и начало и конецъ есть Господь. Ибо Онъ есть также, какъ и именуеть его Павелъ, *упованіе* (1 Кор. 1, 7. 2 Кор. 1, 9. 10.), которое разумѣемъ какъ вершину, къ которой направляются всѣ усилія добродѣтельной жизни. И началомъ високаго столпотворенія сей жизни бываетъ вѣра въ Него; на ней, какъ бы основаніе какое, полагаемъ начала жизни нашей и ежедневными упражненіями въ добрѣ дѣлаемъ себѣ закономъ чистыя мысли и дѣйствія; такимъ образомъ глава всего содѣлывается и нашею главою, стройно, какъ бы углами, соединяющею въ себѣ благообразно и въ чистотѣ возведенныя двѣ стѣны нашей жизни,— тѣлесную и духов-

ную. Если же въ какой-либо части зданія окажется недостатокъ, если на примѣръ съ чистотою души не будетъ соединяться благообразіе внѣшнихъ дѣлъ, или съ внѣшнею не будетъ совпадать душевная добродѣтель, то такой нецѣлостной жизни не будетъ главою Христосъ, который содѣлывается главою только зданія имѣющаго обѣ стѣны и угла, ибо не возможно быть углу безъ соединенія двухъ стѣнъ. Потому что тогда наше зданіе украсится красотою углового свода, когда наша двойственная жизнь, по той и другой сторонѣ слѣдуя образцу правильной жизни, будетъ стройно воздвигаться по прямой линіи, правильно и неуклонно, не имѣя въ себѣ ничего косога или искривленнаго.

Именуется также Павелъ Христа *образомъ Бога невидимаго* (Колос. 1, 15.), *Богомъ надъ всеми и великимъ Богомъ*; ибо и такими названіями возвѣщаетъ величіе истиннаго Владыки, говоря: *великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа* (Тит. 2, 13) и: *отъ нихъ Христосъ по плоти, сый надъ всеми Богъ благовенъ во вѣки* (Рим. 9, 5.). Говоря это, сказаннымъ научаетъ насъ, что Сущій всегда тѣмъ, что есть (а есть Онъ то, что знаетъ одинъ Сущій), хотя бы и вѣчно приближался къ Нему посредствомъ преуспѣванія мудрствующій горняя, навсегда въ той же степени (останется) превыше человѣческаго уразумѣ-

нія. Итакъ сей, превысшій всякаго познанія и повиманія, неизреченный, неизглаголаный и невыразимый, чтобы снова содѣлать тебя образомъ Божиимъ и самъ по челоуѣколюбію содѣлывается образомъ Бога невидимаго. Своимъ образомъ, который принялъ, Онъ воображается въ тебѣ, чтобы чрезъ себя и тебя снова облечь красотою свойственною первообразу, дабы тебѣ быть тѣмъ, что былъ отъ начала. Такъ и мы, если желаемъ быть образомъ Бога невидимаго, должны видъ своей жизни сообразовать съ подлежащимъ намъ образцомъ жизни. Что же это значитъ? Живя во плоти, не жить по плоти (Рим. 8, 12.). Ибо и оный первообразный образъ невидимаго Бога, содѣлавшійся близкимъ къ намъ чрезъ рожденіе отъ Дѣвы, хотя искушенъ былъ по всяческимъ, по подобію челоуѣческаго естества, но не пріялъ одного только искушенія, — грѣха (Евр. 4, 15.); *иже, говоритъ Писаніе, грѣха не сотвори, ни обрѣтесе леть во устьхъ Его* (1 Петр. 2, 22.). Такъ, если бы мы учились искусству живописи и учитель предложилъ намъ на картинѣ какой-либо прекрасно начертанный образъ, то конечно каждый бы (изъ насъ) долженъ былъ въ своемъ живописаніи подражать оному прекрасному (изображенію), чтобы картины всѣхъ украсились по подлежащему образцу красоты. Такимъ же точно образомъ, поелику каждый есть живо-

писецъ собственной жизни, а художникъ дѣла жизни есть свободная воля, краски же для воспроизведенія образа — добродѣтели, то не малая опасность, вмѣсто подражанія первообразной красотѣ, начертать какое-либо гнусное и безобразное лице, вмѣсто вида Владычняго грязными красками изобразивъ образъ порока. Но для изображенія красоты мы должны брать, сколько возможно, чистыя краски добродѣтелей, смѣшанныя между собою по правилу искусства, такъ, чтобы быть намъ образомъ Образа, чрезъ дѣятельное, сколь возможно, подражаніе отпечатлѣвая первообразную красоту, какъ дѣлалъ Павелъ, въ добродѣтельной жизни бывшій подражателемъ Христу (1 Кор. 11, 1.). А если нужно точно различить въ (нашемъ) словѣ, чѣмъ мы должны подражать образу, то первая краска—смиренномудріе; ибо *научитесь, говорить, отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѣ. 11, 29.). Вторая краска долготерпѣніе; что же изображаетъ оное въ образѣ невидимаго Бога? Мечъ и древо (креста), узы и бичеваніе, заушеніе ланитъ и оплеваніе лица, плечи предаваемыя ранамъ, нечестивое судилище, жестокій приговоръ, войны поруганіемъ, насмѣшками и ударами тростію выражающіе радость о безчеловѣчномъ приговорѣ, гвозди, желчь и оцетъ и всѣ тяжкія муки, наносимыя Ему безъ вины, или лучше, воздаваемыя за многоразличныя

благодѣянія. Какое же мщеніе содѣлавшимъ это? *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо что творятъ* (Лук. 23, 34.)! Развѣ невозможно было Ему низринуть на нихъ самое небо, или уничтожить оскорбителей зїяніемъ земли, или изринуть море изъ его предѣловъ и потопить землю пучиною, или наслать на нихъ содомскій огненный дождь, или своимъ повелѣніемъ совершить что либо иное жестокое? Но все это кротко и долготерпѣливо перенесъ, своимъ (примѣромъ) узаконившій долготерпѣніе для твоей жизни. Такъ и все прочее можно видѣть въ первообразномъ образѣ Бога, взирающей на который и по оному явственно украшающей свой образъ и самъ содѣлывается образомъ Бога невидимаго, живописуемымъ терпѣніемъ.

А кто знаетъ, что Христось есть *глава церкви* (Еф. 5, 23.), тотъ прежде всего пусть размыслить о томъ, что всякая глава имѣетъ одно естество и сущность съ подчиненнымъ ей тѣломъ, и что какъ бы сродство какое соединяетъ частные члены въ одно цѣлое, производя сочувствіе и согласіе цѣлаго съ частями. Поелику, если что нибудь находится внѣ тѣла, то это конечно чуждо и главѣ. Итакъ, сими словами Писаніе учитъ насъ, что чѣмъ есть по естеству Глава, тѣмъ должны быть и отдѣльные члены, чтобы быть родственными Главѣ. Мы же члены, составляющіе тѣло

Христово; итакъ, если кто, отъявъ членъ у Христа, сдѣлаетъ его членомъ блудницы (1 Кор. 6, 15.), тотъ взявъ необузданную похоть какъ бы какой мечъ, посредствомъ этой злой страсти, совершенно отдѣлитъ членъ отъ Главы. Такъ и прочія орудія зла бываютъ мечами, которыми отсѣкаются члены отъ тѣла, коему принадлежатъ, и всѣ отдѣляются отъ Главы, при чемъ страсти совершаютъ какъ бы отсѣченіе. Итакъ, чтобы тѣло пребывало цѣлымъ по своему естеству, необходимо, чтобы и отдѣльные члены были соединены съ Главою, будучи по существу своему вполне тѣмъ же, что и Глава. Если Главу разумѣемъ безсмертною и нетлѣнною, то конечно и члены должны сохраняться въ нетлѣніи. Такъ и другія понятія, которыя разумѣемъ о Главѣ, миръ, освященіе, истину и всѣ подобныя, какъ и слѣдуетъ, должны быть усматриваемы и въ членахъ. Ибо чрезъ Сына все это и подобное является въ членахъ, поелику апостолъ свидѣтельствуеть, что они имѣютъ естественную связь съ Главою, говоря такъ: *Онъ есть глава: изъ него же все тѣло составляемо и сщиневаемо приличнѣ, всяцѣмъ осязаніемъ, по дѣйству въ мѣрь единыя коеяждо части, возвращеніе тѣла творитъ* (Ефес. 4, 15. 16.). Наименованіе главы должно научить насъ и тому еще, что какъ у животныхъ глава возбуждаетъ къ дѣятельности тѣло, чрезъ глазъ и слухъ сообщающа направленіе

частнымъ движеніямъ, какъ-то движенію ногами и дѣйствованію руками (ибо если глазъ не будетъ надзирать за дѣйствіями или слухъ не будетъ принимать руководства, то не можетъ быть, какъ слѣдуетъ, исполнено какое либо подлежащее дѣло): такъ и въ насъ, — тѣлѣ, всякое устремленіе и дѣйствіе должно направляться соотвѣтственно (указанію) истинной Главы, туда, куда укажетъ *Создавый око и Насажденъ ухо* (Пс. 93, 9.). Итакъ поелику глава зрѣтъ горѣ, то и члены конечно, соединенные съ главою, должны слѣдовать путеводительству главы и устремляться къ горнему.

Когда же слышимъ, что Христосъ есть *первороденъ твари* (Кол. 1, 16.), *первороденъ изъ мертвыхъ* (ст. 18.) и первородный во многихъ братіяхъ (Рим. 8, 29.), то во-первыхъ должны опровергнуть еретическія мнѣнія, такъ какъ въ вышеприведенныхъ реченіяхъ нѣтъ ничего, что бы говорило въ пользу ихъ превратнаго ученія. За симъ обратимъ вниманіе и на то, что сіи слова даютъ намъ пригоднаго для нравственной жизни. Поелику богоборцы говорятъ, что Единородный Богъ, Зиждитель всего, изъ Него же и Имъ же и въ Немъ же *всяческая* (Рим. 11, 36.), есть дѣло, тварь и созданіе Божіе, и посему полагають, онъ и называется перворожденнымъ всея твари, какъ бы собратомъ твари, имѣющимъ первенство предъ нею только по времени, какъ напримѣръ Рувимъ

не по естеству имѣеть предпочтеніе предъ своими братьями, но первенствуетъ предъ ними старѣйшинствомъ по времени: то во-первыхъ на это должно сказать имъ, что одного и того же нельзя признавать и едиnorodнымъ и перворожденнымъ; ибо ни едиnorodнаго нельзя представлять съ братьями, ни первороднаго безъ братьевъ; (первородный) конечно и не есть едиnorodный и не называется имъ. Итакъ эти понятія несоединимы и несомѣстимы взаимно въ одномъ и томъ же (лицѣ), такъ что невозможно одному и тому же именоваться двойко: и едиnorodнымъ и первороднымъ. Но Писаніе говоритъ о сущемъ въ началѣ Словъ, что Едиnorodный Богъ *первороденъ* *всѣхъ твари*. Итакъ чтобы въ таинствѣ истины благочестиво отличить каждое изъ сихъ именъ, нужно сдѣлать такое различеніе: предвѣчное Слово есть Едиnorodный, а Слово ставшее плотію—Первородный въ произшедшей послѣ сего во Христѣ, твари. И если мы узнаемъ, какая мысль соединяется съ названіемъ его перворожденнымъ изъ мертвыхъ и первороднымъ во многихъ братіяхъ, то по связи понятій пойдемъ и то, почему онъ называется перворожденнымъ твари. Господь становится перворожденнымъ изъ мертвыхъ, содѣлавшись началомъ умершихъ (1 Кор. 15, 20.), чтобы плоти открыть путь къ воскресенію (1 Сол. 4, 14.). И намѣреваясь насъ, прежде бывшихъ

по естеству чадами гнѣва, чрезъ рожденіе свыше водою и духомъ, содѣлать сынами дня и сынами свѣта, самъ предшествуетъ намъ въ такомъ рожденіи, привлекая въ рѣкѣ Іорданѣ на начатокъ нашего естества благодать Духа, такъ чтобы всѣхъ родившихся въ жизнь чрезъ духовное возрожденіе содѣлать братіями Первороденнаго водою и Духомъ. Такимъ же точно образомъ, и разумѣя Христа перворожденнымъ произшедшей въ Немъ твари, не будемъ далеки отъ благочестиваго пониманія. Поелику древняя тварь прешла, содѣлавшись неpotребною чрезъ грѣхъ; то, по прошествіи того, что уничтожено, необходимо явилась новая живая тварь, образующаяся чрезъ возрожденіе и воскресеніе изъ мертвыхъ, Начало которой, положившій начало жизни, содѣлывается и именуется перворожденнымъ жизни. Въ немногомъ сказанномъ нами, внимательные удобно найдутъ все, что нужно для опроверженія противниковъ и для защиты истины. А сколько сіи реченія оказываются пригодными для добродѣтельной жизни, объ этомъ коротко разсудимъ.

Рувимъ былъ первороднымъ между родившимися послѣ него; о родствѣ съ нимъ родившихся послѣ него, свидѣтельствовали внѣшнія ихъ черты и сходство съ первороднымъ, такъ что братство ихъ, о которомъ свидѣтельствоvalo подобіе по виду, не могло быть не

признаннымъ. И такъ если и мы, чрезъ однородное возрожденіе водою и духомъ, содѣлались братьями Господа, ради насъ ставшаго перворожденнымъ во многихъ братьяхъ, то слѣдуетъ и намъ, въ чертахъ своей жизни выражать родство съ Нимъ, поелику Первороденный твари пріялъ на себя образъ нашей жизни. Какія же черты въ ономъ образѣ указываетъ Писаніе? Они состоятъ, какъ многократно говорили мы, въ томъ, что Онъ *ирьха не сотвори, ниже обрътесе лествъ во устьяхъ его* (1 Петр. 2, 22.).

Итакъ если мы намѣрены принять на себя званіе братій Предшественника нашего въ рожденіи, то должны завѣрять о своемъ родствѣ съ Нимъ безгрѣшностію нашей жизни, такъ чтобы никакая скверна не отдѣляла насъ отъ единенія съ чистотою. Но перворожденный есть и правда и освященіе и любовь и избавленіе и тому подобное; итакъ если и всего сего черты будутъ выражаться въ нашей жизни, то мы представимъ ясные признаки нашего высокаго рода, такъ что каждый, видя эти черты въ нашей жизни, засвидѣтельствуетъ наше братство со Христомъ. Ибо Онъ отверзъ намъ дверь воскресенія и тѣмъ содѣлался начаткомъ умершихъ (1 Кор. 15, 20.); а что всѣ мы возстанемъ *вскорь, во мновеніи ока, въ послѣдней трубѣ* (1 Кор. 15, 52.), это Онъ доказалъ тѣмъ, что содѣлалъ какъ съ самимъ собою,

такъ и съ прочими, надъ коими владычествовала смерть.

Въ будущей же жизни не одинаковое состояніе ожидаетъ всѣхъ возставшихъ изъ праха земнаго, но пойдѣмъ, говоритъ Писаніе, *сотворшии благая въ воскресеніе живота: а сотворшии злая въ воскресеніе суда* (Іоан. 5, 29.). Посему, если чья жизнь ведетъ къ оному страшному осужденію; таковой, хотя бы ему и случилось быть причисленнымъ чрезъ рожденіе свѣше къ братіямъ Господа, ложно носить это имя, чрезъ отображеніе въ себѣ зла отрицаясь родства съ Перворожденнымъ. Ибо Посредникъ между Богомъ и людьми (1 Тим. 2, 5.), соединившій собою съ Богомъ челоуѣчество, соединяетъ только то, что достойно соединенія съ Богомъ. Потому что, какъ Онъ въ себѣ силою Божества соединилъ съ собою челоуѣка, хотя и принадлежащаго какъ часть къ естеству общему всѣмъ, но не подпавшаго влекущимъ ко грѣху страстямъ (ибо *ирѣха*, говоритъ Писаніе, *не сотвори, ниже обрѣтесе лествъ во устьяхъ его* (1 Петр. 2, 22.)), такъ и въ единеніе съ Божествомъ приведетъ каждого, кто только не привнесетъ ничего недостойнаго соединенія съ Божествомъ. Но если кто будетъ истинно храмомъ Божиимъ, не заключающимъ въ себѣ никакого идола и изваянія зла; тотъ будетъ принятъ Посредникомъ въ общеніе съ Божествомъ, будучи чистымъ для

воспріятія Его чистоты. Ибо, ни *въ злохудожную душу не увидетъ премудрость*, какъ говоритъ слово Божіе (Прем. 1, 4), ни чистый сердцемъ не увидитъ въ себѣ чего либо инаго кромѣ Бога; онъ, прилѣпившись къ Богу нетлѣніемъ, воспріалъ внутрь себя все благое царство. Наши слова будутъ яснѣе, если мы для объясненія сказаннаго будемъ имѣть также въ виду слова Господа, обращенныя къ апостоламъ чрезъ Марію: *восхожду, говоритъ Онъ, ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (Іоан. 20, 17.). Такъ говоритъ Посредникъ между Отцемъ и отверженными Имъ, примирившій собою враговъ Божіихъ съ истиннымъ и единымъ Божествомъ. Такъ какъ, по слову пророческому, люди чрезъ грѣхъ *отчуждишася отъ ложеснъ и заблудиша отъ чрева*, въ которомъ образовались, и вмѣсто истины *лаголаша лжу* (Пс. 57, 4.), то посему (Господь) воспріавъ начатокъ общаго намъ естества, по душѣ и тѣлу, содѣлалъ оный святымъ, сохранивъ его въ себѣ чистымъ и недоступнымъ всякому злу, дабы чрезъ нетлѣніе вознести оный ко Отцу нетлѣнія, чрезъ оный привлечь вмѣстѣ и все сродное и родственное ему по естеству, отверженныхъ пріять въ усыновленіе и враговъ Божіихъ въ общеніе съ Его Божествомъ. Посему какъ начатокъ примѣшенія (Рим. 11, 16.) чистотою и безстрастіемъ соединился съ истиннымъ Отцемъ

и Богомъ; такъ и мы, смѣшеніе, подобными же путями прилѣпимся къ Отцу нетлѣнія, подражая сколько возможно безстрастію и неизмѣняемости Посредника. Такимъ образомъ мы будемъ для Единороднаго Бога вѣнцемъ изъ драгоцѣнныхъ камней, ставъ посредствомъ (нашей) жизни (Его) честію и славою. Ибо Павелъ говоритъ, по причинѣ страданія смертнаго, *умалилъ еси его малымъ нѣчимъ отъ Ангелъ* (Евр. 2, 7.). Измѣнившихъ древле чрезъ грѣхъ свое естество въ тернъ, по домостроительству смерти содѣлалъ себѣ вѣнцемъ, чрезъ страданіе претворивъ тернъ въ честь и славу. И такъ поелику (Господь) единожды взялъ грѣхъ міра и воспріалъ на главу вѣнецъ изъ терній, дабы содѣлать его вѣнцемъ соплетеннымъ изъ чести и славы, то не малая опасность для того, кто худою жизнію окажется волчцемъ и терніемъ, вставленнымъ, по причинѣ общности съ Нимъ по тѣлу, въ средину Владычняго вѣнца. Таковой конечно услышитъ справедливый гласъ: *како вшелъ еси стѣмо не имый одѣянія брачна* (Матѣ. 22, 12.). Какъ будучи терномъ вплеся въ среду тѣхъ, кои славою и честію слагають мой вѣнецъ? *Кое согласіе Христови съ Велиаромъ? Кая часть върну съ невѣрнымъ? Кое общеніе свѣту ко тмѣ?* (2 Кор. 6, 14—16.).

Итакъ, чтобы наша жизнь не призвала нѣкогда на насъ сихъ словъ, должно во все

продолженіе жизни нашей стараться отвергать всякое терноподобное дѣло, слово и мысль, дабы, по чистотѣ и безстрастности жизни ставъ честію и славою, увѣнчать собою Главу всего, будучи для Владыки какъ бы какою драгоценностію и сокровищемъ. Ибо Господь славы (1 Кор. 2, 8.) не можетъ быть и именоваться Господомъ чего-либо безславнаго. Итакъ, чуждый всего гнуснаго и сквернаго, какъ по сокровенному такъ и по виѣшнему человѣку, содѣлаеть своимъ Владыкою того, кто есть и называется Господомъ славы, а не безславія.

Христосъ есть также *начатокъ* (Колос. 1, 18.). Начало всякаго предмета не чуждо тому, что слѣдуетъ за нимъ. Если кто сталъ бы утверждать, что начало есть жизнь, то конечно жизнью будетъ и то, что разумѣется слѣдующимъ за началомъ; и если начало свѣтъ, то свѣтомъ будетъ признаваемо и то, что за нимъ. Итакъ, чему полезному научаетъ насъ вѣра, что Онъ есть *начатокъ*? Быть намъ такими, каковъ, какъ вѣруемъ, есть нашъ Начатокъ. Ибо свѣтъ не именуется началомъ тмы и когда въ началѣ стоитъ жизнь, продолженіе жизни нельзя представлять смертію. Посему, если кто не имѣетъ сродства съ тѣмъ, что въ началѣ, не соединяясь съ Начаткомъ безстрастіемъ и добродѣтелью, для того не бываетъ началомъ Начатокъ сущаго. Для темной

жизни начало — міродержитель тмы; для смертоноснаго грѣха — имѣющій державу смерти. И такъ порочною жизнію подчинившій себя началу тмы не можетъ называться своимъ началомъ Начало всякаго блага.

Исслѣдующіе божественныя реченія для собственнаго блага, ту же самую мысль найдутъ и въ именованіи Христа *Царемъ правды и мира* (Евр. 2, 7.). Ибо молящійся по ученію молитвы: *да придетъ* на него *царствіе* Божіе (Матѳ. 6, 10.), зная, что истинный царь есть Царь правды и мира, конечно въ собственной жизни явитъ правду и миръ, чтобы воцарился, какъ просить оны, Царь правды и мира. Всѣ добродѣтели должно почитать воинствомъ сего Царя; ибо подъ именемъ правды и мира, думаю, должно разумѣть всѣ добродѣтели. И такъ, если кто, бѣжавъ изъ воинства царя, помѣстится въ строй иноплеменниковъ, ставъ ратникомъ изобрѣтателя зла, совлекши съ себя панцырь правды и все вооруженіе мира; то какъ таковой будетъ считаться въ рядахъ Царя мира, ставъ бѣглецомъ отъ истины? Очевидно, знакъ на его вооруженіи покажетъ, кто царствуетъ надъ нимъ; какъ бы въ изображеніи, начертанномъ на оружіи его, вождь отобразится въ свойствахъ его жизни. Посему блаженъ тотъ, кто стоитъ въ рядахъ божественнаго воинства и находится въ строѣ исчисляемыхъ тысящами (Апок. 7, 4—9.) и вооружился

противъ зла добродѣтелями, которыя знаменуютъ образъ царя на томъ, кто облекся ими.

Но нужно ли простирать слово наше далѣе, по порядку предлагая для изслѣдованія, всѣ реченія, коими изъясняется имя: Христось, и которыя могутъ руководить насъ къ добродѣтельной жизни, такъ какъ каждое имя свойственнымъ себѣ значеніемъ конечно содѣйствуетъ къ усовершенствованію жизни? Думаю, хорошо будетъ припомнить и совокупить въ памяти все сказанное нами, чтобы оно было для насъ нѣкоторымъ руководствомъ для той цѣли слова, которую въ началѣ предположили, спрашивая: какъ можно достигнуть своего совершенства? Думаю, если кто всегда будетъ имѣть въ мысли, что онъ есть общникъ достопокланяемаго имени, нося по ученію апостоловъ названіе: христіанинъ, тотъ по необходимости выразитъ въ себѣ силу и всѣхъ именъ, подъ коими разумѣется Христось, ставъ своею жизнію общникомъ каждаго наименованія.

Скажу такъ: три характеристическихъ принадлежности жизни христіанина: дѣйствіе, слово, образъ мыслей. Началомъ всякаго слова служить мысль; второе же мѣсто послѣ образа мыслей занимаетъ слово, выражающее звукомъ напечатлѣнную въ душѣ мысль; третіе же мѣсто послѣ ума и слова принадлежитъ дѣятельности, которая мыслимое переводитъ въ дѣло. Итакъ, поелику жизнь наша послѣдовательно

выражается въ чемъ-либо изъ сего; то хорошо будетъ, если во всемъ и въ словѣ и въ дѣлѣ и въ мысли мы тщательно будемъ имѣть въ виду оныя божескія понятія, подъ коими разумѣется и коими именуется Господь, дабы ничто въ насъ, ни дѣло, ни слово, ни расположеніе не было чуждо силы оныхъ высокихъ именъ. Павелъ говоритъ, что все, *еще не отъ вѣры, урлхъ есть* (Рим. 14, 23.); выводя отсюда слѣдствіе, можемъ прямо сказать, что всякое дѣло, слово, всякая мысль не направленныя ко Христу, непременно направлены къ тому, что противно Христу. Ибо кто внѣ свѣта и жизни, тотъ конечно во тмѣ и смерти. Все что совершается, говорится и разумѣвается не по Христу, имѣетъ близость съ тѣмъ, что противоположно благу. Что отсюда открывается, очевидно для всякаго: оставляетъ Христа тотъ, кто бываетъ внѣ Его, или тѣмъ что мыслить, или тѣмъ что дѣлаетъ или что говорить. Итакъ истинно божественное слово пророка, которое гласитъ: *преступающія нещеваяхъ вся урлшныя земли* (Пс. 110, 119.). И какъ отвергшійся во время гоненій Христа есть преступникъ достопоклоняемаго имени, такъ и тотъ, кто отрекся бы отъ истины, или правды или освященія или инаго чего, разумѣяемаго какъ добродѣтель, и во время преобладанія страстей отринувъ бы жизнь, по слову пророка именуется преступникомъ, каж-

дымъ изъ сихъ преступленій измѣняя своюю жизнію Тому, Кто заключаетъ въ себѣ всѣ сіи совершенства. Итакъ, что должно дѣлать тому, кто удостоенъ именоваться великимъ именемъ Христовымъ? Что иное, какъ не тщательно различать въ себѣ мысли и слова и дѣла, относится ли каждое изъ нихъ ко Христу или чуждо Христа? А такое различеніе очень удобно. Ибо что совершается или мыслится или говорится подъ вліяніемъ какой-либо страсти, то совершенно чуждо Христу и носить на себѣ черты противника, который страстями, какъ бы грязью пачкая жемчужину души, портитъ блескъ драгоценнаго камня. А чистое отъ всякаго страстнаго расположенія имѣетъ отношеніе къ Началовождю безстрастія, который есть Христось; кто изъ Него, какъ изъ чистаго и открытаго источника почерпаетъ для себя мысли, у того окажется такое сходство съ первообразомъ, какое у воды струящейся въ источникѣ, съ водою, которая оттуда налита въ сосудъ. Ибо одинакова по естеству чистота, усматривается ли она во Христѣ или въ томъ, кто приобщается Ему. Христось источаетъ, а приобщающійся почерпаетъ, переводя въ жизнь красоту (заключающуюся) въ мысляхъ; такъ что происходитъ согласіе внутренняго человѣка со внѣшнимъ, какъ скоро благовидность жизни совпадаетъ съ направле-ніемъ мыслей по Христу.

Итакъ въ томъ состоитъ, по моему сужденію, совершенство христіанской жизни, чтобы со всѣми именами, выражающими значеніе имени Христось, имѣть общеніе душею и словомъ и образомъ жизни, такъ чтобы, по благожеланію Павла, на насъ постоянно сохранялось во всей полнотѣ, безъ всякой примѣси зла, освященіе во всецѣломъ тѣлѣ и душѣ и духѣ (1 Сол. 5, 23.). Если же кто скажетъ, что это неудобноисполнимо, поелику одинъ Господь твари неизмѣняемъ, а человѣческое естество измѣнчиво и склонно къ перемѣнамъ; посему, едвали возможно въ измѣнчивомъ естествѣ достиженіе твердости и неизмѣнности въ добрѣ; то на эти слова мы скажемъ, что никто не можетъ быть увѣнчанъ, если не законно будетъ подвизаться (2 Тим. 2, 9.); а не можетъ быть законнаго подвига, если нѣтъ противоборствующаго. Итакъ если бы не было противника, не было бы и вѣнца; побѣда сама собою не существуетъ, если нѣтъ побѣждаемаго. Итакъ, мы подвигаемся противъ самой измѣнчивости нашего естества, мысленно борясь съ нею какъ бы съ какимъ противникомъ, не ниспроверженіемъ ея достигая побѣды, но не попущеніемъ ей пасть. Ибо не къ одному только злу направлена измѣняемость человѣка (невозможно было бы ему пребывать въ добрѣ, если бы по природѣ онъ имѣлъ склонность къ одному только тому, что противно добру); но из-

мѣняемость производить и прекраснѣйшее дѣло, — возрастаніе въ добрѣ, когда хорошо измѣняющагося измѣняемость къ лучшему постоянно приближаетъ къ Божеству. Итакъ, слова наши показываютъ, что кажущееся страшнымъ (говорю о измѣнчивости нашего естества) есть какъ бы нѣкоторое крыло для воспаренія къ большому и большому, такъ что было бы даже вредомъ для насъ, если бы наша природа не допускала измѣняемости къ лучшему. Итакъ не скорби, видя въ своей природѣ склонность къ измѣненію; но непременно измѣняясь къ лучшему и преобразуясь отъ славы въ славу, такъ перемѣняйся, чтобы посредствомъ всегдашняго приращенія постоянно становиться лучшимъ, всегда усовершеншаться и никогда не доходить до предѣла въ совершенствѣ. Ибо истинное совершенство и состоитъ въ томъ, чтобы никогда не останавливаться въ приращеніи къ лучшему и не ограничивать совершенства какимъ либо предѣломъ.

О ЦѢЛИ (ЖИЗНИ) ПО БОГЪ; ОБЪ ИСТИННОМЪ
ПОДВИЖНИЧЕСТВѢ; ОТВѢТЪ ПОДВИЖНИКАМЪ,
СПРАШИВАВШИМЪ О ЦѢЛИ БЛАГОЧЕСТІЯ, И
НАЧЕРТАНІЕ, КАКЪ ЖИТЬ И ПОДВИЗАТЬСЯ ВЪ
ОБЩЕСТВѢ.

Если кто, хотя немного, отрѣшивъ свой разумъ отъ тѣла и ставъ чуждъ рабству страстямъ и неразумности, ясною и проникающею мыслию взглянетъ на свою душу, тотъ въ естествѣ ея во всей чистотѣ увидитъ любовь Божію къ намъ и намѣреніе, какое Онъ имѣлъ при созданіи ея. Ибо разсматривая ее такимъ образомъ, онъ найдетъ, что съ самою сущностію и природою человѣка соединено стремленіе желанія къ добру и совершенству, и что съ самымъ естествомъ его сопряжена безстрастная и блаженная любовь къ тому умопостигаемому и блаженному образу, котораго человѣкъ есть подобіе. Но нѣкое блужданіе сихъ видимыхъ и вѣчно текущихъ вещей, посредствомъ неразумной страсти и горькаго удовольствія обольщая и очаровывая небрежную и нерадивую отъ безпечности душу,

влечетъ ее къ тяжкому пороку, раждающемуся отъ удовольствій жизни и раждающему смерть для своихъ любителей. По сему, благодать Спасителя нашего даровала любовію приѣмлющимъ, познаніе истины, какъ спасительное врачество душамъ, имъ разрушается оболъщеваніе чарующее чловѣка, угашается безчестное мудрованіе плоти, когда душа пріавшая единеніе, свѣтомъ истины путеводится къ Божеству и собственному спасенію. Итакъ, кто намѣренъ душу и тѣло по закону благочестія привести Богу и воздавать Ему непорочное и чистое служеніе, тотъ, содѣлавъ руководительницею жизни благочестивую вѣру, которую возглашаютъ по всему Писанію уста святыхъ, съ довѣрчивою и послушною душею, долженъ предаться теченію добродѣтели, отрѣшивъ себя отъ узъ жизни, всецѣло и единственно предавъ себя вѣрѣ и жизни Божіей, ясно зная, что въ комъ благочестивая вѣра и непорочная жизнь, тому присуща и сила Христова, а въ комъ Христова сила, отъ того бѣжитъ зло. Велико, истинно велико святое крещеніе для приѣмлющихъ оное со страхомъ, въ дѣлѣ стяжанія умопостигаемыхъ благъ. Ибо богатый и независтный Духъ, присно текущій для всѣхъ пріавшихъ благодать, исполненные которою святые апостолы явили Христовымъ церквамъ плоды полноты,—сей Духъ, для всѣхъ искренно пріавшихъ даръ, по мѣрѣ вѣры каждаго изъ

пріемлющихъ , пребываетъ помощникомъ и сожителемъ, создавая въ каждомъ все благое для споспѣшествованія душѣ въ дѣлахъ вѣры. И такъ, каждый изъ насъ, чрезъ преуспѣяніе въ добродѣтели, долженъ доводить себя до мѣры возраста мужа совершеннаго, по слову апостола: *дондеже достигнемъ вси въ соединеніе въры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 13.). Приращеніе тѣла въ его возрастаніи нисколько не зависитъ отъ насъ; ибо природа не соразмѣряетъ величины (тѣла) съ мыслию и желаніемъ человѣка, но съ своими стремленіями и необходимыми законами. А въ обновленномъ рожденіи, мѣра и красота души, даруемая благодатию Духа по мѣрѣ заботы о томъ воспріемлющихъ оную, зависятъ отъ нашего желанія; ибо до какой мѣры простираемъ подвиги благочестивой жизни, до такой мѣры вмѣстѣ съ ними простирается и величіе души. И вѣчную жизнь и неизреченную радость на небесахъ даетъ благодать Духа; а достоинство принять даръ и вкусить благодать получаетъ любовь по вѣрѣ трудами.

Достигнувъ до сего, правда дѣлъ и благодать Духа взаимно исполняютъ блаженною жизнію душу, въ коей стеклись; находясь же въ разединеніи другъ съ другомъ, не доставляютъ никакой пользы душѣ. Ибо какъ благодать Божія не можетъ привитать въ душахъ бѣгущихъ

спасенія; такъ и сила человѣческой добродѣтели сама по себѣ недостаточна, чтобы души непричастныя благодати возвести къ (совершенному) виду жизни: *еще не Господь созиждетъ домъ и сохранитъ градъ, всеу* (Пс. 126, 1.) трудятся (заботящіяся) о томъ; отсюда научаемся, что не должно думать, будто вѣнецъ всецѣло зависитъ отъ человѣческихъ стараній, но надежду достигнуть онаго должно возлагать на волю Божию. А воля Божія состоитъ въ томъ, чтобы очистить душу благодатию, и чистою привести ее къ Богу; ибо такихъ ублажаетъ Господь, говоря: *блаженни чистии сердцемъ, яко тии Бога узрятъ* (Матѹ. 5, 8.). Видишь ли награду за чистоту? Видѣть Бога, въ какой мѣрѣ доступно намъ,—что можетъ быть лучше сего? Посему и Давидъ проситъ сего, говоря: *буди сердце мое непорочно во оправданіихъ Твоихъ, яко да не постыжуся* (Пс. 118, 80.); повелѣваетъ бояться постыднаго и отлагать оное какъ оскверненную одежду. Еще говоритъ: *тогда не постыжуся, внигда призрѣти ми на вся заповѣди Твоя* (ст. 4.); ибо въ исполненіи заповѣдей Духъ полагаетъ дерзновеніе. И опять: *сердце чисто созижди во мнѣ Божие, и: духомъ владычннмъ утверди мя* (Пс. 50, 12. 14.). А въ другомъ мѣстѣ спрашиваетъ: *кто въздетъ на юру Господню?* За тѣмъ отвѣчаетъ: *неповиненъ рукама и чистъ сердцемъ* (Пс. 23, 3. 4.). Желающему сблизиться съ кѣмъ нибудь, должно подражать

его нраву; такъ и душѣ желающей быть невѣстою Христа необходимо уподобляться по возможности красотѣ Христовой. Душа, намѣревающаяся возлетѣть къ Божеству и прилѣпиться Христу, должна изгнать изъ себя всякій грѣхъ,—разумѣю кражу и хищничество, прелюбодѣяніе и корыстолюбіе и блудъ и болѣзнь языка и всѣ роды прегрѣшеній, какъ явныхъ такъ и тайныхъ, каковы наиримѣръ: зависть, невѣріе, злонаравіе, обманъ и весь потаенный рой пороковъ, которые какъ и явный родъ грѣховъ равно ненавидитъ Писаніе и гнушается ими. Чьи кости *разсыта* Господь? не *человѣкоубодниковъ* ли (Пс. 52, 6.)? Кѣмъ гнушается Господь, какъ преступникомъ и убійцею? не мужемъ ли лживымъ и коварнымъ? *Ибо мужа кровей и лстива гнушается Господь* (Пс. 5, 7.). Не явно ли Давидъ предаеть проклятію глаголющихъ *миръ съ ближними своими, злая же въ сердцахъ своихъ* (Пс. 27, 3.)? Посему и заповѣдано намъ не гоняться за похвалами людей и не стыдиться безчестія отъ нихъ: ибо всѣхъ дѣлающихъ какое либо доброе дѣло напоказъ Писаніе лишаетъ награды на небесахъ, какъ получающихъ хвалу здѣсь, отъ людей (Матѳ. 6, 1.).

Но скажешь: какъ же Господь говоритъ: *такое да просвѣтитъ свѣтъ вализъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесехъ* (Матѳ. 5, 16.)? На это

отвѣчу тебѣ: слово Божіе повелѣваетъ послѣдующему заповѣдямъ Божиимъ все, что бы онъ ни дѣлалъ, дѣлать имѣя въ виду Его одного и Ему единому угождать, не гоняясь ни за какую славою отъ людей, но бѣгая похвалъ отъ нихъ и тщеславія, всего себя являть жизнію и дѣлами, дабы зрители ихъ,—не сказалъ Господь: подивились старающемуся выказать себя, но—прославили *Отца вашего, иже на небесахъ*. Ибо къ Тому повелѣваетъ относить всякую славу, и по Того волѣ совершать всякое дѣло, у котораго отложена и награда за добрыя дѣла. Стремись къ горнимъ похваламъ, говоря съ Давидомъ: *отъ Тебе похвала моя* (Пс. 21, 26.), и: *о Господь похвалится душа моя* (Пс. 33, 3.). Желаящаго чести здѣсь, Господь причисляетъ къ невѣрнымъ: *како, говоритъ, вы можете вѣровать, славу другъ отъ друга приѣмлюще, и славы, яже отъ единого Бога, не ищите* (Іоан. 5, 44.).

Къ неявнымъ грѣхамъ принадлежитъ и ненависть. Послушай Господа, который говоритъ: *ненавидяй брата своего чельвкоубійца есть; и: вѣсте, яко всякъ чельвкоубійца не имать живота вѣчнаго* (1 Іоан. 3, 15.). Итакъ того, кто ненавидитъ брата, извергаетъ изъ жизни, какъ чельвкоубійцу. А о томъ, что нѣтъ никакого различія между внутрь сокрытыми и явными пороками, послушай апостола, который говоритъ: *якоже не искушиша ильти Бога въ разумъ,*

предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ, творити неподобная, исполненныхъ всякія неправды, блуженія, лукавства, лихоуманія, злобы: исполненныхъ зависти, убійства, рвенія, лсти, злокравія: шепотники, клеветники, богомерзки, досадители, величавы, юрды, обртатели злыхъ, родителей непокоривы, неразумны, непримирительны, нелюбовны, неклятвозхранительны, немилостивы. Нпыи же и оправданіе Божіе разумльше, яко таковая творящїи достойни смерти суть... (Рим. 1, 28—32.). Видишь, какъ злонравіе и самохвальство и обманъ и прочіе тайныя пороки (апостоль) поставилъ на ряду съ убійствомъ и корыстолюбіемъ и тому подобнымъ. Сокрытыя въ душѣ пороки столь злы и неудобоисцѣлимы, что однимъ челоувѣческимъ стараніемъ и добродѣтелью, безъ прїятія на помощь силы Духа, уничтожить и изгнать ихъ невозможно. Посему и Давидъ говоритъ: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя, и отъ чуждыхъ пощади раба Твоего* (Пс. 18, 13. 14.). Ибо изъ двухъ частей состоитъ единый челоувѣкъ, изъ души и тѣла; тѣло внѣ его, а жизнь души есть внутренняя. Итакъ челоувѣку нужно бодрствовать надъ тѣмъ, что внѣ его, наблюдая, чтобы какое либо опасное прегрѣшеніе прившедши въ душу, не поколебало и не растлило ея. Таковому угрожаетъ и апостоль, говоря: *аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ* (1 Кор. 3, 5). Внутренняго

же (человѣка) должно охранять со всею бдительностію, чтобы какая нибудь злая мысль, возникнувъ откуда-то изъ глубины и растливъ помысль благочестія, не поработила душу, исполнивъ оную тайно расторгающими ее страстями. Не сопрягай, говоритъ блаженный Моисей, на гумнѣ твоемъ животныхъ различныхъ вмѣстѣ, какъ-то вола и осла, и не соединяй въ ткани одежды шерсти со льномъ (Втор. 22, 10. 11.); не воздѣлывай на полѣ земли твоей двухъ родовъ хлѣба вмѣстѣ и дважды въ тотъ же годъ (Левит. 19, 19.); не совокупляй инородное животное съ другимъ для приплода (Втор. 22, 9.).

Что значать сіи загадочныя реченія? Что не должно въ той же душѣ насаждать вмѣстѣ порока и добродѣтели. Какая дружба можетъ быть между цѣломудріемъ и невоздержаніемъ? Какое единомысліе между правдою и неправдою? Одно всегда должно уступать другому. И такъ мудрый землѣделецъ долженъ, какъ бы изъ годнаго для питья и благаго источника, источать чистыя струи жизни, зная одно земледѣланіе Божіе, и надъ нимъ трудясь всю жизнь, дабы, если и прорастетъ въ тайникѣ добродѣтели какой либо чуждый помысль, Всевидящій видя твои труды, своею силою въ скорости истребилъ сокрытый корень помысловъ прежде произрастанія. Ибо не можетъ обмануться въ надеждѣ или остаться безъ отмщенія тотъ,

кто постоянно прибѣгаетъ къ Богу. Если евангельская вдовица, которую привела къ нечеловѣколюбивому судѣ великость обиды, посредствомъ великаго труда и постоянства въ прошеніи побѣдивъ нравъ судьи, вызвала отъ мщеніе обидѣвшему ее (Лук. 18, 2—9.); то и ты молясь, не получишь отказа. Если ея неотступность въ прошеніи, склонила немилостиваго начальника, то какъ можемъ мы отказываться отъ жизни по Богѣ, коего милость, какъ знаешь, часто предваряетъ прошеніе. *Ревнуйте*, говоритъ апостолъ, *дарованій большихъ; и еще по превосхожденію путь вамъ показую. Аще языки человѣческими малою и ангельскими, любви же не имамъ, быхъ яко мѣдь звѣнящи, или кимвалъ звяцающій* (1 Кор. 12, 31; 13, 1.). А въ чемъ состоитъ преимущество любви, объясняетъ такъ: *любы не завидитъ: любви не превозносятся, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ: вся покрываетъ, всему вѣру еметъ, вся уповаетъ, вся терпитъ; любви николиже отпадаетъ* (1 Кор. 13, 4—9.). Что это значитъ? Если кто, хотя и получилъ другія дарованія, которыя сообщаетъ Духъ (говорю о иностранныхъ языкахъ, пророчествѣ, знаніи и дарованіяхъ исцѣленій), но еще не освободился чисто, помощію Духа, отъ внутреннихъ удручающихъ его страстей, тотъ еще не принялъ

окончательнаго врачевства спасенія; онъ находится еще въ опасности паденія, не имѣя любви укрѣпляющей и утверждающей въ постоянствѣ добродѣтели. Итакъ, когда низойдетъ къ тебѣ оное богатство просимаго, тогда будь нищъ мыслію, всегда припадая и ожидая для души блага любви, какъ бы какого украшенія сокровищу благодати, и подвизаясь противъ всякой страсти, пока не достигнешь цѣли благочестія. Опять апостолъ говоритъ: *аще кто во Христѣ нова тварь: древняя милоидоша* (2 Кор. 5, 17.). Новою тварію называетъ вселеніе Святаго Духа въ чистомъ и непорочномъ сердцѣ, свободномъ отъ всякаго зла, лукавства и всего постыднаго. Ибо какъ скоро душа возненавидитъ грѣхъ, усвоитъ себѣ по возможности добродѣтельный образъ жизни и приметъ въ себя благодать Духа, претворивъ оную въ жизнь, то она станетъ всецѣло новою и воссозданною. И слова апостола: *очистите ветхій квасъ, да будете ново смѣшеніе; и да празднуемъ не въ квасъ ветсъ, но въ безквасіихъ чистоты и истины* (1 Кор. 5, 7. 8.), согласны съ сказаннымъ о новой твари. Много сѣтей ставитъ душѣ искустель; человѣческая же природа сама по себѣ слаба для побѣды надъ нимъ. Посему апостолъ и повелѣваетъ намъ вооружить члены небеснымъ оружіемъ, броню правды, говоря: *облекитесь и обуйте нозл во уготованіе лира и препояшьте чресла исти-*

ною; надѣ вслми же воспріимие щитѣ вѣры, въ немѣ же возмозете вся стрѣлы лукаваго разженныя (то есть необузданныя страсти) угасити (Еф. 6, 13—17.). Повелѣваетъ также воспріять и шлемъ спасенія и святыи мечъ Духа (ст. 18.); мечемъ именуеть слово въ силѣ Божіей, коимъ вооруживъ десницу души, должно сокрушать козни врага. Видишь, сколько способовъ спасенія, направленныхъ къ одному предмету и къ одной цѣли, указалъ тебѣ апостолъ; при помощи ихъ удобно совершается теченіе жизни къ вершинѣ заповѣдей Божіихъ.

Такова цѣль благочестія. Посвятившимъ себя любомудрію должно точно знать ее, чтобы всѣмъ отвергнуть высокомѣріе и не думать много о своихъ успѣхахъ, но отвергшись своей души съ жизнію, взирать на единое богатство, которое какъ награду за любовь во Христѣ даровалъ Богъ любящимъ, какъ говоритъ тотъ же апостолъ: *терпнїемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ: взирающе на начальника вѣры и совершителя Іисуса* (Евр. 12, 1.). И такъ не станемъ превозноситься дарованіями Духа и какой либо успѣхъ въ добродѣтели дѣлать поводомъ къ самомнѣнію и гордости, прежде достиженія конца уповаемаго, дабы не лишиться того, къ чему стремимся, высокомѣріемъ сдѣлавъ бесполезнымъ для себя предыдущій трудъ и оказавшись недостойнымъ того совершенства, къ которому влекла насъ

благодать Духа. Въ томъ состоитъ великое совершенство любомудрія, чтобы будучи великимъ.... (смиряться).... ^(а) сердцемъ и осуждать свою жизнь, не полагая въ своей совѣсти, будто содѣлали что либо достойное Бога.

Думаю, что для рѣшившихся жить по правиламъ любомудрія, въ надеждѣ (достиженія) цѣли, сказано достаточно. Къ сказанному наконецъ должно присовокупить (наставленіе) и о томъ, какъ таковымъ должно жить вмѣстѣ другъ съ другомъ, какъ вмѣстѣ стремиться, пока не достигнуть горяго града. Итакъ искренно презрѣвшій все цѣнимое въ сей жизни и отвергшійся всякой дольней славы долженъ вмѣстѣ съ жизнію отвергнуться и собственной души. Отверженіе же души состоитъ въ томъ, чтобы никакъ не искать своей воли, но воли Божіей, и подчиняться ей какъ благому кормчому, который общую совокупность братства съ единомысліемъ направляетъ къ пристани божественной воли, и не имѣтъ никакой собственности кромѣ общей, исключая одежды покрывающей тѣло. Ибо при этомъ будетъ больше готовности, усердно съ удовольствіемъ и надеждою исполнять приказанія предстоятелей, какъ (слѣдуетъ) рабу Христову и искупленному для служенія всѣмъ братіямъ. Сего хочетъ и

(а) Здѣсь въ изданіи твореній св. Григорія находится пропускъ.

Господь, говоря: кто хочет быть между вами первымъ и великимъ, *да будетъ всьмъ меньшій и всьмъ рабъ* (Марк. 9, 34.). Рабство же это должно быть безмезднымъ у людей, и таковой долженъ подчиняться всѣмъ и служить братіи какъ заложившій себя должникъ. А предстоятели сего духовнаго лика, имѣя въ виду величіе (лежащей на нихъ) заботы и силу зла, замышляющаго ковы противъ вѣры, должны достойно нести подвигъ настоятельства и не надмѣваться властію. Ибо въ настоятельствѣ предстоятели должны трудиться больше другихъ, начальники думать о себѣ смиреннѣе (другихъ), и представлять свою жизнь какъ образецъ служенія другимъ, почитая ввѣренныхъ имъ залогомъ Божиимъ. Итакъ, предстоятели должны пешись о братіяхъ какъ способные воспитатели нѣжныхъ дѣтей, ввѣренныхъ ихъ отцами. Тѣ, наблюдая нравы дѣтей, на одного дѣйствуютъ ударами, на другаго увѣщаніемъ, на инаго похвалою, на инаго чѣмъ либо инымъ тому подобнымъ, не дѣлая ничего, что имъ по праву, или не нравится; такъ должны поступать и духовные предстоятели. Если въ такомъ отношеніи будете другъ къ другу, ученики и наставники, первые съ радостію довѣряя приказаніямъ, а послѣдніе съ удовольствіемъ руководствуя братій къ совершенству, и если въ почительности станете предупреждать другъ друга (Рим. 12, 10.), то

на землѣ будете жить жизнію ангельскою. Пусть каждый убѣдитъ себя, что онъ ничтожнѣе не только брата живущаго съ нимъ, но и всякаго человѣка; ибо сознавая сіе, онъ будетъ подлинно ученикомъ Христовымъ. Итакъ зная плоды смиренія и вредъ гордости, подражайте Владыкѣ и единымъ тѣломъ и одною душею теките къ горнему званію, любя Бога и другъ друга. Ибо любовь и страхъ къ Господу есть первое исполненіе закона. Только любовь къ Богу обыкновенно возникаетъ въ насъ не просто и самопроизвольно, но посредствомъ многихъ трудовъ и великихъ заботъ и при содѣйствіи Христовомъ, какъ говоритъ премудрость: *аще възыщеши ея яко сребра и якоже сокровища испытаси ю: тогда уразумѣши страхъ Господень и познаніе Божіе обрящеши* (Притч. 2, 4. 5.). А обрѣтши познаніе Божіе, съ тѣмъ вмѣстѣ удобно уразумѣешь и страхъ, и уснѣешь въ слѣдующемъ за тѣмъ, — говорю о любви къ ближнему. Ибо когда трудомъ приобрѣтено первое и великое, второе, какъ меньшее, менѣе трудно. Поелику не возлюбившій Бога всѣмъ сердцемъ и всею мыслію можетъ ли искренно и безъ обмана заботиться о томъ, чтобы любить братій?

А виновникъ зла нашедши кого либо не всецѣло отдавшимъ душу Богу и не вполне отвергшимъ ее для любви къ Нему, овладѣваетъ имъ, удобно обольщая лукавыми по-

мыслими, то представляя трудными заповѣди писаіія и тягостнымъ служеніе братіямъ, то посредствомъ самаго служенія сослужителямъ надмѣвая высокомѣріемъ и гордостію, какъ бы (внушая) искать славы у людей и требовать чести отъ братій, и такимъ образомъ поступать и дѣйствовать подобно невѣрнымъ. Ибо кто гонится за человѣческими почестями, вмѣсто небесныхъ, тотъ есть невѣрный, какъ говоритъ нѣгдѣ самъ Господь: *како вы можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единого Бога, не ищите* (Іоан. 5, 44)? Итакъ если намъ присуща любовь Божія, то необходимо, чтобы за нею слѣдовало и прочее: и братолюбіе, кротость, нелицемѣріе, постоянство и тщаніе въ молитвахъ и, вообще, всѣ добродѣтели. Такъ какъ сокровище велико, то велики должны быть и труды для пріобрѣтенія его, предпринимаемые не напоказъ людямъ, но для угожденія Богу, вѣдущему тайное. Для любящихъ же Бога, трудъ (исполненія) заповѣдей удобенъ и пріятенъ, посліку любовь къ Нему дѣлаетъ для насъ подвигъ нетруднымъ и любезнымъ. Посему и лукавый, всѣми способами усиливается изгнать изъ нашихъ душъ страхъ Господень и преступными удовольствіями разрушить любовь къ Нему. Ибо онъ обладаетъ большимъ искусствомъ, какъ скоро найдетъ стражей безпечными, улучшить время и вторгнуться въ труды добродѣтели и всѣять

въ пшеницу свои плевелы: — разумѣю злословіе, гордость, тщесловіе, желаніе почести и прочія произведенія зла. И такъ нужно бодрствовать и отовсюду наблюдать за врагомъ, дабы, если по своему безстыдству и устроить какой-либо ковъ, сокрушить его, прежде чѣмъ коснется души. Помните также постоянно и то, что Авель принесъ Богу жертву отъ первородныхъ овецъ и отъ тука, а Каинъ отъ плодовъ земныхъ, но не отъ овецъ: *и призрь Богъ на жертвы Авеля, на дары же Каина не внятъ* (Быт. 4, 4. 5.). Изъ сего повѣствованія можно видѣть, что Богу благоугодно все совершаемое со страхомъ и вѣрою, а не то, что хотя и многоцѣнно, но безъ любви. Ибо и Авраамъ не иначе пріялъ благословеніе отъ Мельхиседека, какъ принесши священнику Божию начатки и лучшее (Быт. 14, 19. 20.). Первою же и лучшею частію добычи называетъ самую душу и умъ, повелѣвая намъ не скупно приносить Богу въ жертву хвалы и молитвы, и не предлагать Владыкѣ что ни случится, но посвящать Ему что ни есть лучшаго въ душѣ, или лучше сказать всю ее всецѣло. А какую изъ частныхъ добродѣтелей почитать совершеннѣйшею и достойною заботы прежде прочихъ, и какую за симъ второю, и какія остальными дальнѣйшими, — сказать нельзя. Ибо онѣ одинаково зависятъ одна отъ другой и обладающихъ ими, одна посредствомъ другой

ведутъ на высоту (совершенства), ибо простота отсылаетъ къ послушанію, послушаніе къ вѣрѣ, вѣра къ надеждѣ, а надежда къ правдѣ; послѣдняя къ служенію, а это къ смиренію; смиреніемъ объемлетъ кротость, которая ведетъ къ радости; радость же къ любви, любовь къ молитвѣ; и такимъ образомъ взаимно завися и поставляя въ зависимость отъ себя обладающаго ими, возводятъ его на самую вершину желаемаго; также наоборотъ и зло своихъ друзей, свойственными себѣ мѣрами, низводитъ до крайней порочности. Но болѣе всего должно намъ прилежать къ молитвѣ; ибо она есть какъ бы нѣкій предводитель лика добродѣтелей, и посредствомъ таинственной святости и духовнаго дѣйствія и неизреченнаго расположенія, прилежнаго въ молитвѣ вводитъ въ единеніе съ Богомъ. Кто пламенѣетъ любовію, никогда не находитъ насыщенія въ молитвѣ, но всегда сгараетъ желаніемъ блага, по написанному: *ядуции мя еще взалчутъ, и піюции мя еще вжаждутся* (Сирах. 24, 23.); и въ другомъ мѣстѣ: *далъ еси веселіе въ сердцѣ моему* (Пс. 4, 8.); и Господь говоритъ: *царствіе Божіе внутри васъ есть* (Лук. 17, 21.). Царствіемъ же назвалъ раждаемую въ душахъ Духомъ радость, коею будутъ наслаждаться тогда души святыхъ.

Итакъ, поелику показано, въ чемъ состоитъ цѣль благочестія, которую должны предпо-

жить себѣ избравшіе боголюбиву южизнь,— что она есть очищеніе души и вселеніе Духа чрезъ преуспѣяніе въ добрыхъ дѣлахъ, то каждый изъ васъ, устройвъ душу указаннымъ способомъ и исполнивъ ее божественной любви, пусть посвятить себя молитвамъ и постами, помня увѣщаніе *непрестанно* (Сол. 5, 16.) *молитися и не стужати си* (Лук. 18, 1.). Ибо тщательность въ молитвѣ много намъ даруетъ; только каждый пусть дѣлаетъ это съ внимательною и правою совѣстію, никакъ не блуждая мыслию по произволу и не воздавая (молитву) какъ бы необходимый, невольный долгъ, но исполняя ею любовь и желаніе души. Но и самъ Господь внушить просящимъ какъ молиться, по сказанному: давай молитву молящемуся.

Итакъ, прилежный къ молитвѣ долженъ просить (оной) и знать, что въ столь важномъ дѣлѣ онъ со многими стараніемъ и усиліемъ долженъ выдержать тяжкую борьбу. Поелику съ особенною силою нападаетъ на таковыхъ злоба, отовсюду стараясь ниспровергнуть наше стараніе. Тамъ ослабленіе тѣла и души; здѣсь изнѣженность, беззаботность, нерадѣніе, и все прочее, что губить душу, терзаемую по частямъ и предающуюся врагу своему. Итакъ должно, чтобы душою, какъ бы мудрый кормчій, управлялъ разумъ, указывая прямой путь къ горней пристани и предавая душу неповрежденною ввѣрившему оную Богу. И настоятели должны

также приходитъ на помощь къ такому, и при помощи всякой старательности и увѣщанія, питать въ молящемся любовь къ предлагающему (ему дѣлу). Ибо плодъ добродѣтелей у истинно молящихся, явный для разумѣющихъ, приноситъ пользу не одному только преуспѣвающему, но и младенцамъ еще и нуждающимся въ наставленіи, возбуждая ихъ къ подражанію тому, что видятъ. Плоды же искренней молитвы: простота; любовь, смиренномудріе, терпѣніе, незлобіе и тому подобное; все это, и прежде (принесенія) вѣчныхъ плодовъ, здѣсь произращаетъ (плодъ) въ жизни старательнаго. Таковы плоды украшающіе молитву; если недостаетъ ихъ, то напрасенъ ея трудъ.

И не одна только молитва, но и вся жизнь любомудрія, возрастая такимъ образомъ, есть подлинно путь правды и ведетъ къ прямой цѣли; лишенный же сего остается при одномъ пустомъ имени. Какая польза отъ насажденной съ трудомъ виноградной лозы, если нѣтъ на ней плодовъ, ради которыхъ земледѣлецъ понесъ трудъ? Какая выгода отъ поста и молитвы и бодрствованія, если нѣтъ мира и радости и любви и прочихъ плодовъ благодати Духа? Итакъ должно, чтобы труды поста и молитвы и прочихъ дѣлъ сопровождались большимъ удовольствіемъ и радостію; цвѣты же и плоды трудовъ происходятъ, какъ слѣдуетъ вѣровать, отъ дѣйствія Духа.

Если же кто припишет ихъ самому себѣ и отнесетъ все къ своимъ трудамъ, то у такового, вмѣсто оныхъ нетлѣнныхъ плодовъ, рождается высокоумѣрный образъ мыслей. Посему, подвиги добродѣтели должно нести съ удовольствіемъ, а освобожденіе души отъ страстей относить къ Богу, дабы такимъ образомъ душа, ставъ превыше самой себя и сильнѣйшей злобы врага, представила себя благимъ жилищемъ покланяемому и Святому Духу, пріавъ отъ котораго безсмертный миръ Христовъ, чрезъ оный соединяется съ Господомъ и прилѣпляется Ему. Если же нѣкоторые, еще не имѣя ни напряженности совершенной молитвы, ни приличной этому дѣлу старательности и силы, лишены этой добродѣтели; то пусть исполняютъ послушаніе въ иномъ родѣ, по силѣ служить (другимъ), усердно дѣлая, работая тщательно съ удовольствіемъ, не за какую-либо награду и не ради славы человѣческой, служа другимъ не какъ чужимъ тѣламъ и душамъ, но какъ рабамъ Христовымъ, какъ нашимъ роднымъ, чтобы наше дѣло явилось предъ Господомъ чистымъ и безъ обмана. И никто пусть не извиняетъ себя безсиліемъ для подвига добродѣтели; ибо Господь не повелѣваетъ ничего невозможнаго; *иже аще, говорятъ, напойтъ чашею студены воды, во имя ученика, аминь малою валъ, не погубитъ мзды своей* (Матѳ. 10, 42.). Что удобоисполнимѣ сей за-

повѣди? А награда за удобоисполнимое дѣло— небесная. И опять: что *единому сихъ сотвористе, Милъ сотвористе* (Матѳ. 25, 40.). Заповѣдь мала; а польза отъ послушанія велика. Такимъ образомъ ничего не требуетъ сверхъ силы, но малое ли, великое ли сдѣлаешь, послѣдуетъ тебѣ награда, какую пожелаешь избрать. Ибо если (станешь творить добрыя дѣла) во имя Божіе и по страху Божію, получишь неотъемлемый даръ; а если напоказъ, то послушай Господа, съ клятвою утверждающаго: *аминь, глаголю вамъ, восприметъ мзду свою* (Матѳ. 6, 2.). А чтобы кто не испыталъ сего, заповѣдуетъ ученикамъ, а чрезъ нихъ намъ: *внемлите, не творите милостыни вашей, или молитвы или поста предъ чловѣки; аще ли же ни, мзды не имате отъ Отца вашего, иже есть на небесехъ* (ст. 1—9.); Ему слава во вѣки. Аминь.

О ДѢВСТВѢ.

ПИСЬМО, СОДЕРЖАЩЕЕ УВѢЩАНІЕ КЪ ДОБРОДѢТЕЛЬНОЙ
ЖИЗНИ.

Цѣль сего слова,— возбудить въ читателяхъ стремленіе къ добродѣтельной жизни. Такъ какъ брачная жизнь, по словамъ божественнаго апостола, окружена множествомъ развлеченій (1 Кор. 7, 32—35.): то не безъ причины слово сіе представляетъ жизнь дѣвственную, какъ нѣкую дверь и входъ къ болѣе святому роду жизни, потому что вступившимъ въ жизнь брачную неудобно съ душевнымъ спокойствіемъ посвящать себя жизни божественной, а тѣмъ, которые совершенно удалились отъ сей бурной жизни, очень легко безъ всякаго развлеченія предаваться высочайшимъ упражненіямъ. Но поелику совѣтъ самъ по себѣ не имѣетъ достаточной силы къ убѣжденію, и никто одними только словами увѣщанія не склонить легко кого либо къ полезному, если напередъ не превознесетъ похвалами того, къ чему склоняетъ слушателя: то слово сіе начинается похвалами дѣвству, и за тѣмъ переходитъ къ увѣщанію. Далѣе, такъ какъ хорошія

качества въ каждомъ предметѣ болѣе бываютъ видны отъ сопоставленія его съ предметами противоположными: то необходимо здѣсь упоминается о трудностяхъ брачной жизни. Потомъ, какъ требуетъ того добрый порядокъ, предложено нѣкоторое начертаніе любомудренной жизни и доказано, что преданный мірскимъ заботамъ не можетъ оной достигнуть. Но такъ какъ въ отрѣшившихся отъ міра плотское вожделеніе не дѣйствуетъ; то естественно возникаетъ вопросъ: въ чемъ состоитъ истинно-вождѣнное благо, ради коего мы и получили отъ Зиждителя нашей природы желательную силу? По возможномъ раскрытіи сего, оказывается, какъ и слѣдуетъ, нужнымъ поискать, какой путь ведетъ къ достиженію онаго блага. Такимъ образомъ открывается, что истинное дѣство, чистое отъ всякой грѣховной скверны, вполне соотвѣтствуетъ тому, чего мы ищемъ, такъ что слово сіе, хотя въ срединѣ, повидимому, касается нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, все обращено на похвалу дѣвству. Частныя же правила, которыя выполняются тщательно подвижающимися въ сей благочестивой жизни, во избѣжаніе длинноты слова, опущены: но предлагая убѣжденіе вообще, въ болѣе общихъ правилахъ заключили мы нѣкоторымъ образомъ и частныя, такъ чтобы и не опустить чего-либо необходимаго и избѣжать излишества. А такъ какъ всѣ при-

выкли охотнѣе приниматься за какое-либо занятіе, когда видятъ, что нѣкоторые прежде достигли въ немъ славнаго успѣха; то мы по необходимости упомянули и о святыхъ, просіявшихъ въ безбрачїи. Поелику же примѣры, заключающіеся въ повѣствованїяхъ, не столько имѣютъ силы (возбуждать) къ преспѣванію въ добродѣтели, сколько живой голосъ и оправдываемые на опытѣ примѣры добрыхъ дѣлъ: то мы въ концѣ слова по необходимости упомянули о благочестивѣйшемъ епископѣ и отцѣ нашемъ, который одинъ только можетъ научить насъ сему (а). Упомянутое о немъ сдѣлано не по имени, но нѣкоторыми чертами слово наше даетъ знать, что онъ есть тотъ самый, на кого указываемъ,—чтобы послѣдующіе читатели сего слова не сочли за бесполезный совѣтъ повелѣніе вступившимъ въ сію жизнь относиться за наставленїями къ молодымъ; но чтобы они, взирая только на то одно, каковъ долженъ быть руководитель въ сей жизни, избирали себѣ путеводителями всегда такихъ мужей, на которыхъ благодать Божїя всегда указываетъ какъ на вождей въ добродѣтельной жизни: (такимъ образомъ) они или найдутъ искомое благо, или не останутся въ невѣдѣніи касательно того, каковымъ оно должно быть.

(а) Разумѣетъ Василїя великаго.

ГЛАВА 1.

О томъ, что дѣвство выше похвалъ.

Священный образъ дѣвства, который уважается всѣми, полагающими совершенство въ чистотѣ, но усваивается одними тѣми, коимъ по благоволенію содѣйствуетъ благодать Божія въ семь благомъ стремленіи, имѣеть самъ въ себѣ подобающую ему похвалу, — въ синонимическомъ ему названіи: потому что слово — не растлѣнность, употребляемое, обыкновенно, многими вмѣсто: дѣвство, указываетъ на чистоту его. Такъ изъ равнозначащаго имени можно уразумѣть превосходство такого дара: поелику хотя есть много дѣйствій добродѣтели, но одно только оно почтено названіемъ не растлѣнности. Если же нужно и похвальными рѣчами почтить сей даръ великаго Бога, то для сего достаточно божественнаго апостола, который въ немногихъ словахъ заключилъ все превосходство похвалъ, когда украшенную симъ даромъ называлъ святою и непорочною (1 Кор. 7, 34.). Ибо если цѣль, которую имѣеть въ виду это священное дѣвство, состоитъ въ томъ, чтобы быть непорочнымъ и святымъ, а сіи имена собственно и преимущественно употребляются для прославленія нетлѣннаго Бога: то какая можетъ быть похвала дѣвству выше той, что

оно для тѣхъ, которые пріобщились его чистыхъ таинъ, оказывается нѣкоторымъ образомъ боготворящимъ, содѣлывая общниками славы единого истинно-святого и непорочного Бога соединившихся съ Нимъ чистотою и неглѣніемъ. Тѣ же, которые распространяютъ длинныя похвалы (дѣвству) въ продолжительныхъ рѣчахъ, думая чрезъ то придать нѣчто къ красотѣ дѣвства, по моему сужденію, обманываютъ сами себя и поступаютъ вопреки своей цѣли, тѣми самыми похвалами, которыми думаютъ возвысить величіе дѣвства, дѣлая подозрительною истинную славу онаго. Ибо все, что величественно по своей природѣ, само собою возбуждаетъ удивленіе, нисколько не нуждаясь въ содѣйствіи слова, какъ напримеръ: небо, солнце и все другое чудное въ мірѣ; а болѣе низкимъ предметамъ слово, будучи какъ бы подмостками, искусственными похвалами придаетъ нѣкоторый видъ мнимаго величія. Посему-то, часто удивленіе, возбуждаемое похвалами, становится подозрительно для людей, какъ поддѣльное. Итакъ дѣвству достаточно одной похвалы, — объявить его добродѣтелию выше всякихъ похвалъ, и выражать удивленіе къ его чистотѣ болѣе жизнію, нежели словомъ. Если же кто, по ревности къ прославленію, дѣлаетъ предметомъ похвалы дѣвство, тотъ, какъ кажется, думаетъ, что можетъ каплею своего пота увеличить безпре-

дѣльное море, полагая, что человѣческимъ словомъ можно возвеличить такой даръ: онъ или не знаетъ своихъ силъ, или не понимаетъ того, что хвалить.

Г л а в а 2.

О томъ, что дѣвство есть совершенство, свойственное Божескому и безтѣлесному естеству.

Нужно намъ много проникательности, чтобы понять превосходство такого дара, который мы разумѣть принадлежащимъ также нетлѣнному Отцу. То удивительно, что дѣвство обрѣтается и въ Отцѣ, Который и Сына имѣеть, и родилъ Его безстрастно; усматривается также и въ Единородномъ Богѣ, — подателѣ нетлѣннѣя, какъ возсіявшее вмѣстѣ съ чистотою и безстрастіемъ Его рожденія; и опять равно удивительно, — мыслить о Сынѣ отъ дѣвства. Равнымъ образомъ усматривается дѣвство и въ естественной нетлѣнной чистотѣ Святаго Духа: ибо наименовавъ Его нетлѣннымъ и чистымъ, ты иными словами обозначилъ дѣвство. Оно сожителствуетъ со всякимъ прѣмірнымъ естествомъ, какъ безстрастіе, составляя принадлежность горнихъ силъ, не отдѣляясь ни отъ чего Божественнаго и не сближаясь ни съ чѣмъ противнымъ. Ибо все, что по природѣ и расположенію склонно къ добро-

дѣтели, непременно украшается чистотою нетлѣнія: а все, что уклоняется въ противоположную сторону, и есть и именуется отпаденіемъ отъ чистоты. Итакъ, какая сила краснорѣчія сравнится съ величіемъ сего дара? Не должно ли нѣкоторымъ образомъ опасаться, чтобы чрезмѣрными похвалами не повредить его великому достоинству, возбудивъ въ слушателяхъ смѣніе объ немъ менѣе высокое, нежели какое имѣли прежде? Итакъ хорошо будетъ, въ отношеніи къ дѣвству, оставить похвальныя рѣчи, поелику слово не можетъ соотвѣтствовать превосходству предмета; между тѣмъ легко и всегда помнить объ ономъ божественномъ дарѣ, и имѣть въ устахъ то благо, которое особенно и преимущественно принадлежитъ безтѣлесному естеству, но, по человѣколюбію Божию, даровано и тѣмъ, которые получили жизнь отъ плоти и крови, дабы павшее отъ страстнаго расположенія естество человѣческое, опять возставить и возвести къ горнему созерцанію, простерши оному причастіе чистоты, какъ бы нѣкую руку. Ибо потому, я думаю, и источникъ нетлѣнія,—Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ не чрезъ бракъ вошелъ въ сей міръ, чтобы образомъ своего вочеловѣченія открыть ту великую тайну, что входъ и пришествіе Божіе можетъ и способна явить одна только чистота, которой не иначе можно кому-либо совершен-

нѣйшимъ образомъ достигнуть, какъ отрѣшившись всецѣло отъ плотскихъ страстей. Поелику что было съ непорочною Маріею тѣлеснымъ образомъ, когда полнота Божества во Христѣ возсіяла чрезъ Дѣву: то же бываетъ и со всякою душою ведущею дѣвственную жизнь по разуму; такъ какъ Господь не приходитъ болѣе въ тѣлесномъ видѣ (ибо *не разумьелъ ктому по плоти Христа* (2 Кор. 5, 16.), говоритъ Писаніе), но духовно вселяется и вводитъ съ Собою Отца, какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ (Іоан. 14, 23.) Евангеліе. Итакъ, поелику такова сила дѣвства, что оно и на небесахъ у Отца духовъ пребываетъ, и съ премірными силами торжествуетъ и къ человѣческому спасенію имѣетъ отношеніе, — потому что собою вводитъ Бога въ общеніе съ человѣческою жизнію, а человѣка окриляетъ желаніемъ небснаго и дѣлается какъ бы нѣкоторою связью содружества человѣка съ Богомъ, приводя своимъ посредствомъ столь далеко отстоящее другъ отъ друга по естеству въ согласіе, — то какая сила слова будетъ въ состояніи объять величіе столь чуднаго предмета? Но такъ какъ нелѣпо совершенно уподобиться безсловеснымъ и безчувственнымъ (животнымъ), и оказаться однимъ изъ двухъ: или не понимающимъ красотъ дѣвства, или нечувствительнымъ и равнодушнымъ къ ощущенію сихъ красотъ: то мы готовы охотно

сказать объ немъ немногое, потому что во всемъ надо повиноваться власти того, кто далъ приказаніе. Впрочемъ никто не долженъ требовать отъ насъ высокопарныхъ рѣчей: если бы мы и желали того, не могли бы, потому что не приготовлены къ такого рода рѣчамъ. Да если бы и могли говорить напыщенно, то предпочли бы краткую рѣчь предъ тѣмъ, что вообще не приноситъ пользы. Ибо разумный человѣкъ долженъ во всемъ искать не того, что бы возбуждало къ нему удивленіе преимущественно предъ другими, но того, что могло бы принести пользу какъ ему самому, такъ и прочимъ.

Г л а в а 3.

Воспоминаніе трудностей брачной жизни и указаніе на то, что писатель сего слова не безбраченъ.

О, если бы возможно было и мнѣ отъ сего занятія получить какую-либо пользу! Съ большимъ усердіемъ предался бы я сему труду, если бы, при составленіи сего слова, трудился съ надеждою, по слову Писанія, вкусить плода отъ своего оранія и молотьбы (1 Кор. 9, 10.). Но теперь нѣкоторымъ образомъ знаніе красотъ дѣвства для меня напрасно и бесполезно, какъ плоды для вола, съ намордникомъ идущаго на гумно; или какъ для жажду-

шаго — со скаль текущая вода, когда она для него недостижима. Блаженны тѣ, во власти коихъ избирать лучшее, и кои не заключили себя какъ бы въ стѣнахъ, вступивъ въ брачную жизнь, подобно намъ, которые какъ бы нѣкоторою бездною отдѣлены отъ славы дѣвства, къ которому не можетъ возвратиться никто, кто хотя однажды сдѣлалъ шагъ въ мірскую жизнь. Посему, мы только зрители чужихъ совершенствъ и свидѣтели блаженства другихъ. Если мы даже и правильно судимъ о дѣвствѣ, то испытываемъ тоже, что повара и слуги, которые для стола богатыхъ приготавлиють роскошную пищу другимъ, но сами ни къ одному изъ приготовленныхъ яствъ не прикасаются. Какое было бы блаженство, если бы случилось не такъ, и мы не опоздали узнать сіе благо! Подлинно ревнують о семъ благѣ и дѣлають больше всякаго требованія и желанія тѣ, коимъ не заграждена возможность наслаждаться сими благами! Мы же, подобно тѣмъ, которые, сопоставляя свою бѣдность съ жизнію богатыхъ, болѣе тяготятся своимъ настоящимъ положеніемъ и труднѣе переносятъ оное, — чѣмъ больше познаемъ богатство дѣвственной жизни, тѣмъ больше оплакиваемъ иную жизнь, чрезъ сравненіе съ лучшимъ ясно видя, сколько и какихъ благъ не достаетъ у насъ. Не говорю о тѣхъ только благахъ, которыя ожидають въ послѣдствіи вѣдущихъ

жизнь добродѣтельную, но и о тѣхъ, которыя относятся къ настоящей жизни; ибо если кто захочетъ тщательно изслѣдовать различіе сей жизни отъ жизни дѣвственной, то найдетъ почти столь же великое между ними различіе, какое находится между предметами небесными и земными. Истину сихъ словъ могутъ знать всѣ, которые внимательно всматривались въ самое дѣло. Но откуда приличнѣе начать повѣствованіе о сей скорбной жизни? Или какъ представить на видъ обыкновенныя слѣдствія оной, которыя извѣстны всѣмъ людямъ по опыту, но которыя природа, не знаю, какъ сѣумѣла скрыть отъ самихъ извѣдавшихъ оныя, такъ что люди, у которыхъ они есть, добровольно не знаютъ ихъ? Хочешь, чтобы мы начали съ пріятнѣйшей стороны? Итакъ главное, чего особенно ищутъ въ бракѣ, — это пріятное сожителство. Пусть будетъ такъ; и мы опишемъ бракъ счастливѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ: знатный родъ, достаточное богатство, возрастъ взаимно соответствующій, самый цвѣтъ красоты, нѣжную любовь и притомъ такую, какую только можно представить у одного лица къ другому, пріятное оное соревнованіе, по которому одинъ старается превзойти другаго въ любви: присоединимъ ко всему этому славу, власть, знатность и все, что угодно. Но посмотри и на скорбь, которая по необходимости соединена съ исчис-

ленными удовольствіями и мало-по-малу по-
ядаеть оныя.

Не говорю о зависти, которая преслѣдуетъ живущихъ счастливо, также—о томъ, что видимое благополучіе въ жизни легко подвергается коварству людей,—и что всякій, не получившій такой же счастливой доли, питаетъ естественную какую-то ненависть къ тому, кто больше его имѣеть; и что чрезъ это самое, въ слѣдствіе подозрительности, жизнь доставляетъ болѣе печали, нежели удовольствія тѣмъ, которые представляются намъ благоденствующими. Но допустимъ, что и зависть не дѣйствуетъ противъ нихъ, — хотя трудно найти человѣка, который бы достигалъ вмѣстѣ того и другаго: чтобы и счастливъ былъ преимущественно предъ другими и избѣгалъ зависти. Предположимъ, если угодно, что жизнь ихъ свободна отъ всѣхъ такого рода непріятностей, и посмотримъ, могутъ ли быть счастливыми живущіе и въ такомъ благополучіи. Какая же, скажешь, еще можетъ быть печаль, когда даже и зависть не касается сихъ счастливцевъ? То самое, говорю, что они наслаждаются счастіемъ во всемъ въ жизни, и есть побужденіе къ скорби. Ибо, доколѣ они суть люди, — сіи смертныя и тлѣнныя созданія, доколѣ видятъ гробы тѣхъ, отъ коихъ родились, съ ихъ жизнію, если хотя немного способны размыслить о ней, неразрывно соединена печаль; ибо не-

престанное ожиданіе смерти, никакими вѣрными признаками неопредѣленной, но по неизвѣстности будущаго всегда также страшной, какъ бы и наступающая, всегда возмущаетъ настоящую радость, страхомъ ожидаемаго отравляя всякое благополучіе. Если бы возможно было прежде испытанія знать испытанное, если бы можно было другимъ какимъ-либо образомъ проникнуть въ сію жизнь и увидѣть, что она такое; то какъ бы сильно было бѣгство отъ брака къ дѣвству? Какая бдительность и осторожность, чтобы не впасть какъ нибудь въ сіи неизбѣжныя сѣти, трудности которыхъ невозможно точно знать никому, кто самъ не былъ въ этихъ тенетахъ! Ибо ты увидалъ бы, если бы можно было видѣть безопасно, большое смѣшеніе противоположностей: смѣхъ растворенъ слезами, печаль смѣшена съ радостію; повсюду сопутствуетъ ожиданіе смерти и отравляетъ каждое удовольствіе. Когда женихъ смотритъ на любимое лице, тотчасъ же непременно является у него и страхъ разлуки; когда слышитъ пріятнѣйшій голосъ, представляетъ въ умѣ, что нѣкогда его не услышитъ; когда радуется при взглядѣ на красоту, тогда особенно дрожитъ въ ожиданіи плача. Если обратимъ вниманіе на то, что цѣнять юноши и чѣмъ увлекаются неразумные, какъ-то: на глазъ, украшенный рѣсницами, на бровь, облегающую глазъ, на нѣжную и

изящную форму щекъ, на губы, естественнымъ румянцемъ окрашенныя, на волосы, золотистые и густые, различными плетеніями украшающіе голову, и на всю вообще оную временную красоту: то, если въ комъ есть хотя сколько нибудь разсудка, непремѣнно представитъ въ душѣ своей и то, что оная красота нѣкогда разрушившись погибнетъ, обратится въ ничто, вмѣсто видимаго теперь сдѣлается гнусными и безобразными костями, не оставивъ никакого ни слѣда, ни памятника, ни остатка настоящаго цвѣтущаго вида.

Если кто размыслитъ объ этомъ и подобномъ сему, тотъ можетъ ли жить въ веселіи? Не ужели онъ будетъ довѣрять настоящимъ своимъ благамъ какъ всегда пребывающимъ? Не ясно ли изъ сего открывается, что таковой будетъ какъ бы гоняться за обманчивыми сновидѣніями и недовѣрчиво относиться къ сей жизни, взирая на видимое какъ на чуждое? Конечно понимаешь, если только можешь сколько нибудь судить о существующихъ предметахъ, что ничто изъ являющагося намъ въ жизни не является такимъ, каково есть, но по обманчивому представленію показывается одно вмѣсто другаго, обманывая обращающихся къ нему съ надеждами и укрываясь подъ ложнымъ видомъ являемаго, пока чрезъ внезапное измѣненіе не окажется чѣмъ-то другимъ вопреки человѣческой надеждѣ, ко-

торая по ошибкѣ раждается у неразумныхъ. И такъ, какого наслажденія окажутся достойными пріятности сей жизни для того, кто подумаетъ объ этомъ? Будетъ ли на самомъ дѣлѣ ощущать (сіи пріятности) такъ разсуждающій, и будетъ ли увеселяться кажущимися ему благами? Всегда возмущаемый страхомъ перемѣны не будетъ ли пользоваться настоящими благами, безъ ощущенія удовольствія? Опускаю предзнаменованія, сны, предвѣщанія и прочія подобнаго рода нелѣпости, что все по суетному обычаю наблюдается и принимается въ худую сторону. Но вотъ наступаетъ время родовъ для молодой женщины; — и это дѣло считается не рожденіемъ дитяти, но приближеніемъ смерти; потому что въ родахъ грозитъ смерть беременной, и часто это худое предзнаменованіе не обманываетъ ихъ; прежде нежели они отпраздновали день рожденія, прежде нежели вкусили какое нибудь изъ ожидаемыхъ благъ, вдругъ радость измѣнилась въ плачь. Еще пылая любовію и желаніями, еще будучи въ цвѣтѣ лѣтъ, не испытавъ еще удовольствій сей жизни, они, какъ будто въ какой-то сонной мечтѣ, вдругъ лишаются всего, что имѣли въ рукахъ. Что же далѣе? Брачное ложе опустошается домашними, какъ врагами, и вмѣсто постели красуется гробъ и смерть. При этомъ бесполезныя вопли, напрасныя всплескиванія рукъ, воспоминанія о прежней

жизни, проклятія тѣмъ, которыя совѣтовали вступить въ бракъ, жалобы на друзей, которые не воспрепятствовали; въ большой винѣ родители, если находятся въ живыхъ; если же нѣтъ, то негодованіе на жизнь человѣческую, обвиненіе всей природы, великій ропоть и негодованіе на самое божественное Провидѣніе; борьба съ самимъ собою, война съ тѣми, которые увѣщаютъ; ничто не сдерживаетъ глупѣйшихъ рѣчей и дѣлъ. А часто у тѣхъ, у которыхъ страсть беретъ перевѣсъ, и отъ излишней печали теряется рассудокъ, эта сцена оканчивается еще прискорбнѣйшимъ концемъ,— когда несчастный не въ состояніи пережить своего несчастія.

Но оставимъ это; предположимъ лучшее: опасность родовъ миновалась, и у супруговъ родился сынъ,— это отображеніе красоты родителей. Что же? Уменьшилась ли чрезъ это причина печали? Не болѣе ли увеличилась? Ибо и прежній страхъ имѣетъ еще силу и прибавился новый,— за дитя, чтобы не случилось чего-либо непріятнаго во время его воспитанія, чтобы какой-нибудь несчастный случай, какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство не причинили или болѣзни, или уродства или другой какой бѣды. Это одинаково относится къ обоимъ родителямъ: но кто исчислить принадлежащее собственно супругъ? Мы опустимъ обыкновенное и всѣмъ извѣстное,

какъ-то: тяжесть беременности, опасность во время родовъ, труды при воспитаніи, и, — что сердце ея соединено неразрывно съ рожденнымъ дитятею, такъ что если она мать многихъ дѣтей, то душа ея разрывается на столько, сколько ихъ находится числомъ; случившіяся съ ними несчастія она чувствуетъ своимъ сердцемъ. Все сіе и подобное, всѣмъ извѣстное, кто можетъ выразить? Но поелику, по божественному опредѣленію, жена не госпожа себѣ, но имѣетъ *обращеніе* къ тому, кто обладаетъ ею посредствомъ брака (Быт. 3, 16.): то если она хотя на короткое время разлучится съ нимъ, какъ бы отторгшись отъ главы, не выносить одиночества; и малѣйшее удаленіе отъ мужа кажется ей нѣкоторымъ ожиданіемъ вдовьей жизни. Тотчасъ страхъ отчаянія замѣняетъ самыя лучшія надежды, и потому глазъ ея, полный смущенія и опасенія, прикованъ къ двери дома; слухъ наблюдаетъ за шепотомъ людей; сокрушается сердце раздираемое страхомъ, и прежде нежели получено какое нибудь извѣстіе, одинъ шорохъ у дверей, или воображаемый или на самомъ дѣлѣ случившійся, какъ какой нибудь вѣстникъ злополучія, вдругъ приводитъ въ смущеніе душу. Можетъ быть внѣ дома все благополучно и не случилось ничего, достойнаго страха: но душевное уныніе предваряетъ сіе извѣстіе и отъ пріятныхъ ожиданій обращаетъ мысль къ противополож-

нымъ. Такая жизнь счастливыхъ людей далеко не можетъ сравниться съ свободою дѣвства. Но много еще болѣе тяжкаго слово наше прошло молчаніемъ. Ибо часто также она, еще юная лѣтами, еще сіяющая красотою невѣсты, еще можетъ быть краснѣющая при входѣ жениха и стыдливо взирающая на него, когда и страсть, сдерживаемая стыдомъ въ своемъ обнаруженіи, обыкновенно бываетъ пламеннѣе, — вдругъ дѣлается вдовою, несчастною, одинокою и оправдываетъ на себѣ всѣ эти страшныя названія; и вотъ ее, одѣтую доселѣ въ свѣтлую, блестящую и нарядную одежду, случившееся внезапно несчастье облакаетъ въ черное платье и повергаетъ въ скорбь, со-звлекши брачныя украшенія. За тѣмъ вмѣсто свѣтлости мракъ въ спальнѣй комнатѣ, жалобныя вопли и рыданія, ненависть къ тѣмъ, которые хотятъ утишить скорбь; лишеніе себя пищи, изнеможеніе тѣла, упадокъ духа, желаніе смерти, часто сильное довести до самой смерти. Если же со временемъ несчастье сіе нѣсколько смягчается; то опять другая бѣда: остаются ли дѣти, или нѣтъ. Если остаются, то они конечно сироты, и потому жалки, и чрезъ нихъ скорбь снова оживаетъ; если же ихъ не осталось, то совершенно исчезаетъ напоминаніе объ умершемъ, и это несчастье выше всякаго утѣшенія. Опускаю другія бѣдствія вдовства: ибо кто можетъ всѣ оныя подробно

исчислить? Не говорю о врагахъ домашнихъ; одни обижаютъ несчастную, другіе радуются ея одиночеству и съ удовольствіемъ злымъ окомъ взираютъ на разрушающійся домъ, на слугъ, ни о чемъ не заботящихся, и на все прочее, чего такъ много можно видѣть при подобныхъ несчастіяхъ. Отъ этого многія, по необходимости, рѣшаются вторично испытать подобныя бѣдствія, не вынося ядовитаго смѣха людей и какъ бы думая своими несчастіями отмстить ихъ огорчившимъ. Многія же помня, что случилось прежде, лучше соглашаются все сіе переносить, нежели въ другой разъ подвергнуться подобнымъ несчастіямъ. И если хочешь знать трудности брачной жизни, послушай, что говорятъ опытомъ узнавшія сію жизнь: какъ онѣ ублажаютъ жизнь тѣхъ, кои съ начала избрали дѣвственную жизнь, а не какимъ-либо несчастіемъ узнали, что лучше; потому что дѣвство недоступно всѣмъ этимъ бѣдствіямъ: оно не плачетъ о сиротствѣ; оно всегда вмѣстѣ съ нетлѣннымъ Женихомъ; всегда радуется порожденіямъ благочестія; по истинѣ въ домѣ своемъ видитъ постоянно изобиліе всего, что ни есть самаго прекраснаго, потому что въ немъ всегда присутствуетъ и обитаетъ Владыка дома; смерть причиняетъ не разлуку, но соединеніе съ Любимымъ; ибо когда разрѣшается, тогда бываетъ со Христомъ, какъ говоритъ апостолъ (Филип. 1, 23.).

Такъ какъ мы отчасти изслѣдовали состояніе людей, счастливыхъ въ брачной жизни, то время коснуться нашимъ словомъ и другихъ сторонъ жизни, гдѣ гнѣздится и бѣдность, и невзгоды и другія несчастія человѣческихъ скорбей, какъ-то: уродства, болѣзни и другое, что составляетъ удѣлъ человѣческой жизни. Всѣхъ таковыхъ злополучій живущій самъ по себѣ или избѣгаетъ не испытавъ ихъ, или равнодушно переноситъ оныя; такъ какъ вниманіе его сосредоточено на самомъ себѣ и не отвлекается заботами ни къ чему другому. А у кого вниманіе раздѣлено между собою и дѣтьми, тотъ часто и досуга не имѣетъ оплакивать свои несчастія, потому что забота о любимыхъ имъ наполняетъ все его сердце. Но не лишнее ли дѣло подробно говорить о томъ, что само по себѣ ясно? Ибо если такія затрудненія и бѣдствія сопряжены съ тѣмъ, что кажется намъ благополучіемъ, то что же заключить о противномъ? Всякое описаніе словами, которое рѣшается представить на лицо жизнь таковыхъ людей, ниже истины. Можно впрочемъ немногими словами выразить многія бѣдствія сей жизни: потому что тѣ, которые въ жизни получили жребій, противоположный кажущимся счастливыми, имѣютъ скорби противоположныя. У счастливыхъ жизнь возмущаетъ ожидаемая или уже наступающая смерть; а для сихъ отдаленіе отъ смерти есть несчастіе,

и хотя жизнь ихъ расходится въ противоположныя стороны, но уныніе сопровождаетъ тѣхъ и другихъ къ тому же концу. Такимъ образомъ бракъ влечетъ за собою разнообразныя и различныя бѣдствія: ибо одинаково скорбятъ люди, имѣютъ ли дѣтей или не надѣются имѣть ихъ, и опять живы ли они или умерли. Одинъ утѣшается дѣтьми, но не имѣетъ средствъ къ ихъ пропитанію: у другаго недостаетъ наслѣдника имѣнію, надъ увеличеніемъ котораго онъ много трудился,—и то, что составляетъ благополучіе для одного, есть несчастіе для другаго; каждый изъ нихъ желаетъ имѣть то, чѣмъ, какъ видишь, тяготится другою. У одного умеръ любимый сынъ, у другаго живъ, но распутный. Оба жалки: одинъ плачетъ о смерти сына, другой — о жизни. Опускаю зависть и ссоры, отъ истинныхъ или мнимыхъ причинъ происходящія; какими скорбями и бѣдствіями онѣ кончаются! Кто все это въ точности можетъ исчислить? Если же хочешь знать, что (дѣйствительно) такихъ золь полна жизнь человѣческая, не требуй отъ меня древнихъ повѣствованій, которыя поэтамъ дали содержаніе для трагедій; ибо онѣ по крайней нелѣпости считаются баснями: въ нихъ (заключаются) дѣтоубійства, пожиранія чадъ, убійства мужей, убійства матерей, закланія братьевъ, незаконныя смѣшенія и всякаго рода нарушеніе естественныхъ законовъ. Повѣство-

ватели древностей начинают свой рассказъ объ этомъ (нарушеніи) съ браковъ и заключаютъ оный такого рода бѣдствіями.

Но оставивъ все это, посмотри на печальныя явленія, совершающіяся на сценѣ настоящей жизни, которыхъ виновникомъ для людей служитъ бракъ. Поди въ судилища, прочитай законы, относящіеся сюда: въ нихъ ты найдешь неслыханныя дѣла, совершающіяся въ брачной жизни. Когда ты слышишь врачей, разсуждающихъ о различныхъ болѣзняхъ, то узнаешь о слабости человѣческаго тѣла; понимаешь, сколько и къ какимъ болѣзнямъ оно расположено: такъ когда ты читаешь законы и видишь многообразныя преступленія брачной жизни, за которыя они опредѣляютъ наказанія, тогда вѣрно узнаешь особенности, принадлежащія браку; ибо ни врачъ не лечитъ болѣзней несуществующихъ, ни законъ не наказываетъ преступленій не совершаемыхъ.

Г л а в а 4.

О томъ, что все нестроеніе въ сей жизни получаетъ начало отъ брака; здѣсь же (разсуждается) и о томъ, каковъ долженъ быть тотъ, кто отрѣшился отъ брачной жизни.

Скажѹ болѣе, для чего немногими словами обличить немѣпость сей жизни, ограничивъ исчисленіе бѣдствій одними прелюбодѣяніями,

раздорами и коварствами? Ибо мнѣ кажется по высшему и истинному разумѣнію, что всякое зло въ жизни, усматриваемое во всѣхъ дѣлахъ и занятіяхъ, не можетъ имѣть никакой власти надъ человѣческой жизнію, если кто самъ себя не подчинитъ неволѣ брачной жизни. Истину сихъ словъ можно объяснить такимъ образомъ. Кто чистымъ окомъ душевнымъ уразумѣлъ обманчивость сей жизни и возвысился надъ тѣмъ, къ чему здѣсь стремятся; кто, какъ говорить апостоль, все презрѣлъ какъ зловонный соръ (Филип. 3, 8.), и чрезъ удаленіе отъ брака отрѣшился нѣкоторымъ образомъ отъ всей жизни: тотъ не имѣетъ никакого общенія съ пороками человѣческими, — разумѣю любостяжаніе и зависть, гнѣвъ и ненависть, желаніе суетной славы и все другое подобнаго рода. Кто всего такого чуждъ и совершенно свободенъ и проводитъ жизнь мирную, тотъ не имѣетъ ничего, за что бы могъ спорить съ ближними по зависти, потому что онъ ничего такого не касается, отъ чего рождается въ жизни зависть. Возвысившись своею жизнію надъ всѣмъ міромъ и почитая одну только добродѣтель безцѣннымъ для себя стяжаніемъ, онъ проводитъ жизнь мирную, безъ печалей и борьбы. Потому что сокровище добродѣтели, хотя въ немъ принимаютъ участіе всѣ люди, каждый по своимъ силамъ, вполне удовлетворяетъ ищущихъ его; не таково земное сокрови-

вище, которое когда дѣлятъ его на части, сколько прибавляютъ къ одной части, столько же отнимаютъ у другой, и избытокъ у одного сопровождается уменьшеніемъ участвующаго въ долѣ: отсюда борьба за большую часть, отсюда въ слѣдствіе уменьшенія возникаетъ между людьми ненависть. А въ ономъ сокровищѣ, стремленіе приобрѣсть больше не возбуждаетъ зависти; и восхитившій больше не наноситъ никакого ущерба тому, кто считаетъ себя достойнымъ равной части: но по мѣрѣ того, какъ кто вмѣщаетъ, и самъ удовлетворяется въ своемъ благомъ желаніи и богатство добродѣтелей не оскудѣваетъ у имѣвшихъ оное прежде. Итакъ кто имѣетъ въ виду такого рода жизнь, и сокровище свое полагаетъ въ добродѣтели, которая никакимъ предѣломъ человѣческимъ не ограничивается: тотъ допустить ли когда нибудь своей душѣ увлечься чѣмъ нибудь низкимъ и презрѣннымъ? Будетъ ли съ удивленіемъ смотрѣть на земное богатство, или на могущество человѣческое, или на другое что нибудь, къ чему по неразумію стремятся люди? Если кто по низости духа расположенъ еще къ таковымъ предметамъ, тотъ видѣ сего лика, и о немъ будетъ наша рѣчь. Но кто мудрствуетъ о горнемъ и возносится къ Богу, тотъ конечно выше всего этого, и у него нѣтъ обыкновенно повода увлечься въ обманъ относительно сихъ пред-

метовъ, — я говорю о бракѣ. Ибо желаніе быть выше другихъ, гордость — эта тяжкая страсть, которую если кто назоветъ корнемъ всякаго грѣховнаго терна, не погрѣшитъ въ истинѣ, получаетъ начало болѣе всего отъ брака. Потому что большею частію бываетъ, что причиною любостыжанія родные, а въ славолубіи и честолюбіи вина сего порока въ породѣ, когда честолюбець хочетъ показаться не ниже своихъ предковъ и считаться великимъ у потомковъ, желая, чтобы говорило о немъ его потомство дѣтямъ. Точно также и прочіе, какіе ни есть, недуги душевные: зависть, злопамятство, ненависть и другіе того же рода, зависятъ отъ той же причины. Всѣ таковыя пороки неразлучны съ тѣми, которые привязаны къ брачной жизни. Отрѣшившійся отъ оныхъ, какъ бы съ нѣкотораго возвышеннаго мѣста издали взирая на человѣческія страсти, оплакиваетъ слѣпоту тѣхъ, которые поработили себя такой суетѣ и за великое почитаютъ благополучіе тѣлесное; ибо когда видитъ какого нибудь человѣка знаменитаго чѣмъ либо въ жизни, славящагося почестями, или богатствомъ, или властью, посмѣвается безумію гордящихся этимъ, и исчисляетъ кратковременность человѣческой жизни, опредѣляя срокъ ея согласно съ словами псалмопѣвца (Пс. 80, 10.); потомъ сравнивая малое сіе продолженіе (жизни) съ безконечными вѣками, сожалеетъ о глу-

пости того, кто предается своею душою такимъ презрѣннымъ, низкимъ и скоропреходящимъ предметамъ. Ибо что изъ здѣшняго стоить названія блага? Честь ли, которой многіе домогаются? Развѣ придаетъ она что нибудь большее почетнымъ лицамъ? Смертный остается смертнымъ, воздають ли ему почеть, или нѣтъ. Или,—обладаніе многими десятинами земли? Приведеть ли это обладателя къ какому благодѣтельному концу, кромѣ того, что сей безумецъ будетъ считать своею собственностію нисколько ему непринадлежащее; отъ великой жадности онъ, какъ видно, не знаетъ, что по истинѣ *Господня есть земля, и исполненіе ея* (Пс. 23, 1.); ибо *Царь всея земли Богъ* (Пс. 46, 8.): людямъ же, страсть къ любостыжательности, ложно приписываетъ имя господства надъ тѣмъ, что никакъ не принадлежитъ имъ. Ибо земля, какъ говоритъ мудрый Екклесіастъ, *во вѣкъ стоитъ* (Екклес. 1, 4.), служа всемъ поколѣніямъ попеременно и питая раждающихся на ней: а люди, не имѣя даже власти сами надъ собой, но завися во всемъ отъ воли Міроправителя, входя въ жизнь, когда не вѣдаютъ о томъ, и опять уходя изъ нея, когда не желаютъ, по великой суетности почитаютъ себя обладателями земли, которая всегда пребываетъ, тогда какъ они попеременно то являются, то погибають. Итакъ кто видитъ все это и потому презираеть все,

что считается почетнымъ у людей и къ одной только божественной жизни имѣеть любовь, тотъ, зная, что *всяка плоть сѣно и всяка слава человѣческа яко цвѣтъ травный* (Ис. 40, 6.), сочтетъ ли когда нибудь достойнымъ заботы сѣно, *днесь сущее* (Матѳ. 6, 30.), и котораго завтра не будетъ? Правильно понимающій божественные предметы знаетъ, что не только дѣла человѣческія не имѣють постоянства, но даже и весь міръ не останется навсегда такимъ же, а потому смотритъ на жизнь сію, какъ на чуждую и временную: поелику *небо и земля*, по слову Спасителя, *прейдутъ* (Матѳ. 24, 35.), и все по необходимости потерпитъ измѣненіе. Посему онъ, доколѣ находится въ сей хижинѣ, какъ говоритъ апостоль (о тѣлѣ) указывая на его кратковременность (2 Кор. 5, 1.), тяготясь настоящею жизнію, скорбитъ о томъ, что пребываніе сіе у него продолжается (ст. 2—4.). Также поступаетъ и псалмопѣвецъ въ своихъ божественныхъ пѣсняхъ; ибо по истинѣ, обитающіе на время жизни въ сихъ храминахъ живутъ во тмѣ: посему пророкъ въ скорби о продолженіи сего обитанія говоритъ: *увы мнѣ, яко пришестьствіе мое продолжися* (Пс. 119, 5.). Причиною же такой скорби онъ полагаетъ тму, потому что мы знаемъ, что тма на еврейскомъ языкѣ именуется *кидарг*. Ибо, по истинѣ, люди, какъ бы одержимые какимъ либо ночнымъ мракомъ, до

того слѣпы въ различеніи обмана, что не знаютъ, что все, почитаемое почтеннымъ въ сей жизни, или противоположнымъ тому, существуетъ только въ одномъ представленіи неразумныхъ, но само по себѣ не имѣетъ никакого значенія: ни низкое происхожденіе, ни благородство рода, ни слава, ни знатность, ни подвиги предковъ, ни надменность настоящимъ, ни власть надъ другими, ни подчиненіе власти другихъ. Богатство и роскошь, бѣдность и нужда и всё несоотвѣтствія жизни, людямъ неопытнымъ, которые измѣряютъ предметы чувствомъ удовольствія, представляются имѣющими великое различіе; но для человѣка съ умомъ возвышеннымъ все представляется совершенно равнымъ, и ничто не предпочтительнѣе другаго; потому что цѣль жизни одинаково достигается при противоположныхъ состояніяхъ, и каждый изъ удѣловъ жизни имѣетъ одинаковую силу и къ добродѣтельной и къ порочной жизни: *оружіи десными и шуми, славою и безчестіемъ*, какъ говоритъ апостоль (2 Кор. 6, 7. 8.). Посредствомъ ихъ человѣкъ съ очищеннымъ умомъ и понимающей истину вещей правильно совершаетъ путь, проходя отъ рожденія до конца жизни определенное ему время, и по обычаю путешественниковъ, простираясь все далѣе, мало обращаетъ вниманія на представляющіеся ему предметы. Ибо у путешественниковъ обычай,—

одинаково спѣшить къ цѣли путешествія, проходятъ ли они лугами и обработанными полями, или пустынными и дикими мѣстами; ни пріятное ихъ не задерживаетъ, ни непріятное не останавливаетъ. Такъ и онъ неуклонно будетъ стремиться къ предположенной себѣ цѣли, не отвлекаясь ничѣмъ встрѣчающимся на пути, но взирая только на небо пройдетъ теченіе жизни, подобно какому нибудь искусному кормчему направляя корабль ея къ высшей цѣли. Напротивъ, кто имѣетъ грубый умъ, и смотритъ долу и преклонилъ душею къ тѣлеснымъ удовольствіямъ, какъ животныя къ корму, живетъ только для чрева и для того, что въ связи съ чревомъ, удалился отъ жизни Божіей, чуждъ обѣтованія завѣтовъ и ничего другаго не считаетъ благомъ, кромѣ тѣлесныхъ наслажденій: тотъ, и всякій таковой во тьмѣ ходитъ, какъ говоритъ Писаніе (Іоан. 12, 35.); потому что дѣлается изобрѣтателемъ золь въ сей жизни, въ числѣ которыхъ заключается и любостыжаніе, и необузданность страстей, и неумѣренность въ удовольствіяхъ, всякое любоначаліе и стремленіе къ суетной славѣ и прочее скопище страстей, живущихъ вмѣстѣ съ человѣкомъ; потому что въ сихъ порокахъ одинъ какъ бы держится за другой и въ кого входитъ одинъ, въ того, какъ бы влекомые какою-то естественною необходимостію, входятъ непременно и прочіе. Какъ въ цѣпи,

когда потянуть первое звѣно, прочія не могутъ оставаться въ покоѣ внѣ круговаго сцѣпленія, но звѣно, находящееся на другомъ концѣ цѣпи, движется вмѣстѣ съ первымъ, потому что движеніе по порядку и связи отъ перваго звѣна проходитъ чрезъ лежащія близъ него: такъ переплетены и соединены между собою и страсти человѣческія; когда одна изъ нихъ возымѣетъ силу, и все прочее скопище пороковъ входитъ въ душу. И если нужно описать тебѣ это злое сцѣпленіе, представь, что кто нибудь по чувству какого-то удовольствія побѣжденъ страстію тщеславія; но за тщеславіемъ слѣдуетъ вмѣстѣ желаніе приобрѣсть большее: ибо невозможно быть любостыжательнымъ, если не руководитъ этою страстію тщеславіе. Далѣе желаніе приобрѣтать больше и имѣть преимущество предъ другими, влечетъ за собою или гнѣвъ къ равнымъ, или гордость въ отношеніи къ низшимъ, или зависть къ высшимъ; за завистью слѣдуетъ притворство, за нимъ озлобленіе; а за послѣднимъ ненависть къ людямъ; конецъ всего этого— осужденіе, оканчивающееся геенною, тмою и огнемъ.

Видишь ли связь пороковъ, какъ отъ одной страсти удовольствія исходятъ всѣ прочія? И такъ поелику послѣдовательность такихъ страстей однажды уже вошла въ сію жизнь: то мы, по совѣту богодухновенныхъ писаній, находимъ

одинъ выходъ изъ нихъ, именно: удаленіе отъ сей жизни, заключающей въ себѣ такое сочетаніе влекущихъ другъ друга недуговъ. Ибо невозможно тому, кто любитъ жить въ Содомѣ, избѣгнуть огненнаго дождя, ни тому, кто вышелъ изъ Содома, но опять обратился къ сему запусѣнію, не обратиться въ сланный столпъ; не освободится также отъ рабства египетскаго тотъ, кто не оставитъ Египта, разумѣю сію бурную жизнь, и не перейдетъ не чрезъ онос Черное, но черное сіе и мрачное море жизни. Если же, какъ говоритъ Господь, доколѣ истина не освободитъ насъ (Іоан. 8, 32.), мы останемся въ рабствѣ злу: то какъ можетъ быть въ истинѣ тотъ, кто ищетъ лжи и вращается въ обманчивости жизни? Какъ можетъ избѣгнуть рабства тотъ, кто жизнь свою отдалъ въ рабство нуждамъ природы? Но рѣчь объ этомъ будетъ понятнѣе намъ посредствомъ нѣкотораго примѣра. Какъ какая нибудь разлившаяся отъ дождей рѣка, которая бурнымъ теченіемъ, соотвѣтственно своей природѣ, уноситъ въ свое русло деревья, камни и все, что попадается, страшна и опасна только для тѣхъ, которые живутъ вблизи ея: для тѣхъ же, которые берегутся ея, находясь вдали, она бушуетъ напрасно: такъ и смятенію сей жизни подвергается одинъ тотъ, кто увлекается имъ; онъ одинъ подвергаетъ себя страстямъ, въ которыя природа, совершающая

теченіе своимъ порядкомъ, необходимо вовлекаетъ тѣхъ, которые идутъ ея путемъ, потопля ихъ волнами житейскихъ золь. Но если кто оставитъ этотъ *потокъ*, какъ говоритъ Писаніе, и *воду непостоянную* (Пс. 123, 5. 6.): тотъ непременно уйдетъ, какъ говорится въ псалмѣ въ слѣдъ за симъ, отъ *ловитвы зубовъ* жизни, какъ птица, крыльями добродѣтели, избавившись отъ сѣти (ст. 7.). Ибо, по приведенному нами сравненію рѣки, жизнь человѣческая, полная различными смутами и несообразностями, несется постоянно впередъ, стремясь по склону естества; ни надъ чѣмъ, что составляетъ въ ней предметъ желаній, не останавливается, и не ждетъ, пока насытятся ими желающіе: но ко всему встрѣчающемуся вмѣстѣ и приближается, и прикоснувшись пробѣгаетъ мимо, и вѣчно присущее отъ быстроты теченія ея ускользаетъ отъ чувства, такъ какъ глаза увлекаются тѣмъ, что потокъ представляетъ далѣе. Посему полезно было бы держать себя вдали отъ этого потока, чтобы увлекшись непостояннымъ, не упустить изъ виду вѣчно пребывающаго. Ибо можетъ ли пристрастившійся къ чему либо въ сей жизни, до конца имѣть то, что желаетъ? Какое изъ особенно вождѣленныхъ благъ, навсегда пребываетъ таковымъ? Каковъ цвѣтъ юности? Каковы счастливые дары силы и красоты? Каково богатство? Какова слава? Каково вла-

дычество? Все это, разцвѣтши на короткое время, не проходит ли опять и не смѣняется ли тѣмъ, что носить противное ему названіе? Кто прожилъ постоянно юнымъ? У кого навсегда сохранились силы? А цвѣтъ красоты, не сдѣлала ли природа кратковременнѣе даже тѣхъ цвѣтовъ, которые появляются весною? Ибо эти растутъ всегда въ извѣстное время, и отцвѣтши на короткое время, опять оживаютъ; потомъ снова опадаютъ и снова разцвѣтають, и раскрываютъ свою красоту въ обновленномъ видѣ; а цвѣтъ человѣческой красоты природа, раскрывъ однажды въ весну юности, за тѣмъ истребляетъ и уничтожаетъ зимою старости. Равнымъ образомъ и все прочее, на время польстивъ плотскому чувству, за тѣмъ проходитъ и покрывается забвеніемъ. Итакъ, поелику таковыя переменны, случающіяся по нѣкоторой естественной необходимости, непремѣнно удручаютъ печалію того, кто пристрастенъ (къ нимъ), то единственное спасеніе отъ таковыхъ золъ, — ни къ чему изъ того, что подвержено переменѣ, не прилѣпляться душою, но сколько возможно удаляться общенія со всею страшною и плотскою жизнію, особенно же отрѣшаться отъ пристрастія къ своему тѣлу, чтобъ, живя по плоти, не быть повиннымъ и бѣдствіямъ, происходящимъ отъ плоти; то есть, — жить одною душою и по возможности подражать жизни безплотныхъ силъ,

въ которой они ни женятся, ни посягають (Марк. 12, 25.), но занимаются и упражняются созерцаніемъ негльвнаго Отца и украшеніемъ своего образа по подобію первобытной красоты чрезъ возможное подражаніе оной.

Г л а в а 5.

О томъ, что безстрастіе души должно предшествовать чистотѣ тѣлесной.

Итакъ вотъ въ какомъ образѣ мыслей и высококомъ стремленіи содѣйствуетъ, говоримъ мы согласно съ писаніемъ, и помогаетъ человѣку дѣвство. Ибо какъ въ прочихъ занятіяхъ придуманы нѣкоторыя искусства для того, чтобы совершеннѣе выполнить то дѣло, о которомъ заботимся: такъ мнѣ кажется, и подвигъ дѣвства составляетъ нѣкоторое искусство и способность къ достиженію болѣе божественной жизни, содѣйствуя живущимъ во плоти уподобляться естеству безплотному. Ибо вся забота настоящей жизни состоитъ въ томъ, чтобы высота души не унизилась напоромъ удовольствій, и чтобы разумъ нашъ, вмѣсто того, чтобы воспарять къ небу и созерцать горняя, не палъ низвергшись къ страстямъ плоти и крови. Ибо какъ можетъ свободнымъ окомъ взирать на сродный себѣ и умный свѣтъ душа, пригльпившаяся къ дольнымъ плотскимъ удо-

вольствіямъ и устремившая все желаніе къ чело-
 вѣческому страстямъ, когда по какому-то
 худому и невѣжественному представленію скло-
 няется къ предметамъ вещественнымъ? Какъ
 глаза свиней, по природѣ обращенные внизъ,
 не могутъ видѣть чудныхъ красотъ небесныхъ:
 такъ душа, привязавшись къ тѣлу, не можетъ
 созерцать горнихъ красотъ, потому что пре-
 клонилась къ грубому и скотоподобному по
 природѣ. Итакъ чтобы душа наша могла сво-
 бодно и безпрепятственно взирать на оное
 божественное и блаженное удовольствіе, она
 не должна обращаться ни къ чему земному и
 принимать участія въ тѣхъ мнимыхъ удоволь-
 ствіяхъ, которыя дозволяются брачною жизнью,
 но всю силу любви отъ плотскихъ предметовъ
 должна обратить къ созерцанію умственной и
 невещественной красоты. Къ такому располо-
 женію души содѣйствуетъ намъ тѣлесное дѣв-
 ство: оно производитъ то, что душа совер-
 шенно забываетъ о естественныхъ страст-
 ныхъ движеніяхъ и не помнитъ ихъ, не имѣя
 никакой необходимости заниматься удовлетво-
 реніемъ низкихъ потребностей плоти. Ибо
 освободившись однажды отъ сихъ обязанно-
 стей, она уже не подвергается опасности, по
 привычкѣ мало по малу снисходя къ удоволь-
 ствіямъ, кажушимся дозволенными закономъ
 природы, отвратиться и не познать того
 божественнаго и нетлѣннаго удовольствія, ко-

того, обыкновенно, достигаетъ одно только чистое сердце (при содѣйствіи) господственнаго начала въ насъ, — ума.

Г л а в а 6.

О томъ, что Ілія и Іоаннъ тщательно заботились о таковой жизни.

Посему, мнѣ кажется, и великій между про- роками Ілія, и тотъ, кто въ духѣ и силѣ Іліи послѣ него явился и жилъ на землѣ, больше котораго нѣтъ никого изъ рожденныхъ женами, (хотя исторія нѣчто и другое повѣствуетъ объ нихъ иносказательно), жизнью своею особенно учать тому, чтобы удалялся міра, не слѣдуя ему, тотъ, кто упражняется въ созерцаніи невидимаго, дабы увлекшись какъ нибудь оболъщеніями, происходящими отъ чувствъ, не испытать какой нибудь запутанности и обмана въ сужденіи объ истинномъ благѣ. Ибо они оба съ ранней юности стали чужды чело- вѣческой жизни и поставили себя какъ бы выше природы, презрѣвъ обычную и дозволенную заботливость о пищѣ и питіи и проводя жизнь въ пустынѣ, такъ что и слухъ ихъ былъ удаленъ отъ шума, и зрѣніе отъ оболъщенія, и вкусъ остался простымъ и неприхотливымъ; потому что потребность (пищи и питія) оба удовлетворяли чѣмъ ни случалось. Отъ того

вдали отъ мірскаго шума они и достигли великой тишины и спокойствія и вознеслись на ту высоту божественныхъ дарованій, о какой относительно того и другаго изъ нихъ упоминаетъ Писаніе. Ибо Ілія, будучи поставленъ какъ бы какимъ раздаятелемъ даровъ Божіихъ, имѣлъ во власти управленіе небомъ и могъ затворять оное для согрѣшающихъ и отверзать для кающихся; объ Іоаннѣ же исторія не говоритъ, чтобы онъ сотворилъ какое нибудь подобное чудо, но Видящій сокровенное засвидѣтельствовалъ, что у него было дарованіе большее, чѣмъ у всѣхъ прочихъ пророковъ. Можетъ быть (потому они оба достигли такой высоты), что чистую и отрѣшенную отъ всякаго вещественнаго пристрастія любовь свою, отъ начала и до конца жизни посвятили Господу, не отвлекаясь ни любовію къ дѣтямъ, ни заботою о женѣ, ни другими какими либо человѣческими дѣлами; даже заботу о ежедневномъ необходимомъ пропитаніи считали неприличною для себя, и отвергнувъ всякую роскошь въ одеждѣ, удовлетворяли свои потребности чѣмъ случится, одѣваясь, — одинъ козими кожами, а другой верблюжьимъ волосомъ. Такого величія, думаю, не достигли бы они, если бы допустили расслабить себя страстными плотскими удовольствіями брака. Это не безъ причины, но, какъ говоритъ апостоль, *въ наше наказаніе преднаписашася* (Римл. 15. 4),

дабы мы по ихъ образу жизни направляли и свою жизнь. И такъ, чему же научаемся отъ нихъ? Тому, чтобы желающій единенія съ Богомъ, по подобію сихъ святыхъ мужей, ни къ какимъ житейскимъ предметамъ не привязывался мыслію: ибо тому, чей разумъ развлекается многимъ, невозможно преуспѣть въ познаніи Бога и въ любви къ Нему.

Г л а в а 7.

О томъ, что развлекающійся многимъ не можетъ быть совершеннымъ по душѣ.

Мнѣ кажется, что ученіе о семъ яснѣе можно представить при помощи примѣра. Положимъ, что вода, изливаясь изъ источника, случайно раздѣлилась на различные потоки. Дологъ она течетъ такимъ образомъ, не принесетъ никакой пользы для потребностей землѣдія; потому что при разлитіи воды на много потоковъ, въ каждомъ останется мало воды, и она по своей незначительности сдѣлается стоячею и неподвижною. Если же кто всѣ безпорядочно текущіе потоки соединитъ, и разливавшуюся дотолѣ по многимъ мѣстамъ воду заключитъ въ одно русло: тотъ можетъ собрать и сосредоточенную воду употребить съ великою для жизни пользою и выгодною. Такъ, мнѣ кажется, и умъ человѣческій, если

постоянно растекается и разсѣивается къ тому, что нравится чувствамъ, не имѣеть нисколько достаточной силы къ достиженію истиннаго блага; если же отрѣшившись отъ всего и сосредоточившись въ самомъ себѣ, собранно и неразсѣивно будетъ стремиться къ свойственной ему по природѣ дѣятельности, то не будетъ для него никакого препятствія къ тому, чтобы возноситься къ горнему и достигать существенной истины. Ибо какъ сдерживаемая водопроводомъ вода, встрѣтивъ препятствіе, отъ сильнаго напора поднимается вверхъ, не имѣя мѣста, куда разлиться,—и это бываетъ, не смотря на то, что вода по природѣ имѣеть свойство стремиться внизъ: такъ и умъ человѣческій, когда воздержаніе, какъ нѣкоторый каналъ, со всѣхъ сторонъ будетъ сдерживать его, не имѣя мѣста, куда разсѣяться, по самому свойству движенія устремится вверхъ, вождѣлевая высшихъ благъ, ибо не можетъ когда нибудь остановиться тотъ, кто получилъ отъ Творца постоянно-движущееся естество, и если употребленію сего движенія на суетные предметы положена преграда, онъ не можетъ конечно стремиться къ чему либо кромѣ истины, будучи со всѣхъ сторонъ огражденъ отъ того, что для него неприлично. И какъ мы видимъ, что путешественники при множествѣ дорогъ тогда преимущественно не заблуждаются отъ настоящаго пути, когда

узнавъ напередъ невѣрность другихъ путей, уклоняются отъ нихъ, такъ что чѣмъ болѣе кто во время путешествія удаляется отъ невѣрныхъ путей, тѣмъ вѣрнѣе сохранить себя на истинномъ пути: такъ и разумъ нашъ познаетъ истину сущаго только тогда, когда отворачивается отъ суетныхъ предметовъ. Итакъ, мнѣ кажется, что воспоминаніе объ оныхъ великихъ пророкахъ учить насъ тому, чтобы мы не привязывались ни къ чему, что составляетъ предметъ заботы въ семь мірѣ; а въ числѣ таковыхъ предметовъ находится бракъ; лучше сказать, онъ есть начало и корень суетныхъ попеченій.

Г л а в а 8.

О томъ, что и бракъ не подлежитъ осужденію.

Никто впрочемъ изъ сказаннаго нами не долженъ заключать, что мы отвергаемъ установленіе брака: ибо не безъизвѣстно намъ, что и онъ не лишень благословенія Божія. Но поелику въ защиту его достаточно говорить общая природа человѣческая, вложившая самопроизвольное стремленіе къ нему во всѣхъ, которые путемъ брака раждаютъ дѣтей, а дѣвство какъ бы противорѣчитъ природѣ: то излишенъ былъ бы трудъ писать совѣты и увѣщанія относительно брака, когда само удо-

вольствіе служить непреодолимымъ его защитникомъ. Нужна можетъ быть такая рѣчь о бракѣ для тѣхъ, которые искажаютъ догматы Церкви, которыхъ апостолъ именуеть *сожженными своею совѣстію* (1 Тим. 4, 2.), и именуеть справедливо: потому что, оставивъ водительство Святаго Духа, они, наученные демонами, на сердцахъ своихъ выжигаютъ нѣкоторыя язвы и знаки, гнушаясь твореніями Божиими какъ бы нечистыми, называя ихъ и влекущими ко злу и причиною зла и другими подобными именами. Но что *ми вѣршихъ судити*, говоритъ апостолъ (1 Кор. 5, 12.)? Ибо они по истинѣ находятся внѣ двора словесныхъ таинствъ; не во дворѣ Божіемъ, но въ загонѣ лукаваго обитають, *живи уловени въ свою его волю* (2 Тим. 2, 26.), какъ говоритъ апостолъ, и потому не понимаютъ, что, такъ какъ на всякую добродѣтель должно смотрѣть какъ на средину (между крайностями), то уклоненіе въ ту или другую отъ нея сторону есть порокъ. Ибо кто во всемъ наблюдаетъ средину между недостаткомъ и чрезмѣрностію, тотъ отличаетъ добродѣтель отъ порока. Но яснѣе можно представить понятіе объ этомъ самымъ дѣломъ: робость и дерзость — два противоположные порока, происходящіе одинъ отъ недостатка, другой отъ излишества самоувѣренности; въ срединѣ же ихъ заключается добродѣтель — мужество. Еще: человекъ благоче-

стивый не есть ни безбожникъ, ни суевѣръ: потому что равно нечестиво и то и другое,— и не признавать никакого Бога, и признавать многихъ боговъ. Хочешь ли и изъ другихъ (примѣровъ) узнать истину сего ученія? Избѣгнувшій скупости и расточительности чрезъ удаленіе отъ сихъ противоположныхъ страстей достигъ бережливости: ибо бережливость состоитъ въ томъ, чтобы безъ расчета не тратиться на неумѣренныя и бесполезныя издержки и не быть скупымъ на предметы необходимые. Такимъ образомъ и во всемъ прочемъ, (дабы намъ не изслѣдовать все порознь), разумъ поставляетъ добродѣтель въ срединѣ между двумя крайностями. Итакъ и цѣломудріе есть средина, и кто удалился отъ него на ту ли, другую ли сторону, очевидно уклоняется къ пороку; ибо кто по недостатку душевной твердости легко побѣждается страстію похоти и не вступилъ еще на путь добродѣтельной и воздержной жизни, тотъ впадаетъ въ безчестныя страсти; а кто переступаетъ границы того, что доступно цѣломудрію и отдалается отъ середины, — добродѣтели, въ другую сторону, тотъ, какъ въ какую стремнину, впадаетъ въ ученіе бѣсовское, сожигая свою совѣсть, какъ говоритъ апостоль. Ибо считая бракъ дѣломъ гнуснымъ, своими поношеніями брака клеймитъ самаго себя. Если *древо зло*, какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ Евангеліе (Матѣ. 7, 18.),

то и плодъ его конечно такой же,—достойный древа; а если произрастеніе и плодъ брачнаго древа есть человѣкъ; то, конечно, поношеніе брака падаетъ на того, кто произноситъ его.

Это служитъ обличеніемъ для тѣхъ, кои какъ бы язвами заклеили свою совѣсть нелѣпымъ ученіемъ. Мы же относительно брака думаемъ такъ, что должно предпочитать (оному) заботу и попеченіе о божественномъ, но и не презирать того, кто можетъ воздержно и умѣренно пользоваться учрежденіемъ брака. Таковъ былъ патриархъ Исаакъ; онъ не во цвѣтѣ лѣтъ, дабы бракъ не былъ дѣломъ страсти, но уже, по прошествіи юности, беретъ себѣ въ сожительство Ревекку для благословенія Божія въ сѣмени, и послуживъ браку до перваго дѣторожденія, опять всецѣло обратился къ невидимому, заключивъ тѣлесныя чувства: ибо на это, кажется, указываетъ исторія, когда повѣствуетъ о болѣзненности очей патриарха. Но объ этомъ пусть думаютъ какъ угодно умѣющіе понимать такого рода предметы яснѣе: мы же обратимся къ продолженію рѣчи. Итакъ, что же значить сказанное нами? То, что, если возможно, и не отступать отъ стремленія къ божественному, и не бѣжать отъ брака: ни на какомъ основаніи нельзя отвергать требованія природы и осуждать честное, какъ безчестное. Какъ въ приведенномъ нами примѣрѣ воды и источника, когда земледѣльцу, который про-

водить воду на какое нибудь поле для орошенія, бываетъ нужно провести небольшой потокъ въ срединѣ: то онъ допуститъ водѣ разлиться только въ такой мѣрѣ, какая требуется для удовлетворенія предстоящей нужды, такъ чтобы она могла опять легко соединиться со всею водою; если же откроетъ для воды безмѣрный и широкій потокъ: то будетъ угрожать опасность, что оставивъ прямой путь, вся она разольется, образуя рытвины по сторонамъ. Такимъ же точно образомъ (поелику для жизни необходимо и преемство рожденій), если кто такъ будетъ пользоваться супружествомъ, что предпочитая дѣла духовныя, естественное (вожделеніе) ограничить умѣренностію, по причинѣ краткости времени (1 Кор. 7, 29.): тотъ будетъ мудрымъ земледѣльцемъ, который, по заповѣди апостола (ст. 5.), не постоянно бываетъ занятъ исполненіемъ грубыхъ оныхъ обязанностей, но по согласію сохраняетъ чистоту души, для упражненія въ молитвѣ, опасаясь, чтобы пристрастившись къ нимъ, не сдѣлаться совершенно плотію и кровію, въ которыхъ не пребываетъ Духъ Божій. Если же кто такъ немощенъ, что не можетъ мужественно устоять противъ влеченія природы, тому гораздо лучше далѣе держать себя отъ таковыхъ предметовъ, нежели рѣшиться на подвигъ, превышающій его силы; ибо угрожаетъ немалая опасность, что увлекшись

испытаннымъ удовольствіемъ, онъ не будетъ ничего инаго почитать благомъ, кромѣ того, которое съ нѣкоторымъ наслажденіемъ получаетъ чрезъ тѣло, и отвративъ совершенно умъ свой отъ стремленія къ благамъ безтѣлеснымъ, весь сдѣлается плотскимъ, гоняясь постоянно за плотскими лишь наслажденіями, такъ что будетъ болѣе любить удовольствіе, нежели Бога. Итакъ, поелику по немощи природы не всякій можетъ соблюсти умѣренность въ такого рода вещахъ, а вышедшій изъ границъ умѣренности находится въ опасности погрязнуть, по псалмопѣвцу, *въ тилънии глубины* (Пс. 68, 3.): то весьма полезно было бы, какъ учить сіе слово, прожить не испытывая таковыхъ удовольствій, дабы подъ предлогомъ дозволеннаго, страсти не получили доступа къ душѣ.

Г л а в а 9.

О томъ, что во всемъ трудно перемѣнять привычку.

Во всемъ трудно побѣждать привычку: потому что она имѣетъ великую силу увлекать и порабощать себѣ душу и выставлять на видъ нѣкоторую хорошую сторону; отъ чего каждый привычкою пріобрѣтаетъ извѣстный нравъ и пристрастіе. Но по самой природѣ ничего не должно такъ остерегаться, какъ

того, чтобы совершаемаго по привычкѣ не счесть заслуживающимъ заботы и предпочтенія. Доказательствомъ сей мысли служить жизнь человѣческая: при такомъ множествѣ живущихъ народовъ, не у всѣхъ проявляются одинаковыя стремленія; но у разныхъ народовъ понятія о добромъ и честномъ различны и зависятъ отъ привычки, которая въ каждомъ производитъ къ чему нибудь стремленіе и расположеніе. И не между народами только можно замѣтить такое разногласіе, что однѣ и тѣ же занятія одними уважаются, а другими охуждаются; даже въ одномъ и томъ же народѣ, одномъ и томъ же городѣ и семействѣ можно видѣть великое различіе, происходящее отъ привычки каждаго. Такъ одновременно родившіеся на свѣтъ братья образомъ жизни далеко различаются другъ отъ друга. И это еще неудивительно: даже каждый порознь человѣкъ часто объ одномъ и томъ же предметѣ судить не одинаково, а какъ расположенъ бываетъ привычкою. И не говоря о томъ, что далеко отъ нашего предмета, мы знали многихъ, которые уже въ первой молодости были сильными любителями цѣломудрія; начало же порочной жизни положили тѣмъ, что приняли участіе въ удовольствіяхъ повидимому законныхъ и дозволенныхъ. Послѣ же того, какъ однажды испытали ихъ, по приведенному нами примѣру о ручьѣ, обративъ къ нимъ

всещло желательную силу души и отвративъ ея стремленіе отъ предметовъ божественныхъ къ предметамъ низкимъ и вещественнымъ, открыли въ себѣ широкое поле страстямъ, такъ что совершенно исчезло въ нихъ стремленіе къ горнему и иссохло желаніе онаго, все обратившись на страсти. Поэтому мы находимъ полезнымъ для болѣе немощныхъ, чтобы они прибѣгали къ дѣвству, какъ къ безопасной какой крѣпости, и не вызывали противъ себя искушеній, нисходя къ обычаю сей жизни; не привязывались къ тому, что противовоюеть закону ума нашего чрезъ плотскія страсти, и не волновались заботами о границахъ земель, о потерѣ денегъ, и о другомъ чемъ либо, о чемъ пекутся въ сей жизни, но заботились о превосходящей все надеждѣ. Ибо тому, кто разумомъ своимъ обратился къ этому міру и занимаетъ душу свою тѣмъ, чтобы угодить людямъ, невозможно быть исполнителемъ первой и великой заповѣди Господней, которая повелѣваетъ любить Бога *всѣмъ сердцемъ* и всею силою (Марк. 29, 30.). Ибо какъ можетъ любить Бога *всѣмъ сердцемъ* и силою тотъ, кто раздѣлилъ свое сердце между Богомъ и міромъ и нѣкоторымъ образомъ похищая любовь, одному Богу принадлежащую, иждиваетъ оную на человѣческія страсти? Ибо *не оженившийся печется о Господнихъ, а оженившийся печется о мірскихъ* (1 Кор. 7, 32. 33.). Хотя

и кажется трудною борьба противъ удовольствій, но не должно никому терять бодрости; ибо привычка не малую имѣеть силу къ тому, чтобы при помощи постоянства доставлять нѣкоторое удовольствіе даже въ предметахъ, кажущихся самыми трудными, и притомъ удовольствіе самое прекрасное и чистое, которымъ наслаждаться разумному существу прилично болѣе, нежели, малодушно увлекаясь низкимъ, удаляться отъ того, что по истинѣ велико и превосходить всякій умъ.

Г л а в а 10.

Въ чемъ состоитъ истинно-вождедѣнное благо?

Ибо какое слово можетъ представить, сколь велика потеря лишиться обладанія истиннымъ благомъ? Какимъ бы превосходнымъ умомъ ни владѣлъ кто, будетъ ли онъ въ силахъ изъяснить и описать то, что невыразимо для слова и непостижимо для ума? Потому что, если кто на столько очистилъ душевное око, что нѣкоторымъ образомъ можетъ созерцать обѣщанное намъ Господомъ блаженство: тотъ презреть всякій голосъ человѣческой, какъ неимѣющей никакой силы для выраженія умопостигаемаго. Если же кто, будучи обуреваемъ страстями, страстнымъ вождедѣніемъ, какъ бы грязью

какою ослѣпилъ душевное зрѣніе, для того всякая сила словъ напрасна; потому что для не имѣющихъ чувствъ все равно, будетъ ли слово твое умалять или превозносить достойное удивленія. Какъ относительно солнечныхъ лучей, кто не видѣлъ свѣта отъ перваго дня рожденія, для того напрасно и бесполезно толковать на словахъ о свѣтѣ; потому что сіяніе лучей нельзя ощутить посредствомъ слуха: такъ и касательно истиннаго и умнаго свѣта, каждый долженъ имѣть свои глаза, чтобы усмотрѣть оную красоту; кто узрѣлъ ее, по нѣкому божественному дару и вдохновенію, тотъ хранитъ неизъяснимое изумленіе въ тайнѣ сознанія; а кто не видѣлъ оной, тотъ не будетъ чувствовать и того лишенія, которое терпитъ. Ибо какъ можетъ кто изъяснить ему сіе чуждое для него благо? Какъ представить его взорамъ невыразимое? Собственныхъ словъ для означенія красоты его мы не знаемъ; примѣра искомому благу между существующими предметами нѣтъ никакого; сравненіемъ изъяснить оное невозможно. Кто станетъ уподоблять солнце малой искрѣ? Или малую каплю—сравнивать съ безпредѣльнымъ океаномъ? Ибо, какое имѣетъ отношеніе малая капля къ океану, или малая искра къ великимъ лучамъ солнца: такое же и все, считаемое достойнымъ удивленія у людей, какъ прекрасное, имѣетъ отношеніе къ оной красотѣ, которая

усматривается въ высочайшемъ благѣ, превысшемъ всякаго блага. Итакъ, какая сила ума можетъ изъяснить великость сего лишенія тому, кто терпитъ оное? Мнѣ кажется, сію невозможность хорошо объяснилъ великій Давидъ: онъ нѣкогда силою Духа вознесшись умомъ и бывъ какъ бы внѣ себя, видѣлъ оную невыразимую и непостижимую красоту въ блаженномъ изступленіи, и видѣлъ на столько, конечно, на сколько возможно видѣть человѣку, когда онъ отрѣшится отъ покрововъ плоти и однимъ разумомъ войдетъ въ созерцаніе безтѣлеснаго и умопостигаемаго; когда же захотѣлъ сказать нѣчто достойное видѣннаго имъ, произнесъ всѣмъ извѣстныя оныя слова: *всякъ человекъ ложь* (Пс. 115, 2.). Это значитъ тоже, что и я говорю, — что всякій человѣкъ, позволяющій себѣ объяснять словами этотъ неизреченный свѣтъ, подлинно есть лжеецъ: не потому, чтобы ненавидѣлъ (истину), но потому, что не въ состояніи изъяснить умопостигаемое. Ибо чувственную красоту, которая находится здѣсь въ нашемъ мірѣ, такъ какъ она въ веществахъ ли то бездушныхъ, или въ тѣлахъ одушевленныхъ, изображается нѣкоторыми красивыми цвѣтами, мы силою чувствъ нашихъ самихъ по себѣ можемъ и рассмотреть, и понять, и передать другому чрезъ словесное описаніе, изображая словомъ сію красоту какъ бы на какой картинѣ. Но

какъ слово можетъ изобразить предъ нашими взорами то, первообразная красота чего недоступна уразумѣнію, что описать оно не имѣетъ никакой возможности, ибо не можетъ сказать ни о цвѣтѣ, ни о формѣ, ни о величинѣ, ни о внѣшнемъ благообразіи, ни о другихъ такого рода мелочахъ? Ибо что вполне невидимо, безформенно, чуждо всякой количественности и далеко поставлено отъ всего, что усматривается въ тѣлѣ и чувствахъ, то, какъ можно передать посредствомъ того, что постигается одними только чувствами? Впрочемъ не должно отказываться отъ стремленія къ сему благу на основаніи того, что оно выше нашего разумѣнія: напротивъ чѣмъ выше искомый предметъ представляется намъ, тѣмъ болѣе мы должны возноситься умомъ и возвышаться вмѣстѣ съ величіемъ искомага, дабы совершенно не лишиться участія въ семъ благѣ. Ибо не мало должно опасаться, чтобы по причинѣ великой высоты и неизреченности предмета, не потерять совершенно понятія о немъ, какъ скоро въ своемъ разумѣніи не станемъ опираться на что либо доступное нашему познанію. Итакъ ради сей самой немощи, къ невидимому должны руководить нашъ умъ предметы, чувствами познаваемые. Разсудимъ же объ этомъ такимъ образомъ.

ГЛАВА 11.

Какъ должно поступать въ сужденіи объ истинной красотѣ?

Смотрящіе на предметы поверхностно, безъ вниманія, когда видятъ человѣка, или другое, какое случится, явленіе, ничего болѣе въ немъ не изслѣдуютъ, какъ только то, что видятъ; для нихъ достаточно увидѣть объемъ тѣла, чтобы подумать, что они составили полное понятіе о человѣкѣ: человѣкъ же, одаренный умомъ проникательнымъ и образованный, не ввѣряетъ разсматриваніе предметовъ одному чувству зрѣнія, не останавливается на одномъ только видимомъ, и невидимаго не почитаетъ не существующимъ, но наблюдаетъ какъ природу души, такъ и природныя качества тѣла, и разсматриваетъ ихъ какъ вообще, такъ и каждое отдѣльно; потомъ каждое изъ нихъ отличаетъ отъ другаго особымъ понятіемъ, и снова смотритъ на общій ихъ строй и соединеніе въ составѣ предмета. Такъ и при изслѣдованіи красоты, несовершенный по уму, какъ скоро увидитъ какой нибудь предметъ, имѣющій видъ нѣкоторой красоты, то самое (въ немъ) сочтетъ прекраснымъ по своей природѣ, что привлекаетъ удовольствіемъ его чувство; больше сего не старается ничего изслѣдовать: а кто имѣетъ чистое око души и можетъ со-

зерцать такого рода предметы, тотъ оставивъ восхищаться веществомъ, подчиненнымъ идеѣ красоты, пользуется видимымъ, какъ нѣкото-рою ступеню къ умосозерцанію красоты разумной, по общенію съ коею и все прочее есть и называется прекраснымъ. Но при такой грубости ума, составляющей принадлежность большей части людей, мнѣ кажется труднымъ дѣломъ, чтобы тѣ, кои въ своихъ понятіяхъ отдѣляютъ и разъединяютъ вещество отъ созерцаемой при немъ красоты, могли понять сущность прекраснаго самаго по себѣ; и если кто захочетъ внимательно изслѣдовать причину превратныхъ и ложныхъ представленій, то, мнѣ кажется, не найдетъ никакой другой, кромѣ той, что чувства души нашей не обучены тщательно различать, что добро и что не таково. Посему уклонившіеся отъ стремленія къ истинному благу люди, одни ниспали въ любовь плотскую, другіе увлеклись страстію къ бездушному веществу денегъ; иные поставили для себя благо въ чести, славѣ и господствѣ; нѣкоторые страстно предались искусствамъ и наукамъ; а болѣе грубые, цѣнителями прекраснаго сдѣлали гортань и чрево. Отрѣшившіеся же отъ грубыхъ понятій и пристрастія къ предметамъ видимымъ взыскали простое, невещественное и не имѣющее вида естество красоты; они не обманулись въ избраніи вожелѣннаго блага, и не увлеклись

прелестію подобнаго рода (предметовъ) на столько, чтобы видя кратковременность заключающагося въ нихъ удовольствія, не придти къ презрѣнію оныхъ. Итакъ вотъ путь, ведущій насъ къ обрѣтенію истинно прекраснаго: все прочее, что влечетъ къ себѣ расположеніе людей, что считается прекраснымъ, а потому удостоивается заботы и вниманія, презирать, какъ низкое и кратковременное, и ни на что таковое не тратить своей желательной силы; но и не оставлять оной въ праздности и неподвижности, заключивъ ее въ самихъ себѣ; а очистивъ отъ пристрастія къ предметамъ низкимъ, возводитъ туда, куда не досягаетъ чувство; такъ чтобы ни красота неба, ни сіяніе свѣтилъ, ни другое что изъ видимыхъ красотъ не приводило насъ въ удивленіе: но чтобы созерцаемая во всѣхъ сихъ предметахъ красота руководила насъ къ желанію той красоты, которой славу повѣдаютъ небеса, и вѣдѣніе о которой возвѣщаетъ твердь и все твореніе (Пс. 18, 2.). Когда душа возвысится до такой высоты, и все ею понимаемое оставитъ позади себя, какъ низшее искомаго предмета: тогда достигнетъ уразумѣнія того величія, которое превознесено превыше небесъ. Но какъ можетъ взойти на такую высоту тотъ, чьи заботы обращены къ предметамъ низкимъ? Какъ можетъ возлетѣть на небо тотъ, кто не окрылилъ себя небес-

ными крыльями и посредствомъ высокой жизни не сдѣлался легкимъ и способнымъ подняться къверху? Кто такъ чуждъ таинствъ евангельскихъ, что не знаетъ, что одна есть колесница для подъятія души человѣческой на небо, — уподобиться видомъ летающей голубицѣ, которой крыльевъ возжелалъ себѣ пророкъ Давидъ (Пс. 54, 6.). Симъ яносказаніемъ Писаніе, обыкновенно, именуеъ силу Духа, потому ли, что птица сія не имѣетъ злобы, или потому, что она гнушается зловонія, какъ говорятъ наблюдатели. Итакъ кто отдалился отъ всякой гнѣвливости и зловонія плотской нечистоты и возвысился надъ всѣми низкими и земными предметами, или лучше, вышеуказанными крыльями возлетѣлъ выше всего міра; тотъ найдетъ то, что единственно достойно желанія, сдѣлается и самъ прекраснымъ, приблизившись къ красотѣ, и пребывая въ оной, станетъ чистымъ и свѣтовиднымъ по общенію съ истиннымъ свѣтомъ. Такъ замѣчаемая часто ночью вспышки свѣта въ воздухѣ, которыя нѣкоторые называютъ падающими звѣздами, по словамъ занимающихся изслѣдованіемъ такого рода предметовъ, суть не что иное, какъ паръ силою воздуха поднятый и разлитый въ эфирномъ пространствѣ: ибо, говорятъ, огненная оная полоса отображается на небѣ отъ воспламененнаго въ эфирѣ воздуха. Итакъ, какъ этотъ земной паръ, силою

воздуха поднятый въ высоту, дѣлается свѣтовиднымъ, измѣняясь въ чистоту ээира: такъ и умъ человѣческой, оставивъ сію нечистую и грязную жизнь, когда очистившись силою Духа, сдѣлается свѣтовиднымъ и соединится съ истинною и высочайшею чистотою, и самъ нѣкоторымъ образомъ является въ оной, проникается лучами и дѣлается свѣтомъ, по общанію Господа, который общалъ, что праведники возсіяютъ подобно солнцу (Матѣ. 13, 45.). И это, мы видимъ, бываетъ и на землѣ въ зеркалѣ, водѣ и во всемъ, что по своей прозрачности способно къ отраженію. Когда какойнибудь изъ таковыхъ предметовъ принимаетъ лучъ солнца, отражаетъ другой лучъ отъ себя; но сего отраженія не произойдетъ, если чистая и свѣтлая поверхность онаго будетъ покрыта какоюнибудь нечистотою. Итакъ или мы, оставивъ сію земную тму, вознесемъ горѣ, и тамъ сдѣлаемся свѣтовидными, соединившись съ истиннымъ свѣтомъ Христовымъ, или сей истинный свѣтъ, и во тмѣ сіяющій, снизойдетъ и къ намъ,—и мы будемъ свѣтомъ, какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ Господь ученикамъ (Матѣ. 5, 14.), если только какаянибудь нечистота порока, приставъ къ душѣ, не помрачитъ красоту нашего свѣта.

Итакъ, рѣчь сія примѣрами можетъ быть мало по малу привела насъ къ мысли объ измѣненіи къ лучшему и показала, что душа не

иначе можетъ соединиться съ нетлѣннымъ Богомъ, какъ содѣлавшись и сама сколько возможно чистою чрезъ цѣломудріе, чтобы подобнымъ воспріять подобное, ставъ какъ бы зеркаломъ для чистоты Божіей, такъ чтобы, чрезъ участіе въ первообразной красотѣ и чрезъ отраженіе ея, и самой получить ея видъ. Если же кто достигъ до того, что сзумѣлъ оставить все человѣческое: рабовъ ли, деньги ли, или занятія науками и искусствами, и все прочее, что по обычаямъ и законамъ считается прекраснымъ (поелику погрѣшность въ понятіи о прекрасномъ бываетъ относительно тѣхъ предметовъ, въ основу сужденія о которыхъ полагается чувство): тотъ будетъ съ любовію и желаніемъ стремиться къ тому только одному, что не заимствуетъ своей красоты отъ инуды, что не временно и относительно, но прекрасно отъ себя и чрезъ себя и имѣетъ само въ себѣ красоту не такую, которая когда-то не была красотою или не будетъ ею, но всегда себѣ равную, выше приращенія и умноженія, и недоступную никакой перемѣнѣ и измѣненію. И такъ кто всѣ свои душевныя силы очистилъ отъ всякаго вида зла, для того, смѣлю говорю, становится ясною единое по естеству прекрасное, которое есть причина всякой красоты и блага. Ибо какъ чистый отъ гноя глазъ ясно видитъ все, что находится на небѣ; такъ в душа чрезъ нерастлѣніе получаетъ способъ

ность созерцать оный свѣтъ: и истинное дѣвство и стремленіе къ нерастлѣнности ведутъ къ той цѣли, чтобы при помощи ихъ можно было видѣть Бога. Ибо нѣтъ такого слѣпца по уму, который бы самъ собою не понималъ, что главная, первая и единственная красота и благо и чистота есть Богъ всего. Но это, вѣроятно, не безъизвѣстно каждому; а надобно поискать, чтобы кто либо открылъ намъ, если то возможно, нѣкоторый способъ и путь, руководящій насъ къ Нему. Сего рода наставленіями полны божественныя книги; многіе изъ святыхъ представляютъ жизнь свою, какъ нѣкій свѣтильникъ, идущимъ по Богѣ. Изъ богодухновеннаго Писанія обоихъ завѣтовъ каждый можетъ извлечь въ обиліи правила, относящіяся къ настоящему предмету: ибо многое можно обильно почерпнуть изъ пророковъ и закона, многое также изъ Евангелій и апостольскихъ преданій; а что мы, слѣдуя словамъ божественнымъ, придумали, состоитъ въ слѣдующемъ.

Г л а в а 12.

О томъ, что страсти въ человѣкѣ не отъ начала и невродены ему по природѣ, но происходятъ отъ его свободной воли.

Словесное сіе и разумное животное,—человѣкъ есть дѣло и подобіе Божескаго и чистаго

естества: ибо въ повѣствованіи о твореніи, объ немъ написано такъ: *по образу Божию сотвори его* (Быт. 1, 27.). И такъ въ этомъ животномъ,—человѣкѣ, страстность и поврежденность не по природѣ и не соединена съ его существомъ первоначально: потому что невозможно было бы сказать о немъ, что онъ созданъ по образу (Божию), если бы отображенная красота была противоположна красотѣ первообразной. Но страсть привзошла въ него въ послѣдствіи послѣ сотворенія, и вошла такимъ образомъ: онъ былъ образомъ и подобіемъ, какъ сказано, Силы, царствующей надъ всѣмъ существующимъ, а потому и въ своей свободной волѣ имѣлъ подобіе съ свободно властвующимъ надъ всѣмъ, не подчиняясь никакой внѣшней необходимости, но самъ по своему собственному усмотрѣнію дѣйствуя, какъ кажется ему лучше и произвольно избирая, что ему угодно; (поему и) то несчастіе, которое терпитъ теперь человѣчество, навлекъ онъ самъ по своей волѣ, увлекшись лестію, самъ сталъ виновникомъ сего зла, а не у Бога обрѣлъ оное: ибо Богъ не сотворилъ смерти, но нѣкоторымъ образомъ творцемъ и создателемъ зла содѣлался самъ человѣкъ. Солнечный свѣтъ хотя доступенъ для всѣхъ, кто имѣетъ способность видѣть: однако жъ, если кто захочетъ, можетъ, закрывъ глаза, не ощущать его, не потому чтобы солнце куда

нибудь удалялось и такимъ образомъ наводило тму: но потому что человѣкъ закрывъ свои вѣки, заградилъ глазу доступъ лучей; ибо такъ какъ зрительная сила, по закрытіи глазъ, не можетъ быть бездѣйственной, то необходимо, что дѣйствіе зрѣнія будетъ дѣйствіемъ, производящимъ тму въ человѣкѣ, въ слѣдствіе его добровольнаго ослѣпленія. Какъ тотъ, кто, строя себѣ домъ, не сдѣлалъ окна для входа въ оный свѣта отъ внѣ, по необходимости будетъ жить во тмѣ, заградивъ добровольно доступъ лучамъ свѣта; такъ и первый человѣкъ на землѣ, или лучше, тотъ, кто породилъ зло въ человѣкѣ, имѣлъ во власти повсюду окружающее его доброе и благое по природѣ; но самъ по себѣ добровольно измыслилъ противное природѣ, положивъ первый опытъ зла самопроизвольнымъ удаленіемъ отъ добродѣтели; ибо зла, независящаго отъ воли, имѣющаго свое самостоятельное бытіе, во всей природѣ существъ нѣтъ никакого: *всякое созданіе Божіе добро и ничтоже отлетно* (1 Тим. 4, 4.); *вся, елика сотвори Богъ, добра злы* (Быт. 1, 31.). Но когда указаннымъ путемъ на погибель вошла въ жизнь человѣческую привычка ко грѣху и отъ малаго начала приестекло необъятное зло въ человѣкѣ, и боговидная она красота души, созданная по подобію первообразной, какъ какое желѣзо, покрылась ржавчиною грѣха; тогда уже не могла болѣе сохраниться въ

цѣлости красота принадлежащаго душѣ по природѣ образа, но измѣнилась въ гнусный видъ грѣха. Такимъ образомъ человѣкъ, это великое и драгоцѣнное созданіе, какъ названъ онъ въ Писаніи, лишившись собственнаго достоинства, подобно тѣмъ, которые по неосторожности попавъ въ тину и загрязнивъ лице свое, не узнаются даже знакомыми,—упавъ въ тину грѣха, потерялъ образъ нетлѣннаго Бога и чрезъ грѣхъ облекся въ образъ тлѣнный и перстный, который Писаніе совѣтуетъ отложить, омывшись чистою жизнію, какъ бы какою водою (1 Кор. 15, 49.), чтобы, по отгятіи земной оболочки, опять возсіяла красота души. Сложить же чуждое значитъ опять возвратиться къ свойственному ему и естественному состоянію, чего не иначе можно достигнуть какъ содѣлавшись опять таковымъ, каковымъ былъ сотворенъ въ началѣ. Ибо не наше дѣло и не силою человѣческою достигается подобіе Божеству, но оно есть великій даръ Бога, который вмѣстѣ съ первымъ рожденіемъ тотчасъ же даетъ естеству нашему свое подобіе; человѣческому труду предстоитъ только очистить наросшую отъ грѣха нечистоту и извести на свѣтъ сокрытую въ душѣ красоту. Сему, думаю, учитъ и Господь въ Евангеліи, когда могущимъ понимать мудрость, глаголемую въ тайнѣ, говорить, что *царствіе Божіе внутри васъ есть* (Лук. 17, 21.): ибо, думаю,

сіе изреченіе показываетъ, что благо Божіе нераздѣльно отъ нашего естества и не далеко гдѣ нибудь отстоитъ отъ тѣхъ, которые желаютъ искать оное: но есть въ каждомъ, невѣдомое и сокрытое, когда бываетъ заглушено заботами и удовольствіями жизни, и опять обрѣтаемое, коль скоро обратимъ къ нему свой разумъ. А если нужно подтвердить сіе ученіе и другими мѣстами, то, я думаю, тоже даетъ видѣть намъ Господь и въ исканіи потерянной драхмы (Лук. 15, 8—10.). Такъ какъ нѣтъ никакой пользы отъ прочихъ добродѣтелей (которыя Писаніе именуетъ драхмами), хотя бы онѣ и всѣ были, коль скоро душа сиротствуетъ, лишившись той одной; то по сему Онъ во-первыхъ повелѣваетъ зажечь свѣтильникъ съ елеемъ, которымъ вѣроятно обозначаетъ слово (Божіе), освѣщающее сокровенное; за тѣмъ въ собственномъ домѣ, то есть, въ самой себѣ искать потерянную драхму. Сею искомою драхмою конечно означается образъ царя, не совсѣмъ еще потерянный, но скрытый подъ грязью; подъ грязью же, думаю, должно разумѣть плотскую нечистоту, когда сія грязь выметется и вычистится тщательнымъ образомъ жизни, искомое станетъ виднымъ и душѣ, нашедшей оное, по истинѣ должно радоваться и приглашать къ общенію въ сеі радости сосѣдей. Ибо подлинно, какъ скоро откроется и возсіяетъ оный образъ

великаго Царя, Который отъ начала напечатлѣлъ на драхмѣ нашей Тотъ, Кто образовалъ всѣ сердца наши, всѣ сожительствоющія въ душѣ силы, которыя Писаніе именуетъ сосѣдями, обратятся къ оной божественной радости и веселію, пристально взирая на неизреченную красоту найденнаго; *радуйтесь*, говоритъ, *со мною, яко обрѣтохъ драхму погибшую* (ст. 9.). Сосѣди или сожители души, — это ея силы, радующіяся обрѣтенію божественной драхмы; способности мыслительная, желательная, свойственное душѣ расположеніе къ печали и гнѣву и всѣ другія силы, какія усматриваются въ ней, по справедливости называются другинями, которымъ всѣмъ должно радоваться о Господѣ, какъ скоро всѣ онѣ обращаются къ прекрасному и благому и во всемъ дѣйствуютъ во славу Божию, переставъ быть орудіями грѣха.

Итакъ, если смыслъ обрѣтенія искомаго есть возстановленіе въ первобытное состояніе божественнаго образа, который теперь сокрытъ въ плотской нечистотѣ; то мы должны быть тѣмъ, чѣмъ былъ первозданный человекъ въ началѣ своей жизни. Чѣмъ же онъ былъ? Онъ былъ нагъ отъ одѣянія мертвыми кожами, дерзновенно взирая на лице Божіе, еще не поставляя судьбою красоты зрѣніе и вкусъ, но наслаждаясь только Господомъ и при томъ въ согласіи съ данною ему на сіе по-

мощницею, какъ даетъ то разумѣть божественное Писаніе, потому что не прежде позналъ ее, какъ былъ изгнанъ изъ рая и она осуждена была на болѣзни дѣторожденія за грѣхъ, который сотворила, увлекшись лестію (Быт. 4, 1.). И такъ, какимъ путемъ мы оказались внѣ рая, будучи изгнаны въ лицѣ прародителя: такимъ же и теперь можемъ опять, если пойдѣмъ, возвратиться въ первобытное блаженство. Какой же это путь? Удовольствіе, внушенное лестію, было началомъ паденія; потомъ за страстію удовольствія послѣдовали стыдъ и страхъ и то, что они уже не смѣютъ явиться предъ взоры Создателя, но скрываются въ листьяхъ и тѣни; послѣ сего облакаются мертвыми кожами, и такимъ образомъ посылаются для жительства въ это полное болѣзней и трудовъ мѣсто, гдѣ бракъ избрѣтенъ какъ утѣшеніе для смертныхъ. И такъ, если мы хотимъ здѣсь разрѣшиться и быть со Христомъ, то должны начать свое отрѣшеніе съ брака. Какъ страствующіе вдали отъ своего отечества, когда возвращаются туда, откуда отправились, сперва оставляютъ то мѣсто, на которомъ послѣднемъ случилось имъ быть на пути: такъ и тѣмъ, которые возвращаются ко Христу, сіе слово совѣтуетъ оставить прежде всего, какъ бы послѣдній какой ночлегъ, бракъ, поелику онъ оказывается послѣднимъ предѣломъ нашего удаленія отъ райской жизни; потомъ удалиться

отъ тяжкой заботы о земномъ, на которую осужденъ человекъ послѣ грѣхопаденія; за тѣмъ — сбросить покровы плоти, совлечься кожаныхъ одеждъ, то есть мудрованія плоти, и отрекшись отъ всѣхъ сокровенныхъ постыдныхъ дѣлъ, не укрываться уже болѣе подъ тѣнію смоковницы, то есть горестной жизни, но отбросивъ покровы, сдѣланные изъ скоропреходящихъ листьевъ сей временной жизни, опять предстать предъ очи Создателя; удаляться отъ обманчивыхъ удовольствій вкуса и зрѣнія; держаться совѣтовъ уже не ядовитаго змія, но одной только заповѣди Божіей. А она состоитъ въ томъ, чтобы стремиться къ одному добру и удаляться отъ вкушенія зла; такъ какъ все дальнѣйшее зло получило у насъ начало отъ того, что мы не захотѣли оставаться въ невѣдѣніи зла. Посему-то и повелѣно было прародителямъ не приобрѣтать познанія ни о добрѣ, ни о томъ, что противоположно ему, но удаляясь отъ познанія какъ добра, такъ и зла, наслаждаться чистымъ, несмѣшаннымъ и непричастнымъ злу благомъ. А это благо, говорю я, состоитъ не въ иномъ чемъ, какъ въ пребываніи только съ Богомъ, дабы наслаждаться симъ постоянно и непрестанно, не примѣшивая къ сему наслажденію ничего, влекущаго къ противоположному. И если позволено будетъ сказать дерзновенно, можетъ быть, такимъ образомъ кто либо будетъ вослищенъ

отъ сего міра, который во злѣ лежитъ, въ рай, гдѣ восхищенный Павелъ слышалъ и видѣлъ неизреченное и незримое, о чемъ *нелѣтъ* есть человеку *малолати* (2 Кор. 12, 4.).

ГЛАВА 13.

О томъ, что дѣвство выше владычества смерти.

Но поелику рай есть жилище живыхъ и не принимаетъ мертвыхъ грѣхомъ, мы же плотяны и смертны и проданы *подъ грѣхъ* (Рим. 7, 14.): то какъ можетъ быть въ странѣ живыхъ тотъ, кто находится подъ владычествомъ смерти? Какой путь и способъ можно придумать, чтобы освободиться отъ сего владычества? Евангельское ученіе и для этого предлагаетъ вполне достаточное руководство. Мы слышали слова Господа къ Никодиму, что *рожденное отъ плоти плоть есть: а рожденное отъ духа духъ есть* (Іоан. 3, 6.); знаемъ также, что плоть подпала за грѣхъ смерти, Духъ же Божій негнѣнъ, животворящъ и безсмертенъ. Посему, какъ съ роженіемъ по плоти непременно раждается вмѣстѣ и сила, разрушающая раждаемое: такъ очевидно и Духъ рожденнымъ отъ Него влагаетъ животворящую силу. Итакъ, что же вытекаетъ изъ сказаннаго нами? Чтобы мы, отложивъ плотскую жизнь, за которую

непремѣнно слѣдуетъ смерть, стремились къ такой жизни, которая не влечетъ за собою смерти: а такая жизнь заключается въ дѣвствѣ. Истина сего будетъ яснѣе, если мы присовокупимъ немногое. Кто не знаетъ, что дѣло плотскаго сочетанія есть устроеніе смертныхъ тѣлъ, отъ духовнаго же общенія, вмѣсто чады, раждается для сочетавающихся жизнь и безсмертіе? И справедливо примѣнить къ сему апостольское изреченіе, что спасается *чадо-родія ради* (1 Тим. 2, 25.) мать, веселящаяся о таковыхъ чадахъ, какъ въ божественныхъ псалмахъ возгласилъ псалмопѣвецъ, говоря: *вселяя неплодовъ въ дождь, мать о чадяхъ веселящуся* (Пс. 112, 9.). Ибо по истинѣ веселится, какъ мать, дѣва мать, Духомъ породившая безсмертныхъ чадъ, названная у пророка неплодною по причинѣ цѣломудрія. Посему такую жизнь, какъ высшую владычества смерти, должны предпочитать разумные; ибо плотское дѣторожденіе (никто да не оскорбится сими словами) бываетъ причиною не столько жизни, сколько смерти, поелику отъ рожденія получаетъ начало тлѣніе; положившіе оному конецъ чрезъ дѣвство поставили въ себѣ предѣлъ смерти, воспретивъ ей чрезъ себя идти далѣе, и представивъ собою какъ бы нѣкую границу между жизнью и смертію, удержали послѣднюю отъ дальнѣйшаго стремленія. Итакъ если смерть не можетъ перейти

чрезъ дѣвство, но въ немъ исчезаетъ и пре-
 кращается; то ясно видно, что дѣвство сильнѣе
 смерти; почему справедливо именуется нерас-
 тлѣннымъ тѣло, не поработившееся сопряженію
 тлѣнной жизни и не допустившее себя стать
 орудіемъ къ продолженію смертнаго потомства,
 такъ какъ въ немъ прервалась постоянная
 послѣдовательность тлѣнія и смерти, которая
 непрерывно продолжалась отъ прародителя до
 жизни дѣвственника. Ибо невозможно было
 смерти когда либо прекратить свое дѣйствіе, по-
 ка чрезъ бракъ происходило рожденіе людей: но
 сопровождая всѣ предшествовавшія поколѣнія,
 и всегда вступая вмѣстѣ съ являющимися въ
 жизнь, обрѣла она въ дѣвствѣ предѣлъ своему
 дѣйствію, далѣе коего идти ей невозможно.
 Ибо какъ въ Богородицѣ Маріѣ, царствовав-
 шая отъ Адама до нея смерть, когда присту-
 пила и къ ней, то приразившись къ плоду
 дѣвства, какъ бы къ какому камню, сокруши-
 лась о нее: такъ и во всякой душѣ, ведущей
 дѣвственную жизнь во плоти, держава смерти
 какъ бы сокрушается и разрушается, не на-
 ходя во что воззвать свое жало. Ибо и огонь,
 если не подкладывать дровъ, соломы, сѣна,
 или чего другаго изъ сгораемыхъ веществъ,
 не можетъ являть своей природной силы: такъ
 и сила смерти не можетъ дѣйствовать, если
 бракъ не подложитъ ему вещества, не приго-
 товитъ существъ, которыя должны подверг-

нуться смерти, какъ бы какіе осужденные. Если сомнѣваешься, посмотри на всѣ виды несчастій, какія приключаются людямъ отъ смерти, какъ уже было сказано въ началѣ слова: откуда получаютъ онѣ начало? Скорбь о вдовствѣ, сиротствѣ, или несчастіе потери дѣтей могли ли быть, если бы не было предѣтъ брака? Ибо желанныя утѣхи, радости и удовольствія и все, что почитается вождѣльнымъ въ супружествѣ, оканчивается таковыми скорбями. Какъ у меча рукоять бываетъ гладка, пріятна для осязанія и держанія, блестяща и приспособлена къ рукѣ, все же прочее есть желѣзо, орудіе смерти, страшное на видъ и еще болѣе страшное, когда употребляется въ дѣло: такъ нѣчто подобное сему есть и бракъ; какъ нѣкую художественно выточенную красивую рукоять, онъ представляетъ для чувственнаго ощущенія наружный видъ и блескъ удовольствія; но какъ скоро эта рукоять окажется въ рукахъ прикоснувшегося къ ней, она влечетъ за собою и соединенныя съ нею скорби, и бракъ дѣлается виновникомъ плача и несчастій для людей. Онъ производитъ сіе жалостное и достойное слезъ зрѣлище: дѣтей въ раннемъ возрастѣ осиротѣвшихъ и преданныхъ въ добычу сильнымъ людямъ,— дѣтей, которые часто смѣются своему несчастію, не понимая его зла. А какая другая причина вдовства, какъ не бракъ?

Итакъ, уклоненіе отъ онаго разомъ освобождаетъ отъ всѣхъ подобнаго рода бѣдствій. И это справедливо: ибо какъ скоро осужденіе, опредѣленное въ началѣ согрѣшившимъ, уничтожается; скорби матерей, какъ писано, болѣе не умножаются (Быт. 3, 16.) и болѣзнь не предшествуетъ человѣческому рожденію; то вмѣстѣ съ симъ конечно уничтожаются и несчастія жизни и отнимается слеза отъ лица, какъ говоритъ пророкъ (Иса. 25, 8.). Ибо тогда не въ беззаконіяхъ бываетъ зачатіе и не во грѣхахъ рожденіе, и не отъ крови, ни отъ хотѣнія плоти, ни отъ хотѣнія мужа, но отъ одной воли Божіей происходитъ сіе рожденіе. А происходитъ оно тогда, когда кто живымъ сердцемъ воспринимаетъ нетлѣніе Духа; раждаетъ же онъ мудрость, правду, освященіе, равно какъ и избавленіе; ибо каждому можно быть матерію Того, Кто есть все это, какъ говоритъ нѣгдѣ Господь: *творящій волю Мою—и братъ, и сестра и мати Ми есть* (Мате. 12, 49.). Какое имѣетъ мѣсто при такого рода рожденіяхъ смерть? Такъ смерть поглощена въ нихъ жизнию! И мнѣ кажется, что дѣвственная жизнь есть нѣкоторый образъ блаженной жизни въ будущемъ вѣкѣ, заключая въ себѣ много признаковъ тѣхъ благъ, которыя, какъ надѣмся, отложены намъ. Истину сказаннаго можно видѣть, если изслѣдуемъ оное подробнѣе. Во-первыхъ умершій совер-

шенно грѣху, живетъ только уже для Бога и не приноситъ болѣе плодовъ смерти; но, полагая, сколь возможно, конецъ плотской жизни, ожидаетъ за тѣмъ блаженной награды и явленія великаго Бога, не поставляя чрезъ произведеніе посредствующихъ поколѣній никакого промежутка между собою и пришествіемъ Божіимъ. Потомъ, въ настоящей жизни онъ пользуется превосходнѣйшимъ изъ благъ по воскресеніи; ибо если праведнымъ послѣ воскресенія обѣщана Господомъ жизнь равноангельная, а ангельскому естеству свойственно безбрачіе: то обѣщанныя блага уже получить тотъ, кто пріобщается свѣтлостямъ святыхъ и непорочною жизнію подражаетъ чистотѣ безплотныхъ. Итакъ, если дѣвство доставляетъ намъ такія и столь великія блага, то какое слово можетъ достойно восхвалить таковой даръ? Какое изъ прочихъ душевныхъ благъ окажется столь великимъ и драгоцѣннымъ, чтобы могло сравниться съ симъ совершенствомъ?

Г л а в а 14.

О томъ, что истинное дѣвство усматривается во всякомъ образѣ жизни.

Но если мы понимаемъ превосходство сего дара, то нужно также знать и послѣдствіе

онаго: потому что дѣвство есть не простое дѣло, какъ можетъ быть кто нибудь думаетъ, и не къ одному только тѣлу относится, но мысленно простирается и проникаетъ во всѣ, признаваемыя правильными, дѣйствія души. Ибо, прилѣпившаяся посредствомъ дѣвства къ истинному Жениху душа не только будетъ удаляться отъ плотскихъ нечистотъ, но положивъ отсюда начало своей чи стотѣ, во всемъ поступаетъ также съ одинаковою непоколебимостію, боясь, чтобы склонившись сердцемъ къ чему либо сверхъ должнаго, чрезъ общеніе съ какимъ либо зломъ, не допустить въ сію часть души какой нибудь прелюбодѣйной страсти. Возвращаюсь опять къ сказанному мною прежде. Душа, прилѣпившаяся къ Господу, чтобы быть съ Нимъ единымъ духомъ, заключивъ какъ бы нѣкоторый договоръ совмѣстной жизни, — Его одного любить всѣмъ сердцемъ и душою, не будетъ уже прилѣпляться къ блуду, чтобы не быть однимъ съ нимъ тѣломъ; также не допустить ничего другаго, что противно спасенію, такъ какъ всѣ нечистыя дѣла тѣсно связаны между собою, и душа, осквернивъ себя однимъ какимъ либо изъ нихъ, не можетъ уже болѣе сохранить въ себѣ непорочности. Эти слова можно подтвердить примѣрами. Такъ, вода въ озерѣ дотолѣ остается чистою и спокойною, доколѣ что нибудь брошенное отъ вѣѣ, не возмутитъ

и не приведетъ въ движеніе ея ровную поверхность; если же бросить въ озеро камень, то движеніе отъ одного мѣста распространится на цѣлое озеро; потому что камень отъ тяжести погружается въ глубину, а отъ волнъ кругообразно расходящихся отъ него и имъ произведенныхъ и отъ движенія, отъ середины распространяющагося до краевъ воды, вся поверхность озера приходитъ въ круговидное колебаніе, соотвѣтственно глубинѣ. Точно также тихое и спокойное состояніе души, отъ прираженія одной какой нибудь страсти, все приходитъ въ колебаніе и сочувствуетъ поврежденію оной части. Ибо изслѣдователи этого рода предметовъ говорятъ, что добродѣтели нераздѣльны между собою, и что невозможно составить точное понятіе объ одной какой либо добродѣтели, не коснувшись и прочихъ: но въ комъ раждается одна добродѣтель, за нею необходимо слѣдуютъ и прочія. Также и наоборотъ: вкравшееся въ насъ какое либо зло простирается на всю добродѣтельную жизнь; и подлинно, какъ говоритъ апостоль, цѣлое состраждетъ своимъ частямъ, такъ что если страждетъ одинъ членъ, страждетъ вмѣстѣ съ нимъ все тѣло, и если прославляется одинъ, радуется вмѣстѣ съ нимъ и цѣлое тѣло (1 Кор. 12, 26.).

ГЛАВА 15.

О томъ, что и малѣйшее уклоненіе отъ добродѣтели также опасно.

Но есть въ жизни нашей безчисленное множество уклоненій ко грѣху, и это множество Писаніе многообразно именуеть: ибо *мнози*, говорить, *изгоняѳи мя и стужающѳи ми* (Пс. 118, 157.) и: *мнози борющѳи мя съ высоты* (Пс. 55, 4.); много и другихъ подобныхъ реченій. Итакъ можно прямо сказать, что много прелюбодѣйственно строящихъ ковы, чтобы растлѣть сей воистинну честный бракъ и нескверное ложе. Если же нужно исчислить ихъ поимянно, то: гнѣвъ прелюбодѣй, любостязаніе прелюбодѣй, зависть прелюбодѣй, злопамятство, вражда, злословіе, ненависть, словомъ все, что апостоль (Рим. 1, 29. 30.) исчисляетъ какъ противное здравому ученію, есть перечень прелюбодѣевъ. Представимъ себѣ какую нибудь женщину благообразную, достойную любви и потому сочетавшуюся бракомъ съ царемъ, но которая по причинѣ своей красоты подвергается кознямъ нѣкоторыхъ безстыдныхъ людей. Доколѣ она враждебно относится ко всѣмъ старающимся обольстить ее, и обвиняеть ихъ предъ законнымъ мужемъ: дотолѣ она—женщина цѣломудренная, преданная одно-

му только своему мужу, и коварства наглыхъ людей тогда не имѣютъ надъ ней никакой силы. Если же она склонится къ одному кому либо изъ обольстителей: то цѣломудріе по отношенію къ прочимъ, не освобождаетъ ее отъ наказанія; ибо для осужденія ея достаточно, если и однимъ осквернено было ложе. Такъ для Бога живущая душа не будетъ увлекаться ни однимъ изъ благъ, которыя представляются ей въ обольстительномъ видѣ; если же она чрезъ какую нибудь страсть допустить въ сердце нечистоту, то сама нарушитъ права духовнаго брака. И какъ говоритъ Писаніе, *въ злохудожную душу не увидеть премудрость* (Прем. 1, 4.): такъ поистинѣ можно сказать, и въ душу, исполненную гнѣва и зависти, или имѣющую въ себѣ другой какой порокъ, не можетъ вселиться благой Женихъ: ибо кто найдетъ способъ согласить между собою то, что по естеству чуждо и не имѣетъ ничего общаго? Послушай апостола, который учитъ, что нѣтъ никакого общенія свѣта со тмою, или правды съ беззаконіемъ (2 Кор. 6, 14.), или сказать кратко, — всего того, чѣмъ представляется нами и именуется Господь по различію усматриваемыхъ въ Немъ совершенствъ, — со всѣмъ тѣмъ, что по противоположности почитается зломъ. Итакъ если невозможно общеніе несовмѣстимыхъ между собою по природѣ предметовъ, то конечно чужда и неспо-

собна къ сожителству съ добромъ душа одержимая какимъ либо порокомъ. И такъ чему же мы отсюда научаемся? Тому, что цѣломудренная и разумная дѣва должна всячески удаляться отъ прираженія всякой душевной страсти и блюсти себя чистою для сочетавшаго ее съ собою Жениха, не имѣющею *скверны, или порока, или нѣчто отъ таковыхъ* (Еф. 5, 27.).

Г л а в а 16.

О томъ, что несовершенъ въ добръ тотъ, кто хотя въ чемъ нибудь отступаетъ отъ добродѣтели.

Одинъ есть прямой путь, по истинѣ тѣсный и скорбный, который не допускаетъ уклоненій ни въ ту, ни въ другую сторону, и отъ котораго даже малѣйшее уклоненіе равно угрожаетъ опасностію паденія. Если это такъ, то мы, сколько возможно, должны искоренять привычку многихъ, которые сильно вооружаются противъ болѣе гнусныхъ удовольствій, но гоняются за удовольствіями, заключающимися въ почестяхъ и любоначалии. Они поступаютъ подобно какому нибудь рабу, который, хотя и желаетъ свободы, но не спѣша скорѣе освободиться отъ рабства, довольствуется только смѣною господъ, почитая свободою перемѣну владѣльцевъ; ибо всѣ

равно рабы, хотя бы не одни и тѣ же господа управляли ими, доколѣ чья нибудь власть и начальство тяготѣетъ надъ ними. А бываютъ и такіе, кои сильно враждуя противъ удовольствій, удобно одолѣваются противоположною страстію, и при строгомъ и правильномъ образѣ жизни, печальми, вспышками гнѣва, злопамятствомъ и всѣмъ прочимъ, что противоположно страсти удовольствія, легко уловляются и съ трудомъ освобождаются. Это бываетъ тогда, когда не стремленіе къ добродѣтели, но какая либо страсть руководитъ насъ на пути жизни. Ибо заповѣдь Господня столь свѣтлая, что просвѣщаетъ очи даже младенцевъ (Пс. 18, 9.), говоритъ, что *благо есть прильпятся* единому Богу (Пс. 72, 28.); Богъ же не есть ни печаль, ни удовольствіе, ни боязнь, или дерзость, или страхъ, или гнѣвъ, или иная какая нибудь подобнаго рода страсть, которая господствуетъ надъ невѣжественною душею; но, какъ говоритъ апостолъ (1 Кор. 1, 30.), самосушая мудрость и освященіе, истина и радость и миръ и все такое. Итакъ, какимъ образомъ можетъ прильпиться къ имѣющему таковыя совершенства тотъ, кто одержимъ противоположными (страстями)? Или, какъ не безразсудно, стараясь о томъ, чтобы не подчиниться одной какой либо страсти, полагать добродѣтель въ противоположномъ оной состояніи духа, на примѣръ:

избѣгая удовольствія предаваться скорби, уклоняясь дерзости и безразсудства ослаблять духъ робостію, или стараясь быть недоступнымъ гнѣву, впасть въ боязливость? Ибо какое различіе, такъ или иначе отпасть отъ добродѣтели, или лучше отдалиться отъ самаго Бога, который есть всецѣлая добродѣтель? И въ тѣлесныхъ болѣзняхъ никто не думаетъ различать, отъ чрезмѣрнаго ли голода, или отъ неумѣреннаго пресыщенія пришло въ разстройство тѣло, потому что неумѣренность въ томъ и другомъ случаѣ приводитъ къ тому же концу. Итакъ заботящійся о жизни и здравіи своей души будетъ держать себя въ срединѣ истины, не склоняясь и не пріобщаясь ни къ одной изъ противоположныхъ крайностей, лежащихъ по ту и другую сторону добродѣтели. Не мои это слова, но самаго божественнаго гласа: ибо это правило ясно вытекаетъ изъ ученія Господа, когда Онъ учениковъ своихъ, обращающихся въ семь міръ какъ овцы среди волковъ, учитъ быть не голубями только, но имѣть въ своихъ нравахъ нѣкоторыя свойства змій (Матѳ. 10, 16. 17.). Это значитъ, чтобы они ни считающейся похвальною у людей простоты не простирали до крайности, потому что такое свойство недалеко отъ крайняго безумія: ни восхваляемыхъ многими хитрости и лукавства, самихъ по себѣ безъ примѣси противоположныхъ ка-

чествъ, не почитали за добродѣтель; но чтобы изъ видимыхъ противоположностей составили одинъ нѣкоторый смѣшанный образъ дѣйствования, отсѣкши отъ одной неразуміе, а отъ другой мудрость коварства, такъ чтобы изъ обѣихъ противоположностей образовался одинъ прекрасный образъ жизни, состоящей изъ простоты души и мудрости: ибо, *будите, говорите, мудри яко змѣя, и цѣли яко голубіе* (Матѳ. 10, 16.).

Г л а в а 17.

О томъ, что всѣ силы души должно направлять къ добродѣтели.

Итакъ сказанное въ семь мѣстѣ Господомъ да будетъ общимъ правиломъ для жизни каждаго, въ особенности же для тѣхъ, которые приступаютъ къ Богу чрезъ дѣвство, чтобы они, обращая вниманіе на одно какое нибудь доброе дѣло, не только береглися противоположнаго, но отъсюду извлекали для себя доброе, такъ чтобы жизнь ихъ со всѣхъ сторонъ была безопасна. Ибо и воинъ, покрывшій доспѣхами нѣкоторыя только части тѣла, подвергаетъ опасности прочее обнаженное тѣло. Ибо что пользы для него отъ защиты доспѣхами какой либо части тѣла, когда у него доступны ранамъ нагія части? Кто назоветъ красивымъ того, въ комъ какая либо изъ со-

ставныхъ частей красоты изуродована какимъ нибудь несчастнымъ случаемъ? Безобразіе сей изуродованной части отнимаетъ красоту и у неповрежденной. Если смѣшнымъ оказывается, какъ говорить въ одномъ мѣстѣ Евангеліе, тотъ, кто рѣшившись строить башню и употребивъ все свое стараніе на основаніе оной, не достигъ конца (Лук. 14, 28—30.): то чему другому учить насъ сія притча, какъ не тому, чтобы мы, предположивъ себѣ какое либо высокое занятіе, старались довести оное до конца, совершая сіе дѣло Божіе различными строеніями заповѣдей. Не одинъ камень составляетъ все строеніе башни: не одна также заповѣдь возводитъ и совершенство души нашей до желаемой мѣры; но должно непременно сперва положить основаніе, какъ говоритъ апостоль (1 Кор. 3, 10.); за тѣмъ строить зданіе изъ золота и драгоценныхъ камней: ибо такъ называются дѣла заповѣдей, по слову пророка: *возлюбихъ заповѣди Твоя паче злата и камне многоцѣнна* (Пс. 118, 127.). Итакъ упражненіе въ дѣвствѣ пусть будетъ положено какъ бы нѣкоторое основаніе для добродѣтельной жизни; и на семъ основаніи пусть зиждутся всѣ дѣла добродѣтели. Ибо хотя дѣвство признается дѣломъ весьма почитеннымъ и богоугоднымъ (оно и дѣйствительно таково, каковымъ почитается): но если и вся жизнь не будетъ согласоваться съ симъ

благимъ дѣломъ , если будутъ осквернены нестроениемъ прочія силы души , то оно будетъ не что иное , какъ серьга въ носу свиньи , или жемчужина попираемая ногами свиней . Но довольно о семъ .

Г л а в а 18.

Одна добродѣтель , хотя и совершенная , не приноситъ никакой пользы тому , кто не заботится достигнуть добродѣтели во всемъ .

Если же кто за ничто считаетъ приводить все въ жизни во взаимную стройность , тотъ пусть научится сему правилу , посмотрѣвъ на то , что бываетъ въ его домѣ . Мнѣ кажется , хозяинъ дома не допуститъ видѣть въ своемъ жилищѣ чего либо неприличнаго или безобразнаго : или кровать неубранную , или столъ покрытый грязью , или того , чтобы дорогіе сосуды были брошены въ какое либо нечистое мѣсто , а назначенные для низкаго употребленія лежали на виду входящихъ въ домъ : но расположивъ все благообразно и въ должномъ порядкѣ , и назначивъ каждой вещи приличное мѣсто , онъ смѣло принимаетъ гостей , нисколько не боясь стыда , если сдѣлается извѣстнымъ , какъ ведутся дѣла у него по дому . Такъ , я думаю , долженъ распорядиться хозяинъ и распорядитель и нашего дома ,—я разумѣю умъ : все , что есть въ насъ ,

онъ долженъ расположить стройно; каждую изъ силъ души, которыя Зиждатель далъ намъ вмѣсто утвари и сосудовъ, долженъ употреблять сообразно съ ея природою и во благо. Если никто не обвинить насъ въ говорливости и многословіи, то мы объяснимъ и все порознь, дабы пользуясь (какъ примѣромъ) тѣмъ, что у насъ есть, каждый могъ устроить жизнь свою на пользу. Итакъ мы говоримъ, что желательную силу должно утвердить въ чистотѣ души, отдѣливъ какъ нѣкій даръ и начатокъ своихъ благъ Богу, и посвятивъ оную однажды, блюсти неприкосновенною, чистою и неоскверненною никакою нечистою въ жизни. Раздраженіе же и гнѣвъ и ненависть, употреблять какъ нѣкоторыхъ привратныхъ псовъ, чтобы они бодрствовали для противодѣйствія одному только грѣху и направляли свое естественное свойство противъ того вора и разбойника, который тайно проникаетъ на пагубу божественнаго сокровища и входитъ для того, чтобы украсть, умертвить и погубить. Мужество и смѣлость, должно держать въ рукахъ, какъ бы какой щитъ, чтобы не упасть духомъ, когда находятъ уныніе и устремляются (на насъ) нечестивые; надежду и терпѣніе, — какъ жезлъ, чтобы опираться, когда приводятъ насъ въ изнеможеніе искушенія. Къ печали благовременно прибѣгать въ случаѣ раскаянія во грѣхахъ, такъ

какъ она ни на что другое не полезна, какъ только на это одно употребленіе. Справедливость, да будетъ вѣрнымъ правиломъ при опредѣленіи того, что непогрѣшительно во всякомъ словѣ и дѣлѣ, какъ должно располагать силами душевными, и какъ воздавать каждому свое по достоинству. А желаніе ббльшаго, которое въ душѣ каждаго велико и безгранично, если кто примѣнитъ къ желанію божественнаго, тотъ будетъ блаженъ въ своемъ исканіи ббльшаго, усиленно стремясь къ приобрѣтенію того, къ чему стремиться похвально. Мудрость же и благоразуміе пусть имѣеть совѣтниками касательно того, что ему полезно и сообщниками въ своей жизни, чтобъ никогда не впасть въ обманъ отъ неопытности, или неразумія. Если же кто вышеупомянутыя силы (душевныя) употребляетъ несоотвѣтственно ихъ природѣ, но обращаетъ не къ тому, къ чему слѣдуетъ: желаніе обращаетъ на предметы постыдныя, ненависть направляетъ противъ единоплеменниковъ; любитъ неправду, возстаетъ на родителей, держитъ за гнусныя поступки, надѣется на суетное, отдаливъ отъ сожительства съ собою мудрость и благоразуміе, дружится съ жадностію и нецѣломудріемъ, и такъ же во всемъ прочемъ поступаетъ: тотъ до такой степени глупъ и смѣшенъ, что даже и выразить нельзя его глупости, сколько она того заслуживаетъ.

Представимъ, что кто нибудь, надѣвъ доспѣхи навыворотъ, оборотить шлемъ такъ, что закроетъ онымъ лице, а сзади откроетъ шею; ноги помѣститъ въ латы, а наоюзники приладить къ груди, и что изъ вооруженія прилажено къ лѣвой сторонѣ обратить на правую, а что къ правой—на лѣвую: что долженъ потерпѣть на сраженіи такъ вооруженный воинъ, тоже самое необходимо потерпѣть въ жизни и тотъ, кто допускаетъ смѣшеніе въ мысляхъ и извращеніе въ употребленіи душевныхъ силъ.

Итакъ мы должны стараться о водвореніи между ними стройности, которую обыкновенно производить въ душахъ нашихъ истинное цѣломудріе. Если же нужно пріискать самое полное опредѣленіе цѣломудрія, то быть можетъ, въ точномъ смыслѣ, цѣломудріемъ должно назвать благоустроенный порядокъ всѣхъ душевныхъ движеній, соединенный съ мудростію и благоразуміемъ. При такомъ настроеніи души не будетъ нужды въ какомъ либо трудѣ и дѣятельности для достиженія высочайшихъ и небесныхъ благъ; при ономъ душа весьма легко достигнетъ того, что безъ того представляется неудободостижимымъ; самымъ удаленіемъ отъ противнаго она естественно достигаетъ искомага блага: ибо кто не во тмѣ, тотъ конечно по необходимости находится во свѣтѣ; и кто не умеръ, тотъ живъ. Итакъ, кто не обратитъ свою душу къ суетѣ, тотъ не-

премѣнно будетъ на пути истины: потому что предусмотрительность и благоразуміе въ разсужденіи того, чтобы не совратиться съ истиннаго пути, служатъ вѣрнѣйшимъ руководствомъ къ прямому пути. Какъ слуги, освободившіеся отъ рабства, когда, переставъ служить господамъ, дѣлаются сами себѣ господами, обращаютъ все вниманіе на самихъ себя: такъ, я думаю, и душа, освободившись отъ служенія тѣлу, обращается къ позванію свойственной и естественной ей дѣятельности. Свобода же, какъ мы знаемъ и отъ апостола, состоитъ въ томъ, чтобы не подвергаться игу рабства (Гал. 5, 1.), и подобно бѣглому рабу или злодѣю не быть оковану узами брака. Но я опять обращаю слово къ самому началу, — къ тому, что совершенство свободы состоитъ не въ одномъ только удаленіи отъ брака (да не считать кто нибудь обязанность дѣвства столь малою и незначительною, чтобы поставлять исполненіе такого дѣла въ небольшомъ храненіи чистоты плоти); но поелику *всякъ, творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха* (Юан. 8, 34.), то во всякомъ дѣлѣ или занятіи уклоненіе къ злу подвергаетъ человѣка рабству и кладетъ печать, причиняя ему ударами грѣха рубцы и клейма. Такимъ образомъ кто предположилъ себѣ великую цѣль, — дѣвственную жизнь, тотъ во всемъ долженъ быть равенъ себѣ и проявлять чистоту во всей жизни. Если же

нужно подтвердить сіи слова и чѣмъ либо изъ божественныхъ писаній, то достаточно подтверждаетъ сію истину сама Истина, которая въ Евангеліи (Матѣ. 13, 47—49.) приточно и иносказательно учитъ насъ тому же. Рыболовное искусство отдѣляетъ полезныхъ и съѣдомыхъ рыбъ отъ негодныхъ и вредныхъ, чтобы какая нибудь изъ сихъ послѣднихъ, попавъ въ сосудъ, употребленіе и полезныхъ не сдѣлала вреднымъ: и дѣло истиннаго цѣломудрія также состоитъ въ томъ, чтобы изъ всѣхъ занятій избирая одно чистое и полезное, неприличнаго избѣгать во всемъ, какъ бесполезнаго, и предоставлять оное обыкновенной и мірской жизни, которая иносказательно въ притчѣ названа моремъ. И псалмопѣвецъ также въ одномъ изъ псалмовъ, излагая намъ ученіе исповѣданія, сію непостоянную, страстями одержимую и мятежную жизнь, именуетъ водами доходящими до души (Псал. 68, 1. 15. 16.), бурю и глубиною морскою, въ которой всякій неустойчивый умъ, подобно египтянамъ, какъ камень погружается въ глубину; а что любезно Богу и имѣетъ способность провидать истину, что въ исторіи названо Израилемъ,— то одно только проходитъ море, какъ бы по суху, не испытывая нисколько горечи и солености житейскихъ волнъ. Такъ образно, подъ руководствомъ закона (ибо Моисей былъ прообразомъ закона) и израиль-

тяне перешли чрезъ море, не омочивъ ногъ, египтяне же, вслѣдъ за ними вступивъ въ оное, потонули; каждый по своей собственной природѣ: одинъ легко переходитъ, а другой тонетъ въ глубинѣ. Ибо добродѣтель есть нѣчто легкое и вверхъ поднимающееся, потому что всѣ, по правиламъ оной живущіе, *яко облацы летятъ, по словамъ Исаи, и яко голуби со птенцы (Иса. 60, 8.)*: грѣхъ же, какъ говоритъ одинъ изъ пророковъ, *тяжелъ на талантъ оловяныя сѣдязи (Зах. 5, 6.)*. Если же кому такое изъясненіе исторіи представляется насильственнымъ и принужденнымъ, и онъ не допускаетъ, чтобы чудо, совершенное при переходѣ чрезъ море, описано было для нашей пользы: тотъ пусть послушаетъ апостола, что происходившее съ ними было прообразованіемъ и написано намъ въ наставленіе (Рим. 15, 4.).

Г л а в а 19.

Воспоминаніе о Маріамъ, сестрѣ Аароновой, какъ положившей начало сему совершенству.

Намъ же подаетъ поводъ такъ думать пророчица Маріамъ, которая тотчасъ по изсушеніи моря, взявъ благозвучный тимпанъ, предначала пѣснь въ ликѣ женщинъ. Ибо, мнѣ кажется, тимпаномъ Писаніе гадательно указываетъ

на дѣвство, въ которомъ первая преуспѣла Маріамъ, чѣмъ, думаю, и прообразовала Богородицу Марію. Ибо какъ тимпанъ, свободный отъ всякой влаги и совершенно сухой, издаетъ громкій звукъ: такъ и дѣвство, недопуская въ сей жизни никакой житейской влаги, бываетъ свѣтло и знаменито. Если тимпанъ, который имѣла въ рукахъ Маріамъ, былъ мертвымъ тѣломъ, а дѣвство есть умерщвленіе тѣла: то этимъ, быть можетъ, прилично указывается на дѣвство пророчицы. Что касается до того, что пророчица Маріамъ была первою въ ликѣ дѣвъ, то это мнѣніе мы основываемъ на нѣкоторыхъ предположеніяхъ и догадкахъ, а не на ясномъ указаніи (Писаніи), хотя и многіе изслѣдователи прямо объявляютъ ее безбрачною: потому что исторія нигдѣ не упоминаетъ ни о бракѣ ея, ни о рожденіи отъ нея дѣтей; притомъ если бы у ней былъ мужъ, то именовалась бы и была извѣстна не по брату своему Аарону, но по мужу: потому что не братъ, но мужъ называется главою жены. Итакъ если и у тѣхъ, между которыми чадородіе почиталось благословеніемъ и было дѣломъ законнымъ, даръ дѣвства являлся достойнымъ уваженія: то какъ должны относиться къ оному мы, кои не слышимъ уже благословеній Божіихъ по плоти? Божественныя писанія открываютъ намъ, когда плодоношеніе и рожденіе бываетъ спасительно, и о какомъ видѣ мно-

гочадія заботились святыя Божіи. Ибо и пророкъ Исаія и божественный апостоль ясно и мудро указали на это, одинъ говоря такъ: *страха ради Твоего, Господи, во чревь пріяхомъ* (Иса. 26, 18.); а другой, хвалясь, что сталъ родителемъ болѣе всѣхъ многочаднымъ; потому что носилъ въ утробѣ своей цѣлые города и народы, не только коринѳянъ и галатовъ собственными муками рожденія изведши на свѣтъ и образовавъ о Господѣ (Гал. 4, 19.), но всю страну *отъ Иерусалима окрестъ и даже до Иллирика* (Рим. 15, 19) наполнивъ своими чадами, которыхъ породилъ во Христвъ чрезъ Евангеліе. За сіе ублажается въ Евангеліи и утроба пресвятой Дѣвы, послужившая непорочному рожденію; поелику ни рожденіе не нарушило дѣвства, ни дѣвство не послужило препятствіемъ къ такому рожденію: ибо гдѣ раждается *духъ спасенія*, какъ говоритъ Исаія (Иса. 26, 18.), тамъ совершенно ненужны хотѣнія плоти. Есть также и у апостола (2 Кор. 4, 16.) подобнаго рода выраженіе, что каждый изъ насъ — двоякій человекъ: одинъ ведомый совнѣ, которому по природѣ свойственно тлѣніе: другой—разумѣемый какъ *потаенный сердца человека* (1 Петр. 3, 4.), который воспріемлетъ обновленіе. Если это слово истинно (а оно непременно истинно, потому что въ немъ говоритъ сама Истина): то не будетъ неприлично и бракъ разумѣть двоякій, примѣнительно и

соотвѣтственно каждому изъ находящихся въ насъ челоуѣковъ; и быть можетъ дерзнувшій сказать, что тѣлесное дѣвство содѣйствуетъ и помогаетъ внутреннему и духовному браку, въ своемъ дерзновеніи не уклонится далеко отъ истины.

Г л а в а 20.

О томъ, что невозможно вмѣстѣ служить тѣлеснымъ удовольствіямъ и наслаждаться плодами божественной радости.

Какъ невозможно въ одно и то же время служить дѣятельностію своихъ рукъ двумъ какимъ либо занятіямъ, напримѣръ: заниматься земледѣліемъ и вмѣстѣ мореплаваніемъ, или кузнечною работою и въ то же время плотничною; но если кто хочетъ хорошо успѣть въ одномъ дѣлѣ, долженъ оставить другое: такъ поелику и намъ предстоятъ два брака, изъ которыхъ одинъ совершается посредствомъ плоти, а другой посредствомъ духа, то стремленіе къ одному изъ нихъ, по необходимости отдаляетъ насъ отъ другаго. Ибо и глазъ не можетъ хорошо рассмотретьъ двухъ предметовъ вмѣстѣ, если не будетъ обращенъ на каждый поочередно и въ отдѣльности; языкъ также не можетъ въ одно и то же время служить различнымъ языкамъ, произносить, напримѣръ, въ то же время реченія греческія и еврейскія;

и слухъ не можетъ въ то же время воспринимать повѣствованія о дѣлахъ и нравоучительныхъ словъ: ибо разнаго содержанія рѣчи, если стануть слушать ихъ отдѣльно, производятъ въ слушателяхъ извѣстное представленіе; если же обѣ смѣшавшись въ одно и то же время будутъ оглашать слухъ, то содержаніе ихъ сливаясь вмѣстѣ произведетъ въ разумѣ какое-то неопредѣленное смѣшеніе. Такимъ же образомъ и наша желательная способность не въ состояніи вмѣстѣ служить и тѣлеснымъ удовольствіямъ и стремиться къ духовному браку; ибо невозможно одинаковымъ образомъ жизни достигнуть предположенной цѣли того и другаго: потому что съ духовнымъ бракомъ соединяется воздержаніе, умерщвленіе тѣла и презрѣніе всего плотскаго, а съ плотскимъ супружествомъ — все сему противное. Когда намъ предлежитъ избрать между двумя господами, то поелику невозможно въ одно и то же время быть послушными обоимъ (ибо никто не можетъ работать двумъ господамъ), — благо-разумный человѣкъ избретъ болѣе полезнаго изъ нихъ: такъ и намъ, когда предлежатъ два брака, поелику невозможно вступить въ тотъ и другой вмѣстѣ (ибо *не оженивыйся печется о Господнихъ, а оженивыйся печется о мірскихъ*. 1 Кор. 7, 32. 33.), не должно, — я говорю о благоразумныхъ, — ошибаться въ выборѣ полезнѣйшаго изъ нихъ; не должно также оста-

ваться въ невѣдѣніи относительно пути, ведущаго къ нему и который не иначе можно узнать, какъ при помощи нѣкотораго сравненія. Какъ въ тѣлесномъ супружествѣ, не желающій быть отвергнутымъ много приложить заботъ о здоровьи тѣла, о приличномъ украшеніи, о изобиліи богатства и о томъ, чтобы не имѣть никакого пятна ни въ своей жизни, ни въ своемъ родѣ; ибо этимъ обыкновенно достигаютъ желанной цѣли: такимъ же образомъ и желающій вступить въ духовное супружество пусть прежде всего покажетъ себя юнымъ, отрѣшившимся чрезъ обновленіе ума всякой ветхости; потомъ пусть представитъ богатый родъ, который имѣетъ вождѣльное богатство, и славится не земнымъ имуществомъ, но украшается сокровищами небесными; пусть поревнуетъ приобрѣсть и знаменитость рода, не ту, которая сама собою случайно можетъ принадлежать и дурнымъ людямъ, но которая достигается трудомъ и стараніемъ, собственными добрыми дѣлами, которою величаются одни только сыны свѣта и чада Божіи и именующіеся благороднѣйшими *отъ востокъ солнца* (Іов. 1, 3.) за свои свѣтлыя дѣла; крѣпость же и здравіе пусть приобрѣтаетъ не попеченіемъ о тѣлѣ или утучненіемъ плоти, но совершенно напротивъ,—чрезъ немощь тѣлесную усовершая силу духа. Знаю и брачныя дары, приличные сему браку, которые не изъ тлѣнныхъ иму-

ществу приготовляются, но отъ собственнаго богатства души приносятся въ даръ. Хочешь ли знать имена сихъ даровъ? Послушай Павла, прекраснаго брачнаго распорядителя у нѣкоторыхъ богачей, которые во всемъ состоятельны: говоря о другихъ многихъ и великихъ дарахъ онъ присовокупляетъ также: и *во очищеніи* (2 Кор. 6, 6); и опять, все что онъ въ другомъ мѣстѣ (Гал. 5, 22. 23.) исчисляетъ какъ плоды духовныя, все это — дары сего брака. И если кто хочетъ послѣдовать Соломону и принять къ себѣ въ сожительницы и сообщницы жизни истинную мудрость, о которой онъ говоритъ: *возжелый ея, и соблюдетъ тя, почти ю, да тя обыметъ* (Притч. 4, 6. 8.): тотъ сообразно съ достоинствомъ сего желанія, пусть приготовитъ себѣ чистую одежду, для участія въ семъ брачномъ торжествѣ вмѣстѣ съ веселящимися: дабы не быть ему отверженнымъ, какъ призванному къ участию въ семъ празднествѣ, но необлеченному въ брачное одѣяніе. Очевидно, что сей способъ приготовленія къ такого рода браку есть общій какъ для мужей, такъ и для женъ; поелику, какъ говоритъ апостоль, *нѣсть мужескій полъ, ни женскій* (Гал. 3, 28.), *но всяческая и во всѣхъ Христосъ* (Кол. 3, 11.). По справедливости любитель мудрости имѣетъ божественную цѣль желанія, которая есть истинная мудрость; и душа, прилѣпившаяся къ нетлѣнному Жениху,

пылаеть любовью къ истинной мудрости, которая есть Богъ. Но что такое духовный бракъ и къ какой цѣли ведетъ чистая и небесная любовь, довольно раскрыто нами въ сказанномъ.

Г л а в а 21.

О томъ, что избравшій для себя строгій образъ жизни, долженъ удалиться отъ всякаго тѣлеснаго удовольствія.

Поелику оказалось, что никто не можетъ приблизиться къ божественной чистотѣ, не сдѣлавшись прежде самъ чистымъ; то намъ необходимо оградить себя отъ удовольствій нѣкоторою великою и крѣпкою стѣною, чтобы чистота сердца никакъ не могла оскверниться чрезъ приближеніе къ нимъ. Крѣпкая же стѣна есть совершенное удаленіе отъ всего, въ чемъ заключается страсть: ибо удовольствіе по роду своему будучи однимъ, по словамъ мудрыхъ, какъ вода какая изъ одного потока разливающаяся на разные ручьи, входитъ чрезъ каждое чувство въ душу людей, преданныхъ удовольствіямъ. Итакъ, побѣжденный удовольствіемъ проникшимъ въ него чрезъ одно какое либо чувство, отъ него терпитъ поражение въ самомъ сердцѣ; какъ и слово Божіе учитъ, что воспріявшій вождельніе чувствомъ зрѣнія получилъ язву въ сердце (Матѣ. 5, 28.). Думаю,

что Господь, говоря здѣсь объ одномъ чувствѣ, разумѣлъ всѣ, такъ что послѣдую сказанному, правильно можетъ присовокупить: кто услышалъ *ко еже возделати*, кто коснулся, и кто всю свою силу подчинилъ служенію удовольствію, согрѣшилъ сердцемъ. Итакъ, чтобы сего съ нами не случилось, мы должны пользоваться тѣмъ мудрымъ правиломъ въ своей жизни, чтобъ не прилѣпляться душою своею ни къ чему, въ чемъ заключается какая либо приманка удовольствія; преимущественно же и болѣе всего блюстись отъ удовольствія вкуса, потому что оно повидимому упорнѣе другихъ и есть какъ бы матеръ запрещеннаго; ибо удовольствія, происходящія отъ пищи и питія, производя неумѣренность въ употребленіи снѣдей, по необходимости причиняютъ въ тѣлѣ множество неизбѣжныхъ золъ, поражаютъ въ людяхъ много болѣзней. Итакъ, чтобы тѣло всегда пребывало въ полномъ спокойствіи и не возмущалось никакою происходящею отъ пресыщенія страстію, мы должны вести строжайшій образъ жизни и опредѣлять мѣру и предѣлъ наслажденія не удовольствіемъ, но нуждою чего либо. Хотя нужда и удовольствіе часто соединяются между собою (потому что голодъ, обыкновенно, все дѣлаетъ пріятнымъ, услаждая сильнымъ желаніемъ пищи все, что ни случится употреблять въ пищу); но мы не должны ни отказываться отъ удовлетворенія

необходимости по причинѣ слѣдующаго за нимъ удовольствія, ни преимущественно гоняться за удовольствіемъ: но избирая изъ всего полезное, должны презирать то, что тѣшитъ чувства.

Г л а в а 22.

О томъ, что не должно сверхъ надлежащей мѣры предаваться воздержанію и что равно препятствуетъ душѣ въ достиженіи ея совершенства какъ утучненіе плоти, такъ и чрезмѣрное ея удрученіе.

Мы видимъ, что земледѣльцы искусно отдѣляютъ смѣшанную съ зерномъ мякину, такъ что каждое изъ нихъ назначается для надлежащаго употребленія: зерно для поддержанія человѣческой жизни, мякина для сожженія, также на кормъ животнымъ. Такъ и любитель цѣломудрія, отдѣляя нужду отъ удовольствія, какъ зерно отъ мякины, послѣднюю оставляетъ неразумнымъ, которыхъ *кончина въ пожженіе*, какъ говоритъ апостоль (Евр. 6, 8.), а изъ того, что необходимо, беретъ себѣ сколько нужно съ благодареніемъ. Но поелику многіе, впавши въ другой видъ неумѣренности, отъ излишней строгости жизни, не замѣтно увлеклись въ сторону, противную предположенной ими цѣли, и инымъ образомъ отдаливъ душу свою отъ высшихъ и божественныхъ предме-

товъ, низвели оную въ кругъ мелочныхъ заботъ и попеченій, обративъ умъ свой къ наблюденію за тѣломъ, такъ что не въ состояніи свободно возноситься умомъ и созерцать горнее, будучи погружены въ заботу о томъ, чтобы удручать и сокрушать свою плоть: то хорошо было бы позаботиться и объ этомъ и равно избѣгнуть неумѣренности, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, — чтобы ни утучненіемъ плоти не подавить ума, ни опять, излишнимъ истощеніемъ оной не сдѣлать его слабымъ и презрѣннымъ и занимающимся только тѣлесными трудами; но всегда помнить мудрое правило, которое равно воспрещаетъ уклоненіе какъ въ правую, такъ и въ лѣвую сторону. Я слышалъ отъ одного врача, который говорилъ на основаніи своей науки, что тѣло наше состоитъ изъ четырехъ не одинаковаго свойства, но совершенно противоположныхъ между собою стихій: въ немъ срастворены жаръ и холодъ, и влага удивительнымъ образомъ смѣшана съ сухостію, причемъ противоположное соединяется вмѣстѣ сродствомъ посредствующихъ связей. И эту мысль естественнспытатель доказывалъ довольно остроумно, говоря, что каждая изъ этихъ стихій по природѣ будучи діаметрально противоположна другой и отдѣльна отъ нея, соединяется съ противоположными чрезъ нѣкоторое сродство близъ лежащихъ свойствъ; ибо такъ какъ хо-

лодь и жаръ одинаково могутъ находиться во влагѣ и сухости, и опять влага и сухость равнымъ образомъ могутъ соединяться съ жаромъ и холодомъ: то тождество свойствъ одинаково являющееся въ противоположностяхъ, само собою производитъ связь между противоположными стихіями. Но для чего мнѣ входить въ изслѣдованіе частныхъ, какъ одно и то же и раздѣляется взаимно по естественной противоположности и опять соединяется, сближаясь другъ съ другомъ посредствомъ средства свойствъ? Мы упомянули о сказанномъ потому только, что излагавшій такую теорію о природѣ тѣла, совѣтовалъ, чтобы мы сколько возможно старались соблюдать равновѣсіе свойствъ: поелику въ томъ состоятъ здравіе тѣла, чтобы ничто въ насъ не получало перевѣса надъ другимъ. Итакъ, если слова его сколько нибудь истинны, для поддержанія своего здоровья мы должны сохранять такое состояніе тѣла, чтобы никакой части изъ тѣхъ, изъ которыхъ мы составлены, не придавать неправильнымъ употребленіемъ пищи и питія ни излишняго увеличенія, ни уменьшенія (но подражать, сколько возможно, правящему колесницею) ^(а). Ибо какъ сей, если править несогласными между собою конями, ни скоро бѣгущаго не побуждаетъ уда-

---

(а) Слова отмѣченныя скобками, дополнены по рукописи М. Синодальной бібліотеки, N 71.

рами, ни лѣниваго не сдерживаетъ возжами: и опять ни своевольному или необузданному и рьяному не позволяетъ безпорядочно нестись по собственному произволу: но одного направляетъ, другаго сдерживаетъ, а третьяго побуждаетъ бичемъ, доколѣ не произведетъ между всѣми стройнаго согласія въ бѣгѣ: такимъ же образомъ и умъ нашъ, имѣющій въ себѣ бразды тѣла, не вздумаетъ прибавлять огня къ жару, пылающему въ лѣта юности; также и охладѣвшаго отъ страсти или времени не будетъ еще болѣе охлаждать и иссушать, и относительно прочихъ свойствъ также будетъ слѣдовать словамъ Писанія, не увеличивая того, чего много, и не уменьшая чего мало (Исх. 16, 18; 2 Кор., 8, 15.); но отсѣкая въ томъ и другомъ случаѣ неумѣренность, будетъ стараться о приращеніи того, чего недостаетъ, и въ обоихъ случаяхъ равно остерегаться вреднаго тѣлу: чтобы ни излишнимъ угожденіемъ плоти не сдѣлать ее безпорядочною и необузданною; ни чрезмѣрнымъ удрученіемъ—болѣзненною, разстроенною и бессильною къ необходимымъ отправлениямъ жизни. Совершеннѣйшая цѣль воздержанія состоитъ въ томъ, чтобы имѣть въ виду не удрученіе тѣла, но удобнѣйшее служеніе душевнымъ потребностямъ.

ГЛАВА 23.

О томъ, что желающій въ точности изучить сію жизнь, долженъ учиться у преуспѣваго въ оной.

Въ частности же, какъ долженъ поступать рѣшившійся жить по правиламъ сего любомудрія, чего остерегаться, въ какихъ занятіяхъ подвизаться, также какую сохранять мѣру воздержанія, какихъ правилъ держаться и каково вообще должно быть все теченіе жизни, направленной къ сей цѣли,—обо всемъ этомъ если кому угодно узнать подробно, есть много писанныхъ поученій, гдѣ онъ найдетъ наставленіе о семъ. Но гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ наставленіе словесное, руководство примѣромъ дѣлъ; и нѣтъ никакой трудности исполнить это требованіе; чтобы найти наставника не нужно ни долго путешествовать, ни подвергаться морскому плаванію, но *близъ ти млаголз*, говоритъ апостоль (Рим. 10, 8.), недалеко отъ тебя—благодать сія. Здѣсь училище добродѣтелей, въ которомъ жизнь такого рода, доведенная до высочайшей степени строгости, является во всей чистотѣ. Здѣсь великую имѣютъ силу въ наученіи самымъ дѣломъ, какъ вести небесную оную жизнь, и молчашіе и говорящіе. Потому что и всякое слово безъ дѣла являемое, какъ бы ни было краснорѣчиво

составлено, подобно бездушному изображенію, которому краски и цвѣта придаютъ нѣкоторый видъ живости; а кто *сотворитъ и научитъ*, какъ говорить въ одномъ мѣстѣ Евангеліе (Матѣ. 5, 19.), тотъ есть истинно живой человекъ, цвѣтущей красотой, дѣйствующій и движущійся. И такъ къ нему чаще долженъ обращаться тотъ, кто хочетъ, по выраженію Писанія, *держаться* дѣвства (Матѣ. 6, 24.). Какъ желающему изучить языкъ какого нибудь народа недостаточно быть самому себѣ наставникомъ, но онъ учится у людей свѣдущихъ въ ономъ и такимъ образомъ достигаетъ того, что говоритъ также, какъ иностранецъ (постепенно пріучая къ тому свой слухъ) ^(а): такъ я думаю, и жизнь сію, такъ какъ она идетъ не путемъ естественнымъ, но отступаетъ отъ онаго по необыкновенности образа жизни, не иначе кто можетъ въ совершенствѣ изучить, какъ подъ руководствомъ кого либо опытнаго въ ней. И во всѣхъ прочихъ житейскихъ занятіяхъ лучше можетъ успѣть желающій, если будетъ изучать предметъ своихъ занятій у учителя, нежели когда самъ одинъ примется за дѣло. Ибо не такъ простъ этотъ образъ жизни, чтобы по нуждѣ можно было довѣрять собственному сужденію, что для насъ полезно; рѣшимость на

(а) Дополнено по рукописи.

опытъ въ вещахъ неизвѣстныхъ не безопасна. Какъ люди дошли опытомъ до неизвѣстной прежде врачебной науки? Посредствомъ нѣкоторыхъ наблюдений мало по малу раскрывали оную, такъ что признанное полезнымъ и вреднымъ по свидѣтельству людей испытанныхъ, вносилось въ содержаніе науки, и наблюдение, сдѣланное предшественниками, строго соблюдалось въ послѣдствіи; теперь же желающій изучить сію науку не имѣетъ нужды собственнымъ опытомъ изслѣдовать силу лѣкарствъ; какое изъ нихъ цѣлительно, и какое вредно; но можетъ самъ, усвоивъ свѣдѣнія отъ другихъ, успѣшно заниматься врачебнымъ искусствомъ. Тоже должно сказать и о врачебной наукѣ душъ, — говорю о любомудріи, — при помощи котораго мы узнаемъ врачевство противъ всякой страсти, приражающейся душѣ: нѣтъ нужды намъ прибѣгать къ предположеніямъ, какимъ либо догадкамъ для пріобрѣтенія познаній въ этой наукѣ, но есть полная возможность научиться ей отъ того, кто долговременнымъ и продолжительнымъ опытомъ стяжалъ навыкъ къ ней. Юность же, большею частію и во всякомъ дѣлѣ (не надежный) ^(а) совѣтникъ, и не легко найти человѣка, который бы хорошо исполнилъ какое нибудь достойное занятіе, если не призывалась

(а) Дополнено по рукояси.

имъ для участія въ совѣтѣ старость. Чѣмъ выше всѣхъ прочихъ занятій предположена у насъ цѣль, тѣмъ болѣе мы должны наблюдать осторожности. Ибо въ прочихъ дѣлахъ юность не управляемая разсудкомъ, несетъ конечно ущербъ въ имуществѣ, или принуждена бываетъ лишиться какой нибудь мірской славы или достоинства: въ семъ же великомъ и высочайшемъ стремленіи подвергаются опасности не деньги, не слава мірская и скоропреходящая, ни другое что нибудь изъ того, что отвиѣ къ намъ приходитъ, что, и по моему мнѣнію и по суду людей благоразумныхъ, какъ зависящее отъ виѣшнихъ причинъ, имѣетъ маловажное значеніе; здѣсь неразсудительность касается самой души и угрожаетъ опасностью потерпѣть такого рода ущербъ, который состоитъ не въ потерѣ какихъ нибудь благъ, которыя, можетъ быть, и опять можно возвратить, но въ гибели самаго себя, и во вредъ собственной душѣ. Ибо растратившій отцовское имѣніе, пока находится въ живыхъ, не безъ надежды остается опять какимъ либо способомъ возвратитъ прежнее благополучіе: но кто отпалъ отъ оной жизни, тотъ лишень всякой надежды на возвращеніе къ лучшему. Итакъ поелику многіе, еще юные и несовершеннолетніе разумніемъ, воспринимаютъ на себя подвигъ дѣвства: то имъ прежде всего должно стараться о томъ, чтобы найти себѣ руково-

дителя на семь пути и хорошаго наставника, дабы по своей неопытности не пойти по какимъ нибудь новымъ непроходимымъ и уклоняющимся отъ истиннаго пути дорогамъ. *Блази два паче единого*, говоритъ Екклесіастъ (Еккл. 4, 10.); одинъ же легко побѣждается врагомъ, который присѣдитъ при путяхъ Божественныхъ, и горе *единому егда падетъ*, потому что не имѣеть человека, который бы поставилъ его на ноги. Такъ нѣкоторые избрали надлежащее направленіе въ стремленіи къ святой жизни, и уже достигнувъ въ избранномъ ими подвигѣ совершенства, отъ гордости низпали другимъ видомъ паденія, потому что, обольстившись нѣкоторымъ безуміемъ, сочли благомъ то, къ чему склонялъ ихъ разумъ. Въ числѣ сихъ находятся тѣ, которые Премудростію названы праздными, пути свои устлавшими терніемъ (Притч. 15, 19.), кои считаютъ за вредъ для души усердіе въ трудѣ по заповѣди; они отвергли увѣщанія апостольскія (2 Солун. 3, 10.), и не ѣдятъ съ благопристойностію собственный хлѣбъ, но простираютъ руки на чужой, въ праздности полагая все искусство жизни. Отсюда, — сновидцы, которые обольщенія сонныя считаютъ достовѣриѣ евангельскаго ученія, и мечты воображенія называютъ откровеніями; *отъ сихъ суть пронырляющіи въ домы* (2 Тим. 3, 6.). И опять есть иныя, кои добродѣтелю почитаютъ необщительность

и дикость и не умѣютъ цѣнить плодовъ снисходительности и смиренномудрія. Но кто исчислить всѣ таковыя паденія, которыя случаются съ тѣми, кои не хотятъ прибѣгнуть въ руководство мужей благоугождающихъ Богу? Изъ числа ихъ мы знали и такихъ, которые терпѣли голодъ даже до смерти, какъ будто бы таковыми жертвами благоугождается Богъ; и опять другихъ, кои, уклонившись совершенно въ противоположную сторону и заботясь о безбрачїи только по имени, ни въ чемъ не отличаются отъ ведущихъ жизнь брачную; не только доставляютъ удовольствіе своему чреву, но даже открыто живутъ вмѣстѣ съ женщинами, именуя сіе сожительство братствомъ, чтобы подъ симъ честнымъ именемъ скрыть свою склонность къ худому. Они причиною того, что весьма почтенное и чистое дѣло, — (жизнь дѣвственная) хулится между язычниками. Итакъ было бы очень полезно, чтобы юные не руководствовали сами себя на пути сей жизни; ибо жизнь наша не бѣдна примѣрами совершенствъ, и если когда, то особенно въ настоящее время святость процвѣтаетъ и обитаетъ въ нашихъ жилищахъ, чрезъ постепенное приращеніе будучи доведена до высшей степени совершенства (^а). Идущій по таковымъ

(а) Здѣсь св. Григорій разумѣетъ Василія великаго, какъ сказано въ предисловіи.

слѣдамъ можетъ приобщиться сей святости и послѣдующій за симъ благоуханнымъ муромъ можетъ исполниться благоуханія Христова. Какъ отъ одной горячей лампы пламя передается и всѣмъ прочимъ свѣтильникамъ, которые прикасаются къ ней; и не смотря на то, первый свѣтъ не уменьшается, хотя чрезъ сообщеніе въ равной мѣрѣ удѣляется и заимствующимъ свой свѣтъ отъ него: такъ и святость сей жизни преемственно распространяется отъ преуспѣвашаго въ оной на приближающихся къ нему; ибо истинно пророческое слово, что обращающійся съ преподобнымъ, неповиннымъ и избраннымъ и самъ дѣлается таковымъ (Пс. 17, 26. 27.). Если же ты ищешь признаковъ, по которымъ бы нельзя было обмануться въ избраніи для себя хорошаго примѣра; то начертать ихъ легко. Ели ты увидишь мужа, который, стоя по срединѣ между жизнію и смертію, изъ той и другой извлекаетъ полезные для себя уроки любомудрія, такъ что ни недѣятельности смерти не допускаетъ въ усердіи къ исполненію заповѣдей, ни живетъ всецѣло жизнію, поелику отрѣшился отъ мірскихъ похотей, въ отношеніи къ тому, въ чемъ выражается плотская жизнь, оставаясь недѣятельнѣе мертвыхъ, а въ отношеніи къ дѣламъ добродѣтели, составляющимъ признакъ живущихъ духомъ, являясь одушевленнымъ, дѣятельнымъ и сильнымъ: то такового мужа по-

ставь себя правиломъ въ жизни; пусть онъ будетъ для тебя руководителемъ божественной жизни, какъ для кормчихъ вѣчно сіяющія звѣзды: подражай и старости его и юности, или лучше, подражай его старости во время юности, — и юности во время старости. Ибо ни время возраста, склонявшася уже къ старости, не ослабило въ немъ мужественной души, ни юность не была дѣятельною въ того рода дѣятельности, которая свойственна юности: но какое то было въ немъ удивительное соединеніе противоположностей того и другаго возраста, лучше сказать — измѣненіе свойствъ: въ старости юношеская крѣпость силъ къ добру, а въ цвѣтущей юности неподвижность въ отношеніи къ злу. А если ты ищешь и любви свойственной оному возрасту, подражай высочайшей и пламенѣющей божественной любви Премудрости, у которой она съ младенчества возрастала и до старости пребывала. Если же ты не можешь на нее прямо взирать, какъ больные глазами на солнце, то обрати взоры на подчиненный Ей ликъ Святыхъ, которые, сіяя своею жизнію, представляютъ примѣры подражанія для людей всякаго возраста: ихъ поставилъ Богъ въ образецъ для нашей жизни. Многіе изъ нихъ, будучи юны лѣтами, составились въ чистотѣ воздержанія, предускоривъ мысленно старость и образомъ жизни предупредивъ время; они знали одну любовь къ

мудрости, не потому что имѣли иное естество (ибо *во всѣхъ плоть похотствуетъ на духъ*, Гал. 5, 17.), но потому что хорошо вняли гласу того, который сказалъ, что цѣломудріе есть *древо живота въсѣмъ держащимся его* (Притч. 3, 18.). На семъ дровѣ, какъ на нѣкоей ладѣ, переплывши волны житейскія, они достигли до пристани воли Божіей; и теперь съ душею, недоступною волнамъ, въ тишинѣ и спокойствіи, они наслаждаются полнымъ блаженствомъ, счастливо окончивъ свое плаваніе; они утвердивъ себя на благой надеждѣ, какъ на нѣкоемъ безопасномъ якорѣ, покоясь вдали отъ обуреванія волнъ, свѣтъ своей жизни, какъ бы нѣкіе огни съ высокой сторожевой башни, предлагаютъ тѣмъ, которые слѣдуютъ за ними. Итакъ у насъ есть на кого взирать, чтобы безопасно избѣгнуть волнъ искушеній. Для чего ты допытываешься у меня, не падали ли нѣкоторые изъ тѣхъ, кои стремились къ тому же, и по тому отчаеваешься въ этомъ дѣлѣ, какъ неудобноисполнимомъ? Смотри на успѣвшаго и смѣло пускайся въ сіе благое плаваніе, направляемый кормиломъ цѣломудрія (а), при вѣяніи Святаго Духа, имѣя кормчимъ Христа. Ибо и *сходящии въ море въ корабляхъ, творящии дѣланія въ водахъ многихъ*

(а) Въмѣсто: *εὐφροσύνης*, принято чтеніе: *σωφροσύνης*, по рукописи М. Сня. бібліотеки.

(Пс. 106, 23.) не теряют надежды отъ того, что съ кѣмъ либо случилось кораблекрушеніе: но имѣя предъ собою благую надежду, спѣшатъ достигнуть цѣли предпринятаго дѣла. Не глупѣ ли всего почитать порочнымъ того, кто палъ при строгомъ образѣ жизни, и полагать, что лучше тотъ, кто состарѣлся, падая въ теченіи всей своей жизни?

Если страшно и однажды подвергнуться близкой опасности грѣха, и потому ты считаешь болѣе безопаснымъ и не вступать даже на путь ведущій къ высочайшей цѣли: то во сколько ужаснѣе дѣлать грѣхъ занятіемъ всей жизни, и потому совершенно лишиться участія въ оной чистѣйшей жизни? Какъ ты послушаешь Распятаго, будучи живымъ, Умершаго грѣху, если грѣхъ въ тебѣ въ силѣ, повелѣвающаго слѣдовать за Нимъ и какъ знаменіе побѣды надъ противникомъ нести крестъ на тѣлѣ, когда ты не распялся міру и не воспріялъ умерщвленія плоти? Какъ можешь повиноваться Павлу, который убѣждаетъ тебя представить тѣло твое въ *жертву живу, святу, благоугодну Богу*, когда ты сообразуешься въку сему, а не преобразуешься обновленіемъ ума своего и не ходишь въ обновленіе жизни сей, но еще слѣдуешь путемъ жизни ветхаго челоуѣка (Рим. 12, 1.)? Какъ будешь священнодѣйствовать Богу ты, и помазанный именно для того, чтобы приносить даръ Богу, и даръ

конечно не какой либо чужой и незаконный, взятый изъ внѣ привходящихъ благъ, но по истинѣ твой собственный, который есть внутренній челоуѣкъ, долженствующій быть совершеннымъ и непорочнымъ, по закону объ агнцѣ, чуждымъ всякаго поврежденія и порока, — какъ будешь приносить сей даръ Богу, когда не повинуюешься закону, который воспрещаетъ священнодѣйствовать нечистому? И если ты желаешь удостоиться явленія Божія, то почему не слушаешь Моисея, который повелѣваетъ народу очиститься отъ дѣлъ брака, чтобы быть достойнымъ явленія Божія? Если тебѣ маловажнымъ кажется сораспяться Христу, представить себя въ жертву Богу, быть священникомъ Бога вышняго, удостоиться явленія великаго Бога: то что мы можемъ придумать тебѣ выше этаго, если ты и проистекающія отсюда блага будешь считать также незначительными? Ибо, если кто сраспнается Христу, тотъ чрезъ сіе самое вмѣстѣ съ Нимъ и живетъ и прославляется и царствуетъ; а кто представитъ себя (въ жертву) Богу, тотъ чрезъ это можетъ достигнуть измѣненія естества и достоинства челоуѣческаго въ ангельское: ибо и Даниль такъ говоритъ: *тмы темъ предстояху Елу* (Дан. 7, 10.). Кто пріялъ истинное священство и подчинилъ себя великому Архіерею, тотъ конечно и самъ пребываетъ іереемъ во вѣкъ, и смерть не воз-

браняетъ ему пребывать онымъ навсегда. Но кто удостоился видѣть самаго (а) Бога, тотъ имѣетъ плодомъ не другое что, какъ то самое, что онъ удостоился видѣть Бога. Ибо верхъ всякой надежды, предѣлъ и главную цѣль всякаго желанія, Божія благословенія, всякаго обѣтованія и неизреченныхъ благъ, превышающихъ, какъ вѣруемъ, чувство и разумъ, составляетъ то, что возжелалъ видѣть Моисей, чего желали многіе пророки и цари, но чего удостоиваются одни чистые сердцемъ, которые потому самому суть и именуется подлинно блаженными, что они *Бога узрятъ* (Матѣ. 5, 8.). Посему-то желаемъ, чтобы и ты сораспялся Христу, представилъ себя Богу чистымъ іереемъ и содѣлался чистою жертвою, уготовилъ себя къ пришествію Божію чрезъ очищеніе во всей чистотѣ, дабы и тебѣ увидѣть Бога въ чистомъ сердцѣ, по обѣтованію Бога и Спасителя нашего. Іисуса Христа, Коему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

(а) Въсто: *επιειν*, въ рукоп. *αδδδδν*.

О П Е Ч А Т К И.

—

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
11	3 снизу	сотворившій, <i>быз</i>	сотворившій, дабы мы стали праведны, <i>быз</i>
19	15 сверху	запасъ	запахъ
226	4 —	что есть	что́ есть
240	11 —	у невещественнаго	отъ невещественнаго
264	6 —	душамъ,	душамъ;
—	12 —	Богу	къ Богу
305	2 сн.	обличить	обличать
307	5 —	и о немъ	и не о немъ
316	3 св.	противное ему	противное сему
340	5 сн.	ясною	яснымъ
345	5 —	искомое станетъ вид- нымъ и душѣ	то искомое станетъ виднымъ, и душѣ
372	8 —	одинъ ведомый	одинъ видимый
378	3 св.	можетъ	можетъ
463	7 сн.	бозлоднымъ	безплоднымъ

—————

СОДЕРЖАНІЕ

С Е Д Ъ М А Г О Т О М А

ТВОРЕНІЙ СВ. ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

	<i>Стран.</i>
Слово противъ Арія и Савеллія.....	1
Слово о Св. Духѣ противъ македоніанъ.....	23
Опроверженіе мѣтній Аполлинарія (антирритикъ).....	59
Противъ Аполлинарія, къ Теофілу, епископу александрійскому.....	202
Къ Армонію, о томъ, что значитъ имя и названіе: христіанинъ.....	211
О совершенствѣ, и о томъ, какимъ должно быть христіанину. Къ Олимпію монаху.....	224
О цѣли жизни по Богѣ; объ истинномъ подвижничествѣ; отвѣтъ подвижникамъ, спрашивавшимъ о цѣли благочестія, и начертаніе, какъ жить и подвизаться въ обществѣ.....	263
О лѣвствѣ. Письмо, содержащее увѣщаніе къ добродѣтельной жизни.....	284
О нищелюбіи и благотворительности.....	395
Противъ отлагающихъ крещеніе.....	434
На слова Писанія: а блудій во свое тѣло согрѣшаетъ (1 Кор. 6, 18.).....	451
Противъ ростовщиковъ.....	457
Противъ тяготящихся церковными наказаніями.....	474
Слово къ скорбящимъ о преставившихся отъ настоящей жизни въ вѣчную.....	485